

Машин я жив...

ISSN 0131—6656

Фото Владимира Чейшвили

ЗАЩИТИМ

?

Спасет ли нас ведомственная экология?

Юлия Друнина: «И все же мы повинны...»

Накануне фестиваля. Фоторепортаж

Рой Медведев. «Брежнев»

«Машина времени»: двадцать лет спустя

ЕЩЕ РАЗ ПРО

ЛОЖЬ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ:

Публикация статьи «Ложь на душу населения» («Смена» № 16, 1988 г.) признана правильной, в целом объективно отражающей экологическую обстановку в г. Запорожье, где предприятиями только Заводского района выбрасывается до 225 тысяч тонн в год из 260 тысяч тонн всех вредных выбросов. Все это в конечном итоге продолжает оказываться на здоровье жителей города. По данным горСЭС, в воздушном бассейне города отмечается превышение допустимых концентраций в 2—5 раз таких веществ, как бенз-а-пирен, фенол, фтор и др. При проведении реконструкции меткомбината «Запорожсталь» в составе работ первой очереди предусматривается переселить жителей только из частных домов. В ТЭО заложено возмещение только балансовой стоимости строений без осуществления нового строительства взамен сносимого. Работы по реконструкции меткомбината и отселению из санитарной зоны требуют сооружения жилья, школ, детсадов и других объектов общей площадью 560 тысяч квадратных метров. В связи с тем, что до настоящего времени окончательно не определена санитарная зона, объемы капиталложений на социальные нужды остаются неопределенными, но то, что их сегодня недостаточно, нет сомнения.

В настоящее время финансирование кислородно-конвертерного цеха закрыто по санкциям городской СЭС до решения вопросов по организации санитарно-защитной зоны и устранения замечаний Минздрава УССР по ТЭО реконструкции меткомбината «Запорожсталь». Пятая сессия городского Совета народных депутатов в принятом обращении от 23 июня 1988 года поставила вопрос перед министром черной металлургии СССР т. Коллаковым С. В.: «...реконструкцию комбината «Запо-

рожсталь» приостановить до полного решения вопросов по природоохранным объектам и застройке социальной инфраструктуры из санитарной зоны, для чего разработать и согласовать с горисполкомом программу по реализации данного вопроса силами отраслевых организаций и иногородних.

Для выноса объектов соцкультбыта из санитарно-защитной зоны горисполкомам предложено четыре площадки под их застройку.

Необходимо выполнить строительно-монтажные работы на сумму 1,43 миллиарда рублей по промышленному строительству. При существующих мощностях строительных организаций на это потребуется 15 лет. Но реконструкция «Запорожстали» нужна городу, поэтому руководство города, области вошло с предложением в Совет Министров СССР (7308/2 от 1.08.88 г.) с конкретными предложениями по привлечению для этих целей дополнительных строительных мощностей с рассмотре-

нием также и неотложные мероприятия, которые должны быть осуществлены в текущей пятилетке.

Наиболее важной является программа «Запорожстали» и первоочередным ее вопросом — реконструкция сталеплавильного производства. Предусматривается вывод из эксплуатации морально и физически устаревшего мартеновского производства и замена его более прогрессивным конвертерным с непрерывной разливкой стали. Такая реконструкция уменьшит выбросы в атмосферу от сталеплавильного производства на треть. Одновременно со строительством кислородно-конвертерного цеха предусматривается создание санитарно-защитной зоны, строительство объектов социально-культурного назначения, а также выделение средств для долевого участия в расширении городского водопровода и канализации. Всего на природоохранные мероприятия и социально-бытовые нужды из 682 миллионов рублей стоимости

ферросплавного и огнеупорного заводов к 1995 году, а по «Запорожстали» — к 2000 году.

Что же касается предложенного т. Нагорным проекта «комбината экологии», то министерство отмечает, что проекта как такового никогда не существовало и не существует, а есть только идея, реализация которой результатов не даст. Консультации, проведенные по этому вопросу с Академией наук СССР, подтвердили наше мнение.

Л. РАДЮКЕВИЧ,
заместитель министра
черной металлургии СССР

...Санитарно-эпидемиологической службой осуществляется систематический контроль за выполнением мероприятий по охране окружающей среды... Только в течение XI пятилетки на строительство и реконструкцию воздухоохраных объектов в г. Запорожье было использовано около 12 миллионов рублей капитальных вложений, что обеспечило снижение объема выбросов в атмосферу более чем на 24 тысячи тонн и позволило снизить содержание пыли в воздухе в 2—2,5 раза, а также стабилизировать уровни ряда газообразных веществ; построено более 50 крупных водоохраных объектов, в связи с чем содержание взвешенных веществ в реке Днепр снизилось почти в 3 раза...

...В целом, несмотря на большой рост промышленного производства в городе, с послевоенного периода уровня загрязнения атмосферного воздуха и водоемов не возросли, а наоборот, снизились в десятки раз, хотя, как справедливо указывается в статье, еще остаются высокими. Подобное положение отмечается в УССР также в ряде других городов со сложившейся с дореволюционного и довоенного периода крупной промышленностью (гг. Днепродзержинск, Кривой Рог и др.).

Отсутствие в статье «Ложь на душу населения» вышеуказанных данных, по нашему мнению, лишает читателя полного представления о состоянии реше-

НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ

нием вопроса разворота реконструкции в Совете Министров СССР с участием заинтересованных организаций и принятием соответствующего решения. За 2 года пятилетки введено в эксплуатацию 24 крупные газоочистки, затраты на их строительство составили 8 миллионов рублей, за счет чего снижены выбросы вредных веществ на 22,5 тысячи тонн в год.

Приняту в 1984 году в Запорожье комплексную целевую программу «Биосфера» решено пересмотреть с учетом обострившихся требований к охране окружающей среды с доведением выбросов до предельно допустимых к 1995 году по всем промышленным предприятиям города. Этой программой предусмотрено «уменьшить выбросы в атмосферу на 97,6 тысячи тонн в год, в водоемы — на 96,7 миллиона кубометров в год. Для выполнения этой программы необходимо выделить и освоить более 600 миллионов рублей, в том числе строительно-монтажных работ на сумму 430 миллионов рублей.

Для координации деятельности инспектирующих служб по охране окружающей среды... принято решение о введении должности заместителя председателя исполкома городского Совета по экологии... По предложению общественности города исполкомом горсовета открыт в горуправлении жилсоцбанка СССР специальный счет 70025 для добровольного внесения средств на финансирование природоохранных мероприятий...

В. ВАСИЛЬЕВ,
председатель исполкома
Запорожского городского
Совета народных депутатов

...Для нормализации экологической обстановки в г. Запорожье все предприятия черной металлургии в 1988 году разработали и согласовали с исполкомами местных Советов народных депутатов долгосрочные программы по охране окружающей среды. В программы

первой очереди кислородно-конвертерного цеха предусматривается 182 миллиона рублей.

Природоохранной программой «Запорожстали» предусмотрено также оснащение дополнительными газоочистками доменных печей и агломерационных лент, модернизация действующих очистных установок. Такие работы уже ведутся... Не менее серьезные мероприятия предусматриваются программами по охране окружающей среды и других предприятий черной металлургии...

Осуществление намеченных экологическими программами мероприятий позволит прекратить сброс загрязненных вод в реку Днепр от всех предприятий к 1995 году, снизить выбросы в атмосферу до установленных нормативов от Днепросталли, коксохимического,

ния проблемы охраны окружающей среды в г. Запорожье и не способствует активизации участия населения в осуществлении оздоровительных мероприятий.

Как свидетельствует приведенный в статье текст письма, указания заместителя главного государственного санитарного врача УССР т. Мухарского М. С., порядок представления данных об изменениях в состоянии здоровья населения, связанных с загрязнением окружающей среды, установлен заместителем главного государственного санитарного врача СССР. Указанные данные своевременно направлялись в директивные органы.

А. КАСЬЯНЕНКО,
главный государственный
санитарный врач УССР

...Высокий уровень загрязнения воздушного бассейна связан не только с повышенными выбросами вредных веществ предприятиями черной металлургии, но и цветной металлургии: в г. Запорожье расположены титано-магниевый комбинат, алюминиевый и электродный заводы... На Запорожском титано-магниевом комбинате выбросы вредных веществ в атмосферу будут снижены до предельно допустимых в 1992—1993 годах. Сброс загрязненных сточных вод будет постоянно сокращаться, но полностью прекратится только в XIV пятилетке. На Днепровском электродном заводе выполнение запланированных мероприятий позволит снизить выбросы загрязняющих веществ в атмосферу к 1995 году: по бенз-а-пирену в 100 раз, сернистому ангидриду в 10 раз и достичь предельно допустимых выбросов. Сброс загрязненных сточных вод прекращен заводом еще в 1980 году.

На Днепровском алюминиевом заводе также осуществляются мероприятия, однако резкое сокращение выбросов вредных веществ возможно только после его реконструкции с переводом электролизного производства на электролизеры с обожженными анодами. К этой работе мы приступили хозяйственным способом, но сложный характер строительно-монтажных работ и их большой объем (более 100 миллионов рублей) требует привлечения сил запорожских строительных трестов Минстроя УССР. К сожалению, областной комитет партии и облисполком пока отказались принять в подряд трестов выполнение этих работ, хотя всем очевидно, что никто и никуда не придет в Запорожье для их осуществления.

Что касается «комбината экологии», предлагаемого А. Нагорным, то такого проекта не существует, есть только идея. Недавнее обсуждение этой идеи, организованное Запорожским горкомом партии и горисполкомом, по словам секретаря горкома т. Кияниса В. В., выявило отрицательное к ней отношение ввиду технической и научной несостоятельности. Кстати, примерная стоимость осуществления проекта, по прикидкам специалистов института «ЦНИИпромзданий» Госстроя ССР, оценивается не менее 3 миллиардов рублей, а не 300—350 миллионов рублей, как указано в статье.

Б. КОЛЕСНИКОВ,
заместитель министра цветной
металлургии ССР

НИЯ

Аркадий ПАЛЬМ

Перечитал ответы главного санитарного врача республики, заместителей министров черной и цветной металлургии ССР, председателя Запорожского горисполкома, и такая меня взяла тоска!.. Получается, я про Фому, а они про Ерему. В статье «Ложь на душу населения» («Смена» № 16, 1988 г.) речь шла о глубинных проблемах взаимодействия человека с окружающей средой, о целостном взгляде на экологию. Ведь «эко» — дом, наша с вами среда обитания. Мне представлялось, что заинтересованные лица проявят тот уровень мышления, который позволит им рассматривать человека как меру всех

ценностей. В конце концов здоровье людей — основной капитал нации. А вот развитие черной металлургии до сих пор идет в русле сталинской трактовки человека как приданка доменной печи. И благодественные лозунги, пытающиеся это опровергнуть, — ложь.

Четверть века назад американский ученый Барри Коммонер сформулировал четыре закона экологии. Первый: все взаимосвязано. Второй: все должно куда-нибудь деваться. Третий: все что-нибудь да стоит. Четвертый: природа знает лучше нас. Идея Александра Нагорного о создании «комбината экологии» опирается на эти законы.

В ответе заместителя министра черной металлургии Л. Радюковича содержится утверждение: «Проекта как такого никогда не существовало и не существует, а есть только идея, реализация которой результатов не даст. Консультации, проведенные по этому вопросу с Академией наук ССР, подтвердили наше мнение». Пусть будет так — проектировщики опровергнутся. Но мне, в частности, хотелось бы знать — с кем именно? Давайте в открытую, а то анонимные консультации очень напоминают межведомственные тайные вечери. Такое богатое ведомство, как Минчермет, имеет гигантский институт консультантов по всем вопросам, единственная цель которых — обслуживать интересы своих работодателей. Однако мне академическая инстанция видится не содержанкой Минчермета, а служительницей истины. Поэтому мы и обращались к президенту Академии.

На мгновение я представил вполне реальную ситуацию — замминистра Л. Радюковича выдвинут кандидатом в народные депутаты ССР. И вот он выступает, скажем, перед жителями Запорожья со своей программой. Уверен — он не станет отказываться от своего взгляда на реконструкцию «Запорожстали». Что же конкретно обещает Л. Радюкович? А вот что: сброс загрязненных вод в Днепр прекратится к 1995 г., снизятся выбросы в атмосферу до установленных нормативов (?) от «Днепроплестстали», коксохимического, ферросплавного и огнеупорного заводов к 1995 г., а по «Запорожстали» — к 2000 году. Что ж, спасибо. Я за такую программу голосовать не стану. Не утешает меня и широкий жест Министерства черной металлургии — «средства для долевого участия в расширении городского водопровода и канализации». Не греет и отвоеванная за это время добавка на соцкультбыт — уже не 68, а 182 миллиона рублей.

Программа замминистра цветной металлургии ССР Б. Колесникова точно такая же, как и у его коллеги из МЧМ: «Сброс загрязненных сточных вод в Днепр прекратится только в XIV пятилетке» (по Радюковичу — 1995 г.). «Выбросы вредных веществ в атмосферу будут снижены до предельно допустимых норм (?) в 1992—1993 гг. ... Выбросы загрязняющих веществ... по бенз-а-пирену сократятся в 100 раз (?), сернистому ангидриду — в 10 раз и достигнут предельно допустимых (1995 г...)».

Общий нравственный смысл этих ответов — надо терпеть. Причем неопределенно долго, поскольку точкой отсчета, от которой станут исчисляться заботы о моем здоровье, замминистры дружно избрали ПДК — предельно допустимые концентрации всякого рода отравы в воде и воздухе. Само по себе это чудовищное надувательство. Вот мнение академика АМН ССР В. Казначеева: «Принятая сегодня концепция так называемых предельно допустимых доз или концентраций (ПДК) есть концепция тактическая, себя исчерпавшая. Она нужна лишь как инструмент управления в самых грубых, приближенных масштабах. Даже при выполнении существующих требований нормативности ПДК вредное влияние среды (имеется в виду среда, «обогащенная» промышленными и бытовыми выбросами и стоками) не исчезает, оно становится более глубоким и коварным. Ведь в свете концепции ПДК невозможно ответить на вопросы: как отразится наложenie,

сумма многочисленных факторов этой среды, каждый из которых в отдельности не представляет опасности, на состояние здоровья человека сейчас и в будущем?.. Уже сегодня нужно вводить ответственность не столько за получение наивысшего промышленно-хозяйственного эффекта, сколько за то, каковы будут последствия этого эффекта для природы и человека».

Не знаю полного регламента обязанностей заместителей министров. Однако смею полагать, что когда обращаешься к министру лично (а мы обращались даже не к министру, а к зампреду Совмина ССР Г. Веденникову; он, видимо, поручил министрам), элементарная логика велит не перекладывать ответы на замов...

Между тем в «низах» уже есть примеры достойного поведения в экологически экстремальных ситуациях. Я имею в виду не только санитарного врача Иванова, наложившего арест на счета строителей, о чем говорилось в очерке «Ложь на душу населения». Не только.

Живут в селе Екатериновка на Днепропетровщине две старушки. Однажды они проснулись знаменитыми. Было так. (Но сначала чуть отвлечемся, чтобы пояснить психологию современного крестьянина. Противоречия в ней наметились давно. Согнанных в колхозы людей велено было считать хозяевами земли. Ложь эта жива и по сей день. Последствия ее общеизвестны. Бравая песенка о том, что «в колхозах хлеба полные амбары», понапалу обернулась голodom, а позже вечной нехваткой продуктов. Крестьянское подворье, те самые «сотки», обрезаемые порой «по порог», не дали окончательно пропасть хозяину. Семейный подряд, аренда — все это возвращение к «сотке»-коримице. Крохотный надел земли, помимо всего прочего, стражит нравственность.)

Жители Екатериновки слыхом не слыхивали о реконструкции «Запорожстали». У них самих случилась беда. Птицефабрика «Орельская» решила строить подле села очистные сооружения для своей базы отдыха. О том, естественно, никого из жителей Екатериновки не спросили. Местное начальство привыкло все решать в узком застольном кругу. И вдруг Любовь Григорьевна Браженко видит из окна хаты бульдозер. Развернувшись и подняв скользкий нож, он идет на огороды. Браженко выбежала во двор, кричит:

— Стой, ирод! Стой, кому говорят!

Ирод — молоденький бульдозерист — и ухом не ведет. Любовь Григорьевна обежала спереди машину и... бросилась под нож.

Внуки у нее подросли. Живут в Днепропетровске, таком же зловонном, как Запорожье, при той же загаженной реке Днепр. Известное дело, часто болеют. Одно спасение — летом к бабушке. У нее и вода в колодце жемчужная, и ягоды клубники, что цветы. Чистый воздух — от леса, посаженного лесником Афанасием Бутенко. Везде по Украине сводили на пеньки деревья. Бутенко же своим трудом стремился возместить разбой современников. Многие сотни и тысячи деревьев посадил мой друг на горе Калита. Он обладал тем мышлением, на которое рассчитывает ученый Нагорный со своей идеей экологического комбината... Однако поспешим к женщине, распространяющей на землю.

— Ты что, с ума сошла?! — орет мальчишка-бульдозерист.

Когда я перечитываю официальные ответы на статью, словно бы слышу крик ведомственного солдата, вижу налитые кровью глаза, в которых ни добра, ни совести нет, пусто, как в кармане нищего. Бульдозерист трясет бумажкой-нарядом, мол, сам директор птицефабрики велел сносить огороды.

Когда нет закона, его место занимают инструкции. Нравственное зерно конфликта на меже возле Екатериновки заключается в том, что схватились хозяин земли Любовь Григорьевна и наемный рабочий, которому наплевать на природу. Прикажут — станет все рушить, не щадя и отчего дома. Господи,

когда же к нам придет понимание, что так жить нельзя: работать для того, чтобы лечиться, и лечиться для того, чтобы работать?

Л. Радюкович не стесняется: «Улучшение экологической обстановки требует больших капитальных затрат». А мое здоровье, каких затрат оно требует? Что дороже — моя жизнь или кусок железа? Я снимаю берет перед «Диким Западом» хотя бы за то, что там очистили Великие Американские озера. А для того, например, чтобы очистить одно озеро, потребовалось одиннадцать миллиардов долларов! Темза, еще недавно бывшая клоакой, стала экологически чистой рекой, где водятся лососи. Мне представляется единственно правильным принцип: загрязнил биосферу — плати столько, сколько нужно для того, чтобы убрать грязь. Когда у капиталистов затраты на очистные сооружения дошли половины от затрат на производство, мгновенно появилась безотходная технология. Давайте так, товарищ заместитель министра, стройте «Запорожсталь», но не по-браконьерски, платите за каждую молекулу бенз-а-пирена, витающую над кроваткой моего ребенка. Пусть ваша реконструкция станет образцом экологического мышления. Как в Японии, где на металлических заводах работают в белых халатах. Не хотите? Тогда мы вас переизберем, на то и становятся у власти народные депутаты.

Поразительное дело — главы государств мира объединяют свои усилия для того, чтобы сохранить озонную оболочку планеты, а руководство Минчермета, как барышник, торгуется с горожанами Запорожья за каждый метр канализационного коллектора! Прислушаемся к мнению члена-корреспондента А. Яблокова: «...сейчас немедленно надо потратить огромные деньги — 5, а то и 10 процентов нашего национального дохода, чтобы просто выжить. Это должны понять руководители любого ранга. Если руководитель не понимает этого или не хочет понимать, нужна смена экологически неграмотного и экологически авантюрного руководства».

В статье «Ложь на душу населения» речь шла и о лицемерии конкретных работников Минздрава, чья исполнительская деятельность набрасывает покров военной тайны на связь между деятельностью промышленных предприятий и моим, в частности, здоровьем. Таким образом, меня лишили права знать правду и возможности прогнозировать свое поведение даже в таком пустяке, как выбор времени — когда обращаться к врачу. Зато в случае болезни время на лечение точно определил ВЦСПС: больничный лист выдается на три дня. На большее врач не имеет права. Меня всегда поражало: каким образом председатель ВЦСПС тов. Шалаев успевает ставить диагноз десяткам миллионов больных.

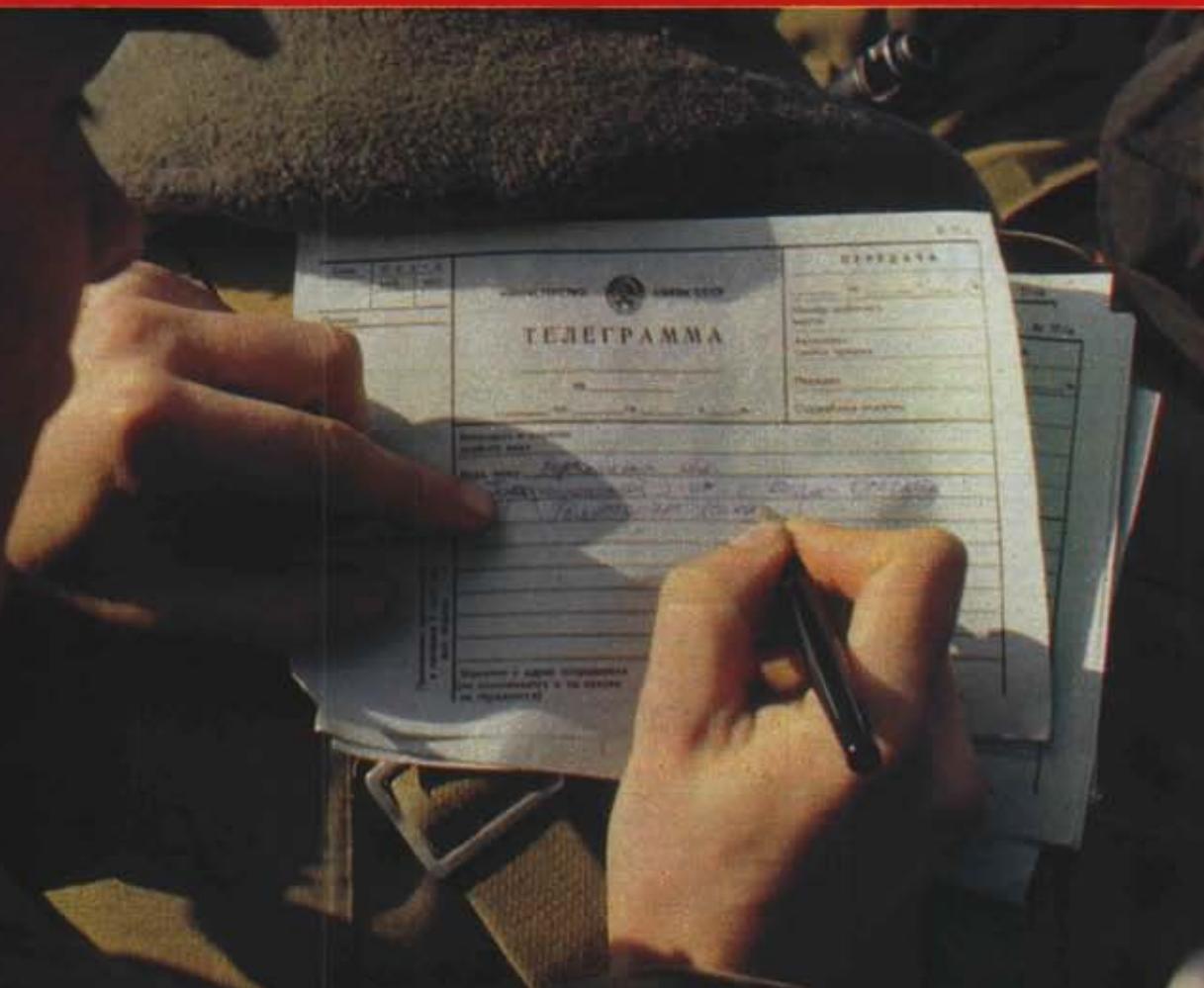
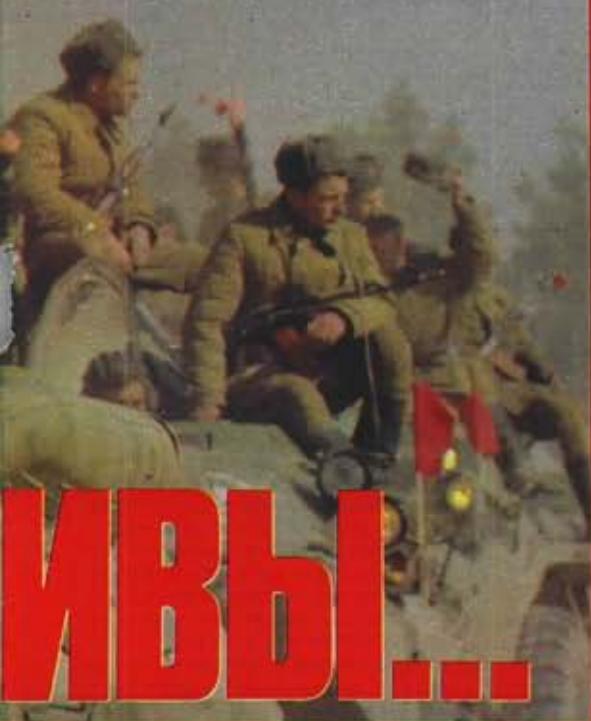
В сотне городов страны ПДК превышает нормы в десять и более раз. Но все это покрыто тайной. Таинственность плодит невежество. Невежество — узда крепкая. Меньше знаешь — лучше спиши. Студенческий юмор прекрасен, но он беспомощен как мера управления. Смею утверждать, что те, кто скрывает информацию о состоянии биосферы, способствуют распространению невежества. Иначе говоря, оглушают людей сознательно. Именно это, на мой взгляд, побоища признают в своем ответе в редакцию главный санитарный врач УССР А. Каляненко. Мне ненавистна ведомственная ложь о предельно допустимых концентрациях — ПДК. Нет таких норм! Есть бессовестная игра со здоровьем миллионов людей. На фоне отсутствия счетчиков Гейгера и шприцов одноразового пользования. Но есть и иная грань в таком подходе — санкционирование традиционных технологий. Верно замечено: ворон ворону глаз не выклевают. Так и ведомства готовы жить друг с другом полюбовно, лишь бы выжить.

Спектр'89

Мы-Ж

Георгий ТАНУТРОВ
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

-С- топ, Андрюша! — крикнул сидящий рядом с водителем прaporщик Игнатенко. — Вон за тем дувалом чалму видел? Той чалмы Андрей не видел, но тут же из-за забора вынырнули две другие. За ними заглянули и два ствола.

— Линяям! — Игнатенко выхватил автомат, но разбивать стекло не пришлось. Это сделали душманские пули.

— Андрей налег на руль, пытаясь развернуть «узик», но было уже поздно.

— Сзади гранатомет! — крикнул прaporщик и выкатился из машины. Андрей — за ним. Лежа в пыли, они отстреливались еще минут десять. Но положение было безнадежным: их окружили. Первым ранили прaporщика, потом его, старшего сержанта Андрея Карпа. Потом у них кончились патроны. Высокий душман в белой курте, уже не прячась, навел на них свой гранатомет.

Всё. Сейчас нажмет на спусковой крючок — и их души взметнутся в ясное небо Найбабада...

— «Слава воинам-интернационалистам!» — начертано на кумачовом транспаранте, трепещущем на ветру в руках двух крепких парней. Пострелят цветы, флаги, яркие узбекские наряды. Сияет ласковое солнце. С холма веет шашлычными ароматами. Из громкоговорителя грохочет песенка про гиподинамию...

Если посмотреть на все это издалека — скажем, с моста «Дружбы», откуда с минуты на минуту должна появиться колонна, — то может показаться, что лица собравшихся здесь людей все как одно сияют от радости. Подойдем же поближе.

— Нуреддинов Борис. Встречаю сына, Бахадыра. Он — разведчик... Что? Да нет, зачем она нам, война эта? Зачем молодым умирать? Если и надо умирать, то за свою родину, я так думаю.

— Меня зовут Екатерина Степановна. Кого жду? Нет, не сына. Наших ребят. Сын будет в самом конце выхода. Он ранен...

— Наташа. Лена. Римма... Нет, не женихов. Так, ребят... Да, может быть, будущих женихов... Конечно, ведь они выполняли интернациональный долг... Какой? Защищали афганский народ от душманов. Душманы? Нет, это не народ. Ну, не знаю, что-то вроде бандитов...

Возвращение.

Три раза подрывался на минах сапер Гаврилов.

В терmezском госпитале.
«Не в сорок первом под Калугой,
где холм высок...»

...И первым делом — на почту,
дать телеграмму!

Рой МЕДВЕДЕВ

В. И. Ленин говорил, что настоящие политические деятели не умирают для политики, когда наступает их физическая смерть. Политика, впрочем, мало чем отличается в этом отношении от любой области человеческой деятельности. Есть много людей, которые остаются нашими современниками, хотя они умерли десятки и сотни лет тому назад. Эти люди продолжают свою жизнь не только в учебниках истории, но и в современной политике и культуре, оказывая и сегодня влияние на взгляды, чувства и поведение отдельных групп, партий, наций, а иногда и всего человечества, хотя это влияние и не всегда бывает благотворным. Но есть еще больше политиков или деятелей культуры, влияние которых не переходит за границы их земной жизни. Они могут сойти с политической сцены и потерять значение для своей страны или партии даже при жизни. Это и есть то, что принято называть политической смертью. Она, как считал Тито, может оказаться для политика более страшной, чем физическая смерть. Именно эту участь уготовила судьба для Л. И. Брежнева. В силу стечения многих обстоятельств он занимал почти 20 лет очень важный политический пост и играл немалую роль в международной жизни и в политической жизни страны. Он заслужил несколько строк или даже несколько страниц в учебниках истории, но был личностью столь посредственной и политиком столь заурядным, что ему было бы трудно рассчитывать на слишком долгую политическую жизнь. И действительно, Брежnev начинает быстро сходить с политической сцены не только в прямом, но и в переносном смысле.

КОНЕЦ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ БРЕЖНЕВА

Еще в 50-летнем и даже 60-летнем возрасте Брежнев жил, не слишком заботясь о состоянии своего здоровья. Он не отказывался от всех удовольствий, которые может дать жизнь и которые далеко не всегда способствуют долголетию.

Первые серьезные проблемы со здоровьем появились у Брежнева, видимо, в 1969—1970 гг. Рядом с ним стали постоянно дежурить врачи, и в местах, где он жил, были оборудованы медицинские кабинеты. В начале 1976 г. с Брежневым случилось то, что принято называть клинической смертью. Однако его удалось вернуть к жизни, хотя в течение двух месяцев он не мог работать, ибо его мышление и речь были нарушены. С тех пор рядом с Брежневым постоянно находилась группа врачей-реаниматоров, вооруженных необходимым оборудованием. Хотя состояние здоровья наших лидеров относится к числу тщательно охраняемых государственных тайн, прогрессирующая немощь Брежнева была очевидна для всех, кто мог видеть его на экранах своих телевизоров. Американский журналист Симон Хэд писал: «Каждый раз, когда эта тучная фигура отваживается выйти за кремлевские стены, внешний мир внимательно ищет симптомы разрушающегося здоровья. Со смертью М. Суслова, другого столпа советского режима, это жуткое пристальное внимание может только усиливаться. Во время ноябрьских (1981 г.) встреч с Гельмутом Шмидтом, когда Брежнев едва не падал при ходьбе, он временами выглядел так, как будто не сможет протянуть и дня».

В сущности, он медленно умирал на

* Очерк перепечатывается из журнала «Рабочий класс и современный мир» (№ 6, 1988 г.) с любезного согласия автора и редакции.

Фото Александра УСТИНОВА

НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ СМЕРТИ БРЕЖНЕВА

Иностранные журналисты в Москве отмечали в своих репортажах то равнодушное спокойствие, с которым очень многие из рядовых граждан встретили весть о смерти Брежнева. Этого события давно ждали. «Отмучился», — сказала пожилая работница, которая еще недавно жаловалась на болезнь Брежнева: «Такой старый и больной, а еще заставляют работать». Эта женщина и ее муж были моложе и здоровее Брежнева, но они уже давно были на пенсии и проводили большую часть дня у телевизора. Действительно, известие о смерти Брежнева большинство людей в стране приняли спокойно, не было ничего, что подошло бы на «весенародную скорбь».

В Обращении ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР к советскому народу говорилось, что «жизнь и деятельность Л. И. Брежнева будут всегда вдохновляющим примером верного служения Коммунистической партии и советскому народу». На внеочередном Пленуме ЦК КПСС, который собрался в Кремле 12 ноября 1982 года, также можно было услышать, что Л. И. Брежнев «навсегда останется в памяти благодарного человечества как последовательный, страстный и неутомимый борец за мир и безопасность народов». То же самое можно было услышать с трибуны Мавзолея в день похорон.

Но уже через две недели, на очередном Пленуме ЦК прозвучала хотя и косвенная, но резкая критика многих недостатков прежнего руководства и утвердившегося при нем бюрократического стиля управления. Имя Брежнева все реже и реже стало появляться в печати, а его портреты снимались как со стен московских домов, так и со стен служебных кабинетов. В газетах и журналах почти исчезли цитаты и ссылки

БРЕЖНЕВ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ЛИДЕРА ЗАСТОЯ

глазах всего мира. У него было в последние шесть лет несколько инфарктов и инсультов, и врачи-реаниматоры несколько раз выводили его из состояния клинической смерти. В последний раз это произошло в апреле 1982 г. после несчастного случая в Ташкенте.

Разумеется, болезненное состояние Брежнева стало отражаться и на его способности управлять страной. Он был вынужден часто прерывать выполнение своих обязанностей или перелагать их на непрерывно растущий штат своих личных помощников. Рабочий день, Брежнева сократился на несколько часов. Он стал выезжать в отпуск не только летом, но и весной. Постепенно ему становилось все труднее выполнять даже простые протокольные обязанности, и он перестал разбираться в том, что происходит вокруг. Однако очень много влиятельных, глубоко разложившихся, погрязших в коррупции людей из его окружения были заняты в том, чтобы Брежнев временно появлялся на людях хотя бы как формальный глава государства.

Они буквально водили его под руки и достигли худшего: старость, немощь и болезни советского лидера стали предметом не столько сочувствия и жалости его сограждан, сколько раздражения и насмешек, которые высказывались все более открыто.

Еще днем 7 ноября 1982 года во время парада и демонстрации Брежнев несколько часов стоял, несмотря на плохую погоду, на трибуне Мавзолея, и иностранные газеты писали, что он выглядел даже лучше обычного. Конец наступил, однако, всего через три дня. Утром во время завтрака Брежнев вышел в свой кабинет что-то взять и долго не возвращался. Обеспокоенная жена пошла из столовой за ним и увидела его лежащим на крове возле письменного стола. Усилия врачей на этот раз не принесли успеха, и через четыре часа после того, как сердце Брежнева остановилось, они объявили о его кончине. На следующий день ЦК КПСС и Советское правительство официально оповестили мир о смерти Л. И. Брежнева.

на Брежнева. Весьма формально были проведены в декабре 1982 г. различные мероприятия по увековечению памяти. Сообщения о митингах и собраниях по этому поводу были краткими и помещались где-то на последних страницах газет. На торжественном заседании, посвященном 60-летию СССР, имя Брежнева прозвучало только один раз — во вступительной речи К. Черненко. С другой стороны, слова докладчика о том, что партия и народ «должны ориентироваться на дела, а не на громкие лозунги», были восприняты как критика в адрес Брежнева. Эта фраза была встречена аплодисментами присутствующих. Выход в свет 9-го тома сочинений Л. И. Брежнева «Ленинским курсом», а также последних разделов его мемуаров был отмечен в печати весьма сдержанными комментариями. В Тезисах ЦК КПСС к 80-й годовщине образования РСДРП можно встретить имена Маркса, Энгельса, Ленина и Андропова, но не Брежнева. С февраля 1983 г. упоминания имени Брежнева почти полностью прекратились. Один лишь раз упо-

маянуло имя Брежнева и М. С. Горбачев в своем докладе на торжественном заседании в Москве, посвященном 113-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Процесс забвения шел не только в печати. О Брежневе все меньше и меньше говорят в любой советской семье, его образ исчезает из сознания народа. Мы присутствуем, таким образом, не только при постепенном демонизаже «культы» Брежнева, который безуспешно насаждался в стране в течение столь многих лет, но и при начале его политической смерти.

ГЛАВНЫЕ ПРИЧИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СМЕРТИ БРЕЖНЕВА

Основные причины физической смерти Брежнева были опубликованы 12 ноября 1982 года в кратком медицинском бюллетене. Причины его политической кончины с такой же краткой определенностью изложить трудно. В первую очередь надо сказать в этой связи о том, что Брежnev оставил своим преемникам тяжелое наследие из трудно-разрешимых проблем. В сущности, последние пять лет его правления были годами все углубляющегося экономического и политического кризиса. Ни один из планов экономического развития в эти годы не был выполнен. Национальный продукт увеличивался не более чем на 2 процента в год при ухудшении многих важных экономических показателей. Огромные трудности возникли в энергетике, в угольной и лесной промышленности, на транспорте, в производстве многих предметов потребления. Четыре года подряд был нурожай, и в этом повинна не только плохая погода. Особенно сократилось производство зерна. Соответственно увеличились закупки зерна и продовольствия за границей. Полки продовольственных магазинов пустели, в большинстве промышленных центров пришлось ввести лимитирование в распределении продуктов питания. Была

небольшие обозреватели отмечали, что при нем Советский Союз достиг небывалого ранее военного могущества, впервые в своей истории сравнявшись с объединенной военной мощью Запада. Это верно. Но даже энергичные сторонники укрепления военной мощи СССР понимали, что военно-промышленный комплекс является, в сущности, лишь болезненным наростом на экономическом организме любой страны и его развитие всегда лимитируется развитием гражданских отраслей экономики. Поэтому без крепкой и хорошо налаженной экономики, без передовой технологии, без процветающего сельского хозяйства, обеспечивающего хорошее питание всего населения и необходимые стратегические резервы, не только дальнейшее расширение, но и поддержание военной мощи СССР может оказаться крайне затруднительным или вообще невозможным.

Конечно, политические, хозяйственные или даже военные неудачи и трудности не могут быть единственной причиной политической смерти того или иного человека, возглавлявшего страну или партию. Многие великие политические лидеры потерпели неудачу в своих начинаниях, они имели печальную возможность видеть упадок своего дела в конце своей жизни, однако это не приводило автоматически к их политической смерти. Масштабы личности и деятельности того или иного политика или деятеля культуры могут иногда даже возрасти в благодарной памяти его наследников и потомков.

Но истина состоит в том, что Брежнев не был подлинно великим или даже выдающимся человеком. Если давать какую-либо предельно краткую характеристику, то я сказал бы в первую очередь о нем как о слабой почти во всех отношениях личности. И этим он отличался от своих предшественников. У него не было интеллектуальной силы и политического гения Ленина. У него не было сверхчеловеческой силы воли и злобного властолюбия Сталина.

У него не было исключительной самостоятельности, огромных реформаторских замыслов и громадной работоспособности Хрущева. И по характеру, и по интеллекту Брежнев был посредственным и неглубоким политиком, но большим мастером аппаратной интриги.

Несомненно, что слабость Брежнева как руководителя и человека не могла не отразиться и на положении дел в стране. Здесь не было простой автоматической связи, так как ухудшение как внутреннего, так и международного положения СССР было связано и с рядом объективных причин. Однако глубина переживаемых трудностей определялась и рядом субъективных причин, и в частности прогрессирующими одряхлением Брежнева и его ближайших соратников. Ведущая группа советских лидеров, как она сложилась в 1978—1982 гг., оказалась не в состоянии преодолеть неблагоприятное влияние объективных тенденций. При этом сказалось не только то, что Брежнев, Суслов, Кириленко и отчасти Косыгин были уже очень старыми и тяжело больными людьми, способными работать лишь несколько часов в день и слишком обремененными заботой о состоянии своего здоровья. Можно вспомнить, что и Ленин был в 1922—1923 гг. тяжело болен и врачи разрешали ему работать нередко всего по 10—15 минут в день. Однако то, что он сумел сказать, написать и продиктовать в эти годы, составляет едва ли не наиболее важную и зрелую часть его наследия. Тяжело был болен в 1949—1953 гг. и Сталин, однако это не ослабляло страшной силы его деспотической власти. Что касается Брежнева, то во время болезни он практически целиком отстранился от руководства страной, передав верховную власть своим многочисленным фаворитам и помощникам.

Выступая 12 ноября 1982 года на Пленуме ЦК, Черненко говорил о выдающихся способностях, остром уме и исключительном мужестве Брежнева,

о его находчивости, требовательности к подчиненным, нетерпимом отношении ко всем проявлениям бюрократизма и т. п. С таким же успехом он мог бы говорить о выдающемся литературном даровании покойного (не зря же он получил Ленинскую премию по литературе), о его глубочайшей научной эрудиции (не зря же он получил золотую медаль имени Карла Маркса) или о его выдающихся полководческих и ораторских дарованиях. Даже во многих статьях в западной печати о Брежневе говорилось как о сильной личности, как о человеке с сильным интеллектом, умело и тонко «обыгрывающем» своих соперников. Но все эти оценки далеки от истины. Брежнев никогда не был тем, кого принято называть «сильной личностью». Это был человек со слабой волей и слабым характером. Во многих отношениях он был человеком не только доброжелательным, но даже мягкотелым. Но качества, которые можно было бы считать даже похвальными для рядового обывателя, не слишком подходят для руководителя могущественной сверхдержавы.

«ТИХИЙ ПЕРЕВОРОТ» 1970 ГОДА

В Политбюро Брежнев в конце 60-х годов был только первым среди равных, многие из членов Политбюро выдвинулись еще при Сталине и занимали тогда более высокие посты, чем Брежнев. Другие члены Политбюро выдвинулись при Хрущеве. Однако стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, Брежнев получил возможность продвинуть вперед многих из своих ближайших друзей. Так, например, в 1966 году было решено восстановить упраздненное при Хрущеве общесоюзное министерство внутренних дел. По предложению Брежнева новым министром внутренних дел стал его друг — выпускник Днепропетровского металлургического института Н. А. Щелоков, продолжавший все еще работать в Молдавии в ка-

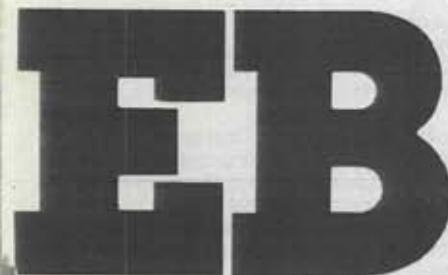

Фото Алексея ГОСТЕВА

расширина система коммерческой торговли по более высоким ценам. Все это вызывало недовольство среди самых широких слоев населения.

Чрезвычайно усложнилось международное положение СССР. Мало что осталось от времен «детанта», а отношения с Соединенными Штатами стали напоминать худшие времена «холодной войны». Страны Востока и Запада стояли на пороге нового витка спиралей все более опасной дорогостоящей и бесмысленной гонки вооружений. На востоке появилась такая трудная проблема, как Афганистан, а на западе — не менее трудная проблема Польши. Китайско-вьетнамский конфликт, проблема Камбоджи, приход к власти в ФРГ консервативного руководства — все это осложняло решение проблем советской внешней политики.

Политический капитал, накопленный администрацией в годы разрядки и сравнительно быстрого экономического развития 60-х годов, был позднее почти полностью растрочен. Анализируя эпоху Брежнева, многие иностран-

Андрей ПЛАТОНОВ

БУЧИМО

Тянетесь день, как дратва:
скуча бычачья. Рассказать тебе
про дни?»

I. О РАННЕЙ ПОРЕ И ВОЗМУЖАЛОСТИ.

Жил некоим образом человек — Евдок, Евдоким, фамилию имел Абабуренко, а по-уличному Баклажанов.

Учил его в училище поп креститься: на лоб, на грудь, на правое плечо, на левое — не выучил. Евдок тянул за них по-своему: а лоб, а печеньки...

— Как называется пресвятая дева Мария?

— Огородница.

— Богородица, чучел! Нету в тебе уму и духу. Вырашешь, будешь музавером, абдул-гамидом.

— А ну, считай с начала, по порядку, — говорила учительница Евдоким, — клади по пальцам.

И Евдоким считал, не спеша и в размышлении:

— Однова, в другоряд, середа, четвергъ... ешшо однова и три кряду...

— Садись, дурь, — говорила учительница, — слушай, как другие будут отвечать.

А Евдок ждет не дождется, когда пустят домой. Он горевал по своей маме и боялся, как бы без него не случился дома пожар — не высокочат: жара, ветер, сушь. Уж гудок прогудел — двенадцать часов. Отец домой пришел обедать, на огороде у Степанихи трава большая растет и лопухи. Ребята ловят птиц, уж скоро, должно быть, будет вечер и комары.

В училище стояло ведро — пить. Каждый день учат закону божьему, потом приходит Аполлинария Николаевна, учительница, и пишет палочки на доске, а Евдок за ней каряет грифелем у себя хворостины. Потом спрашивает и велит читать вслух.

Евдокглядит в букварь и читает:

— Мо, ммо...

На переменах приходит Митрич — сторож, чтобы ребята не выбили окон и не бесчинствовали.

Как чуть кто заплачет от драки или тоски по матери, Митрич орет:

— Ипяты! Займаться...

И вот прошло много дней. Издох в училище на дворе Волчок. Отец Евдокима купил на толле другой самовар. Родился у Евдока Саня — маленький брат. Покатал его Евдок на тележке одно лето — на Петровки он умер от живота.

Тоньше и шибче билось сердце у Евдока, и он уходил летними вечерами в поле и тосковал — о далеком лесе, об одной звезде, о дальних деревенских пустых дорогах. Как подрос Евдок, так вскоре попал в солдаты. Ходит по плацу, орудует винтовкой — лежит недвижимо, в душе пуд. Раз случилось с ним странное дело: семь дней на двор не ходил. Ляжет спать: бурчит в животе, и вода без толку переливается. Кругом нары, храп, пот, вонь, а внутри Евдокима прохладные вечерние деревенские дороги и ждущая ухинать мат.

Дать бы по скute изобретателю сердца!

Осмелился Евдок и пошел к доктору. Так, мол, и так-то.

— Што-о?.. — провыл доктор.

Евдок опять:

— Осьмой день не нуждаюсь.

Уходя, Евдок взялся нечаянно на докторовском столе за карандаш.

— Возьмите себе его на память, Абабуренко, — сказал доктор.

Евдок погладил черную камилавку доктора.

— Пожалуйста, Абабуренко, возьмите и ее. Нате вам и ручку. Она вам нравится?

Оказывается, доктор был мнительный человек: дверной ручку брал не иначе, как в перчатке. Кто у него в кабинете возьмет что в руки или пощупает, то ему доктор сейчас же и подарит на память: лампу, лист бумаги, клок ветоши, либо какой инструмент.

Странный, но сурьезный был человек.

Дня через два у Евдока рассосались кишки, и он оправился.

Так шла и шла жизнь Евдокима, рекой одинаковых дней, пока он не перекувырнулся и не изобрел настоящего бессмертного человека, который остался на земле навсегда и уже не расставался со своей материю

и породнил звезду с соломой, плетнем и ночной порожней дорогой меж тихих деревень.

Об этом еще будет длинная повесть, это будет скоро у всех людей на глазах.

II. СТРАНСТВИЕ.

Была революция, было передвижение людей по земле, была веселая работа. Был комиссаром Абабуренко, кормил отряды в голодных селах, думал, воевал и странствовал. Как великое странствие и осуществление сокровенной души в мире осталась у него революция. Реквизировал животность и мертвый продукт и писал бумаги:

«Предлагаю уплатить моему отряду жалованье за четыре месяца вперед.

Комиссар-командир, член партии большевиков Евдоким Абабуренко. Угрожаю захватом города и привлечением его жителей, обывателей и прочих к революционной ответственности по революционной советской Комиссар Абабуренко. № 7143268.

Программа имела Абабуренко в кулацких степях — и стихло. Все прошло, как потопло в бутилке татарской осохшей реки.

Странником остался Евдоким и стал портным. Живет в городе одном и имеет душевного друга, Елпидифора Мамашина, который был бас и дурак.

Вошли мы раз с Елпидифором в хату к Евдокиму (дело до него было — не особо существенное, впрочем) — тишина, темнота и жуть.

— Где тут портной живет, сделать из штанов галифе?

— Стой, — закричал Елпидифор, — я сообразил: живые люди воняют.

Понюхали: дух стоял чистый, и вдруг, действительно, понесло махоркой и жженой бородой.

— Вот он — портной, вылезай.

Заскрипела спальная снасть, и невидимое тело сморкнулось и забурчало. Для света и вежливости я спокойно закурил.

— Здорово, Евдоким. Раскачивайся!

— Здравия желаю, гражданин, — как кувалдой гвозданул Евдоким, портной. В чистом воздухе, тишине и тьме хранился такой голос! Как огурец зимой в кадке.

Зажгли коптильный светильник. Скамейка, стол, вода в ведре и спящий глубоко и непробудно щегол под потолком в тепле. Евдоким надел для сурьезности и пропорциональности своей профессии очки и привязал их веревочкой к ушам — приспособление самодельное. Евдоким теперь постарел, стал угрюм, поклонен, похожий на деда, на сон и хлеб — коричневый, ласковый, тепловой, как хлебное мяуканье. Из сажевой кожи был человек, если царапнуть ему щеку — рубец останется. Но в желтых глазах его было ехидство и суэта — Евдоким был сатана-мужик, разбойник, певец и ходил женишком. Засиделым девкам в воскресенье лимонад покупал. Не женился, будто бы потому, что подходящей ласковой бабы не подыскал, и впоследствии купил щегла.

— Так, говоришь, тебе две галифи изделать?

— Да, желательно бы.

— Так-так... Одна галифа выйдет, а на другую матерьялу подкупай, — задумчиво сказал Евдоким и поглядел через очки.

— А стоимость какову скажете?

— Да что ж с вас — один алимон, чаю попить.

— Прекрасно, прекрасно, — сказал Елпидифор (отчасти бывший интеллигентом). — До свидания!

— Прощевайте. Посветить вам, может?

— Не надо, не утруждайтесь, мы так.

И мы полезли к старинному монастырю на гору. Чудесно тут держались дома — на сваях и каменях. Из города лилась сюда нечисть, и если наверху кто оправлялся — в окно Евдокиму брызги летели. Непрочное и пагубное стояло тут жилье, опасное место-пребывание. Ни подойти, ни подъехать. Весной и в дожди Евдоким и его соседи становились туземцами и о них писали в газетах, но они их не читали. В старое время, бывало, полицейские гнали отсюда все народное население, как подходила весна. Но никто не уходил — лезли на крышу, тащили туда детишек, поросли, петуха, самовар — и сидели. А когда ночью поднималась вода и упывали невозвратимо табуретки, зах-

честве второго секретаря ЦК. Щелоков быстро перебрался в Москву и получил большую квартиру в доме на Кутузовском проспекте, где жил и сам Брежnev. В этом же доме выше этажом имел квартиру и Ю. В. Андропов.

Еще в 1965 г. членом Военного Совета и начальником Политуправления Московского военного округа стал друг Брежнева и Щелокова К. С. Грушев. Важный пост Управляющего делами ЦК КПСС занял бывший выпускник Днепропетровского металлургического института Г. С. Павлов, работавший до того на малозначительном посту в аппарате Комитета партийного контроля. Еще более важный пост заведующего Обшим отделом ЦК КПСС занял К. У. Черненко, перешедший сюда из Канцелярии Президиума Верховного Совета СССР. Стал быстро увеличиваться и личный секретариат Брежнева, возглавляемый Г. Э. Цукановым. К концу 60-х годов в нем имелось около 20 помощников, секретарей и референтов, каждый из которых создавал и свой подсобный аппарат. Друг Брежнева Н. А. Тихонов перешел не только из кандидатов в члены ЦК КПСС, но и с более скромной должности заместителя Председателя Госплана СССР на должность заместителя Председателя Совета Министров СССР.

Немало недовольство в самых различных кругах вызвало быстрое возвышение С. П. Трапезникова, который со сравнительно скромной должности в ВПШ перешел на пост заведующего отделом науки, школ и вузов ЦК КПСС. Трапезников отличался феноменальной безграмотностью. Во время его выступлений слушатели забавлялись тем, что составляли списки грубых ошибок и оговорок, допущенных докладчиком. За короткое время московские издательства опубликовали несколько книг Трапезникова, посвященных истории партии, аграрным и идеологическим проблемам. Вероятно, он передавал для публикации те рукописи, которые в прошлые годы не мог напечатать. В книгах, которые вышли в свет, имелось так много фактических и просто стилистических и грамматических ошибок, что выписки из этих книг с нелепыми, безграмотными и глупыми выражениями ходили среди московской интеллигенции вместе с материалами «Самиздата». Мне было трудно понять, как эти книги вообще могли попасть на полки книжных магазинов: или у Трапезникова имелись еще более неграмотные редакторы, или издательство сознательно ограничилось лишь минимальной правкой его рукописей, чтобы скомпрометировать автора. Став после XXIII съезда членом ЦК КПСС и укрепив таким образом свое положение, Трапезников выставил свою кандидатуру в члены-корреспонденты АН СССР. При предварительном голосовании на Отделении общественных наук кандидатура Трапезникова была одобрена, но на общем собрании действительных членов Академии он не получил не только необходимых для избрания 2/3, но даже половины голосов. Разразился скандал, и многие консервативные ученыe из Отделения общественных наук потребовали повторного голосования. Президент Академии М. Келдыш доложил обо всем Суслову. Последний сказал, что если академики требуют провести переголосование, то его надо провести, но не следует оказывать давление на участников голосования. Суслов был человеком консервативным, но все же достаточно грамотным, чтобы понимать, что представляет собой его новый подчиненный. Но Суслов не хотел из-за Трапезникова вступать в конфликт с Брежневым. На втором заседании общего собрания Академии наук в защиту Трапезникова выступили академики В. М. Хвостов и Б. А. Рыбаков — оба от отделения истории. Но против Трапезникова выступил выдающийся физик академик И. Е. Тамм, который весьма квалифицированно разобрал три главные книги Трапезникова и дал им отрицательную

Рисунок Александра Клищенко

лебывался телок, то и на крыше начинали орать жите-
ли.

А с бугра утром махал городовой:

— Я ж тебе говорил, упреждал,— чуни пожалел —
постись теперь, угодник чортов.

А на третий день, чуть просохло — и городовой
жителю в бок.

Бывали дела.

На другой же день Елпидифор купил свои штаны на
базаре — клеймо на них было. Он к Евдоку — хотел
ему чхнуть разок, а Евдок уж в деревню ушел. Тем
дело и кончилось.

Ехал Евдок в деревню и похочатывал: дела твои,
господи.

Приехал в деревню, продал хату своей бабки и ку-
пил лошадь. Поехал на Дон купать ее и утопил.

— Эх ты, животное существо,— сказал Евдок и по-
шел куда ему надобно было.

Пожив в деревне неделю-другую, съел все и пошел
побираться. Ходил по всей округе и тосковал. Начина-
лась осень, ветер выл в проволоках, обдувые стояли
древние курганы и шел с мешочком картошкой Евдок.
Стар стал, некому любить и жалеть. Кажется, чем-то
легким придавлено горе к земле, и когда-нибудь все
заплачат и прижмутся друг к другу. Это будет, когда
наступит потоп, засуха, или людя хворь, или из сиби-
рской тайги тучею выйдет восставший зверь. Одно горе
делает сердце человеку.

Стал странником, красноармейцем и нищим Евдок
и многое понял и полюбил грустным чувством.

В глухой деревне Волошине, в овраге, приютила
Евдока одна старушка:

— Живи, старичок, у нас картохи есть, теперь хо-
дить не по нашей одежде, не обьешь небось, поставь
пальчуку в уголок.

Пожил Евдок у старушки до весны. Стояли оба всю
зimu по ночам от голода, холода и старого, запекшего-
ся горя. Занудилась душа у Евдока. Выглянет в окно — снег, бучило, кладище на бугре, кончается
тихий день. Куда тут пойдешь, когда кругом бесконеч-
ность.

Прогремела весенняя вода по оврагу, подсохли до-
роги, вылезли воробы на деревенскую улицу. Стал
собираться Евдок.

— Ничего тебе не надобно? — спросила старушка.

— Ничего,— сказал Евдок.

— Ну, иди с богом.

— Прощай, Лукерья.

И Евдок тронулся.

Ветер был тихий и тонкий, как нежная сердечная
музыка. На пляшевом кургане, обмытом водами и воз-
духом, Евдок вздохнул, поглядел на дальнюю кайму
лесов, на все живое, грустное и далекое, потом спу-
стился и попил водички из потока.

Дни опять начались сначала.

III. СМЕРТОУБИЙСТВО.

Абабуренко Евдоким стал по отчеству именоваться
Соломоновичем. Соломоновичем он стал теперь не
потому, что роду был иудейского, а потому, что счи-
тается нищим, не помнящим родства, сиротой и безот-
цовщиной. Кроме всего прочего, он одно лето, под
самую революцию, местонаходился в услужении у ев-
рея, скупщика костей-тряпок, Соломона Лупердена.

Однако дело это прошлое. Соломона теперь нет —
помер, должно быть. Девятнадцать человек детей его
расселились по поверхности земли неприметным образ-
зом.

Ханночка — супруга Соломона, красивая милая жен-
щина, умерла с голоду два года назад, когда город их
заняли казаки. А кто говорил, что ей забили кол
в матку два офицера-охальника, и оттого, будто бы,
она скончалась.

Теперь это дело прошлое. Лучше давайте убережем
живых, а о мертвых будем плакать в одиночку по
ночам.

Над складом Соломона давно уже висела красная
вывеска.

Р.С.Ф.С.Р.
БАЗИСНЫЕ СКЛАДЫ
КОСТЕОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ
И ВАТНО-БУМАЖНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ
ГУБЕРНСКОГО МАСШТАБА
Изобразил живописец Пупков.

Соломон же орудовал без вывески безо всякой —
и так знали. И так жилось терпимо — тугу от суеты
и работы в канторе и сладко и прохладно дома, в не-
больших осьми комнатах, пропахших женой плодонос-
ной.

Давно это было — до революции. Теперь уж и Аба-
буренко старики. Но не только старики, а также оратор,
гармонист, охотник до зверей, мудрец, измышляющий
благо роду человеческому, и в общей суммарности,
как говорил сам Евдоким Абабуренко, из него полу-
чался вроде как большевик, член Российской Комму-
нистической Партии, в скобках — большевиков. Любил
определять так свою личность Абабуренко — полно-
стью, не спеша и вразумительно для всех малосведе-
щих. Внушительной личностью был Абабуренко, ве-
ский человек.

Жизнь прошла — как ветер прошумел: и холодно,
и выжно было, и тепло, и ласково, и благосклонно —
всего достаточно бывало. Замечательно хорошо.
В рассудке неслышь высочайшимися, почти незримыми
облаками ласковые лица, милые дарящие руки Ханны
Яковны, ясные, любящие глаза Дарьюшки — жены
ненареченной, ибо не пришлось войти в брак Евдокиму
Соломоновичу — брехать здоров был.

Рассудительно оглядывал Евдоким Соломонович
жизнь со всех четырех сторон и всюду усматривал
одну благовидность. Все неблаговидное сокрушается
рукой живого человека.

Евдоким Соломонович сам поджигал усадебную по-
стройку у князя Барятинского и жалел, что упустил
самого старики — кишки бы выпростал наружу, до
того лют был, язва, до мужиков. Жил, как хворь, на
отощальных мужицких телесах. Теперь заграницу взять
бы в колья. Вышла бы потеха и потешение. Слыхал
кое-что о загранице Евдоким Соломонович, гаром что

грамоте недоручился, когда маль-
чишкой был.

Полюбил почему-то на старо-
сти лет Евдоким Соломонович
сахарин. Вошел во вкус.

Теперь посиживает на огороде
караульщиком — скуча душев-
ная. Это только дереву или како-
му другому растению подобает всю жизни находиться
на едином месте и не скучать. Человек же — существо
двигающееся и даже плавающее, поэтому ему на од-
ном месте скучно, грустя берет и жутко.

Нечего делать — варит целый день картошку Евдо-
ким Соломонович, посыпает ее сахарином, ест без
особой охоты. Затем, полежав на брюхе, опять подве-
шивает котелок — и так, в неугомонной еде и рассу-
ждении, проходят летние дни и звездоносные ночи
с мертвым месяцем.

Страдал Евдоким Соломонович водобоязнью (и еще
изжогой) и потому не купался, хотя река была в вер-
сте. Вшей расплодил, по причине нечистоплотности,
в большом количестве, и привык к ним так, что особой
тревоги от них не ощущал.

Теперь дело к осени. Мошака убыла. Повылезли
волки — старые и молодняк. Любил Евдоким Соломо-
нович по-волчьи выть. Есть играют на мандолине, есть
на жалейке, а он искусно весьма завывал, так что
волки приходили к нему и лезли на землянку: страхо-
та, шутли-што!

Уйдут волки — скуча, и Евдоким Соломонович пово-
ет опять. Так ночь — в страхе и вое, в человечьем
и волчьем, — проходила короче.

А ночи все длиннее и холоднее. По утрам прозрачен
и звонок воздух. Поздно дымятся избы — некуда спе-
шить завтракать, мертвые лежат поля. Незачем вста-
вать рано — кончились все работы, одну картошку
копают.

И однажды, не бугор сверзся в реку, умер Евдоким
Соломонович.

Лег спать, было еще не поздно. Ночью встал опра-
виться, вылез из землянки — месяц стоит над белым
осиянным пустым полем, задернутым ледяною росою.
Глуко было и безлюдно, человек не помнит про че-
ловека. Далеко колотушечник, старики, спрохвала посту-
кивает и лес на верхах бружит.

Сел к чему-то Евдоким Соломонович на землю
и чует, что голова его куда-то закатывается, и мочи
никакой в теле нету, и душа больше не тревожит.

Вскочил Евдоким, хотел заплакать и что-нибудь
сказать, но не чуя грунта, ударился оземь тац, что
в животе ни к чему забурчало.

Месяц потух, на его удивление, на его глазах. Звез-
ды пронеслись шумной рекой, и земля продавилась
под ним вниз, как дно в бучиле татарской засохшей
реки; и колотушечник, старики, сразу смолк на деревне,
как будто и не постукивал либо сходу заснул.

МЫ-ЖИВЫ...

Окончание.
Начало на 5-й стр.

— Люда. Я встречаю жениха, а моя подруга — мужа. Когда приходят? Может, сегодня, а может, в последний день. Ребята подскажут — это наша часть... Да, мы там были. Она работала на кухне, я — в медбате... В операционной была только два дня. Но мне и этого хватило — думаю, навсегда... Нет, далеко не все верят в это. И все равно идут в бой, все равно умирают. А куда денешься — военные. Поэтому мне всегда очень горько, когда этим ребятам да и нам бросают упрек: «Мы вас туда не посыпали!»

«Едут!» — летит с вершины холма. «Едут, едут, едут!» — разноголосым, разноакцентным эхом прокатывается над головами. Толпа задвигалась, залновалась — как мехи развернутой гармони. «Добро пожаловать к нам в Термез!» — звенят голоса. Это рептирует уже знакомая нам группа девушки.

А по мосту идет колонна. Посередине этого километрового гиганта проходит условная линия, разделяющая ССР и Афганистан. Первые машины уже пересекли ее. «Добро пожаловать к нам в Термез!» — опять звенит над ухом.

Термез — небольшой, чистенький городок на правом берегу Амудары, с причудливыми арыками вдоль тротуаров, с седобородыми старицами в ярких халатах и молодыми крепкими ребятами в хаки.

Почему город зовется Термезом? На этот счет есть несколько версий. Рассказывают, что в средние века, когда над Амударье еще не вздымались мосты, на другой берег люди перебирались вброд. Путники и купцы — афганские, иранские, индийские — надували бурдюки и, вцепившись в них, как в спасательные круги, переправлялись на правый берег. Рядом, груженные тканями и пряностями, шли верблюды. Кто знает, сколько людей, животных, добра погребли воды бешеной реки... Добравшись до правого берега, люди ликовали. И в раскаленный солнцем воздух несся гортанный крик: «Тырык быз!» («Мы живы!»).

Город, появившийся там, где звучали эти два слова, так и окрестили. Но века (2300 лет) упростили транскрипцию — город стал называться Тырыз (в русскоязычном варианте — Термез).

После окончания митинга стройные шеренги цвета хаки растворяются в многоцветье толпы.

— Алешу моего не видели?.. Алешу моего не видели? — побегает то к одному, то к другому солдату женщина с широко открытыми глазами.

Позже мне скажут, что она приходит сюда каждый день. Месяц назад получила цинковый гроб, но никак не может поверить, что в нем был Алеша...

Гудят сирены, и отдельный батальон материального обеспечения, усиленный воинами-десантниками, разбегается по машинам. И тут в тщательно продуманный сценарий дня вносится небольшая поправка. Журналистка из США, которую все называют Джеммой, забирается на один из БТР проехаться вместе с десантниками.

Стоящий рядом со мной фотокор, по виду скандинав, кивает мне на американку, и... мы следим ее примеру. Колонна трогается. Прислоняясь к башне, я кричу что-то в ухо голубоглазому сержанту, выглядывающему из люка, а скандинав снимает ликующую толпу. Неожиданно машина резко дергается вперед. Стоящая на «корме» Джемма отшатывается к самому краю, неловко взмахивает руками и только каким-то чудом удерживается на «броне». От-

скочив к башне, она оглядывается: следом за нами, практически без интервала, грохоча гусеницами, движется БМП. Скуластый парень, сидящий на «носу» машины, узнав во мне своего соотечественника, выпячивает нижнюю челюсть и орет мне что-то непечатное. Я не обижаясь, он прав: «броня» не игрушка.

На повороте машина сбавляет ход. Первым прыгает скандинав, за ним — Джемма, последним — я. В руки Джеммы тут же летит букет из идущей следом БМП, той самой, под гусеницами которой она едва не оказалась. Джемма смеется и бросает букет в следующую машину, а оттуда к ней летят целых три... Скандинав поворачивается ко мне и, сстроив ироничную мину, кивает, как бы говоря: «Вот так-то, брат, женщинам нравятся десантники. Не то что мы с тобой — бумагомарватели». Но и он (впрочем, как и я) готов в этот момент расплыться в идиотской улыбке безотчетной радости и расцеловаться и Джемму, и десантников, и девочек-убежечек, подпрыгивающих у обочины.

... — Показуха, — говорит Андрей Винников и, скользя от боли, смотрит в сероватый потолок. Сегодня в два часа ночи ему сделали операцию. Вроде бы пустяковую — вырезали аппендицит. Но если бы Андрей поступил в госпиталь хотя бы немного позже, исход мог быть самым печальным.

— Все это относится и к Бакыту... Саша, сосед Андрея по палате, кивает на парня, спящего на койке у окна.

В это трудно поверить, но в жизни бывает и такое. Вечером 5 февраля сильные боли в правой части живота начались одновременно у двух водителей «КамАЗов» — рядовых Винникова и Абубакирова. Не обращая внимания на боль, и тот, и другой продолжали вести машины. В Уланге застряли — дорога обледенела. С каждым часом боли усиливалась. Утром 6 февраля, когда Андрей уже скрипел зубами, замолит, ехавший с ним, вышел на дорогу и стал просить водителей проезжающих мимо БМП и БТР, тех самых, что спешили на термезский митинг, подтолкнуть «КамАЗ» наверх, до Саланга. Но ни одна машина не остановилась. А чуть выше по дороге безуспешно «голосовал» загибающийся от боли Бакыт. Да, вероятно, был приказ — идти, не останавливаясь. И все же...

Только 7 февраля, после обеда, какой-то офицер согласился подтолкнуть «КамАЗ» Винникова своей машиной. Примерно в то же время взяли на буксир и машину Бакыта.

Итак, два дня назад, когда здесь, по эту сторону границы, перемешались речи и улыбки, цветы и транспаранты, по ту сторону корчились от боли два парня. Скрученные банальным аппендицитом, они не влопывались в грандиозную картину всеобщего ликования...

— Да, — кивает мне Андрей Фадеев, — человек у нас — это так, пшик, одни разговоры. Даже на гражданке. Не говоря уже о войне.

Ноги старшего лейтенанта загипсованы — шесть дней назад в районе Пули-Хумри он подорвался на мине.

— Если вы думаете, что, собираясь в Афган, я верил в правоту дела, то вы ошибаетесь. Я прекрасно знал, что эта война не нужна никому. А мне — так уж подавно: я женился за месяц до отправки.

— Вы, наверно, в обиде на фортуну? Ранение в последние дни войны...

— Ранение не такое уж сильное. Здесь есть ребята, у кого гораздо боль-

ше оснований винить судьбу.

— Если бы только судьбу! — ухмыляется Саша. — Я, например, во многих ранениях, которые получили наши, вину командира батальона... Любимая его поговорка: «Мне не надо, чтобы солдат служил, мне надо, чтобы он мутился». По ночам не давал спать — заставлял по несколько раз драить машины. А утром идешь колонной по какой-нибудь горной дороге — голова на руль падает. Да еще на лысых шинах... Так один у нас и сковырнулся — высота была метров десять.

— А почему на лысых шинах? Вам что, новых не привозили?

— Привозили. Только новые шли нередко и бачам... Что такое бача? Афганец, мирный житель... Наш комбат приторговывал.

— Как! Торговал армейским?

По палате прокатывается шумок недоумения (ребята удивляются моему невежеству) — и на меня сыплется целый град фактов... Как выясняется, случай с комбатом, торгующим шинами, не исключение.

— Скорее бы все это кончилось...

Я оборачиваюсь. В дверях, опираясь на костили, стоит Андрей Карп — он вернулся с перевязки.

...Что-то оглушило его. Но гранатомет, наведенный на них с Пашкой, был здесь ни при чем. Тот, длинный, в белой куртке, так и не выстрелил. Андрея ударили сзади — прикладом по голове.

Потом, когда их вели по кишлаку узким лабиринтом между глиняных заборов, он еще раз попрощался с жизнью. «Дерну! И пусть этот носатый дух всадит пулю в затылок. Это лучше, чем...» Он вспомнил изуродованные до неузнаваемости лица двух знакомых ребят. Но почему-то не побежал.

Их ввели в приземистый, с крохотной дверцей дувал и посадили на цветастое одеяло. Через полчаса дверь приоткрылась, в щель заглянула голова. Глаза, смотрящие из-под чалмы, показались Андрею насыщенным, даже игривыми. Это был Абдул-Разак, главарь.

...И вообще всем нам — продолжает разговор Винников, — еще повезло. Я, когда лежал в госпитале в Пули-Хумри, видел ребят без ног, без глаз, без лица. Один раз меня попросили держать ногу, которую отпиливали...

Слушая, как этот парень, переводя дыхание, рассказывает об ужасах войны, я вдруг подумал: а справедливо ли, что тогда, 6 февраля, перед восторженными взорами встречающих прошествовали лишь здоровые, сильные, красивые — те, кому повезло? (Я говорю о справедливости даже не в смысле «воздай каждому по заслугам», хотя и этот момент не последний.) Справедливо ли, что завершающий аккорд войны являются собой они? Истинное ли это лицо войны?

...Убивать их не стали. Их решили обменять. А потому утром и днем они получали довольно сносные лепешки из сероватой муки, вечером — плов. К еде Андрей почти не притрагивался. Не мог. Бородатый лекарь каждый день колдовал над их ранами — пропитывал какой-то жидкостью, делал перевязки. И скоро у обоих дело пошло на поправку.

К узкому мосту, перекинутому через шумящую речушку, их подводили три раза: Абдул-Разак никак не мог стортговать с командиром. Наконец, не выдержав, тот передал: 21 душман, и ни одним больше — или мы разнесем из орудий весь кишлак! Абдул-Разак подумал и согласился.

Припадая на простреленную ногу,

старший сержант Карп ковылял по шаткому мосту, стараясь идти как можно быстрее. Навстречу шли пятеро душманов. На середине моста, когда эти смуглые угроховые люди, косясь, проходили мимо, Андрей вдруг почувствовал к ним что-то вроде благодарности: ведь не будь их — не было бы уже и его; и в то же время ему стало не по себе — неужели эти пять душ стоят одной души старшего сержанта? Интересно, что чувствовал полчаса назад Пашка Игнатенко, когда его обменивали на 16 таких же вот смуглых парней? Думал, наивное: да, души прaporщиков нынче в цене!

...Рыжий, веснушчатый прaporщик, облокотясь о стойку автобусной остановки, травит анекдоты. Ребята в хаки, обступившие его полукругом, посмеиваются. Но как-то не очень весело. Еще несколько дней — и они разъедутся. Страница с коротким названием «Афган» будет дописана... И, может быть, именно она останется самой памятной в книге их жизни. Может, потом когда-нибудь, через много лет, они будут вспоминать и утренние, чуть розоватые горы, и рыжий песок, и крохотный ручей, к которому припадали губами, и свою — пусть случайную, пусть даже однодневную, и все же святую любовь, и самое главное — дружбу, ту настоящую мужскую дружбу, которая рождается лишь на войне... Но это будет потом. А пока...

Ребята сказали мне, что вы собираетесь писать об этой войне, — обращается ко мне молодая женщина. — Мой вам совет — не пытайтесь ее позитивизировать, как делают многие. Красивого в ней нет ничего. Она уродлива...

Светлана Батурина прилетела в Термез 5 февраля, чтобы 6-го у моста «Дружба» встретить своего брата. Но ребята из одной части сказали ей, что батальон, в котором служит Григорий, оставлен для охраны Кабульского аэропорта.

— Помню, я просто онемела. А все вокруг радуются — музыка, транспаранты...

В Термезе за хорошую плату (все гостиницы переполнены) она остановилась у бойкой офицерской женки, квартира которой превращена в некую фарцовочно-перевалочную базу: через нее только за эти три дня прошли десятки плейеров, видеомагнитофонов, горы импортных шмоток...

— Довоевались, — грустно усмехается Светлана. — Кто-то сейчас спешит ухватить последние куски, а горстка двадцатилетних пацанов оставлена в самом котле. По сути, на растерзание... Господи, зачем он пошел?

— А что он мог сделать? Он ведь военнообязанный.

— Да... — Светлана вздыхает. — Может, когда-нибудь наступит время, когда не генералы, а мы сами будем решать, с кем и за что воевать. Будем надеяться... Во всяком случае, то, что сейчас наши уходят отсюда, — уже большое дело...

На следующий день через мост опять идет колонна. На этот раз — без помпы, без митингов, без иностранных журналистов. У КПП только мы и с десяток родственников. Колонна медленно съезжает с моста. Машины урчат, обдавая нас дорожной пылью. А мы приветствуем сидящих на «броне» ребят.

Они отвечают все по-разному. Кто-то машет рукой, кто-то радостно вскидывает кулак. Молоденький солдат на БТР поднял было два пальца, изображая латинскую V (победа). Но другой, сидящий рядом, постарше, пригибает его руку к «броне»: какая, к черту, виктория! Еще один, на БМП, увидев нас, уткнулся лицом в локоть. А сидящий над гусеницией пытается улыбнуться. У него ничего не получается — по запотченным щекам текут слезы...

«Тырык быз», «тырык быз», — слышится в рокоте моторов.

Мы — живы...

«ЭХ, НЕПЛОХО ШЛИ БЫ НАШИ КОНИ...» *

Как во мне чужая песня стонет!
Снова сердце чья-то боль ожгла...
«Эх, неплохо шли бы наши кони,
Если б им не рвали удила!»

А впервые удила рванули
Руки революции — ЧЕКА.
Самых верных доставали пули,
Самых смелых и — наверняка...

Да и мы немалое смогли бы —
Ветераны мировой войны.
Только бились, как о льдины
рыбы —
Чересчур наивны и честны...

Вся-то жизнь прошла на полигоне,
Вся-то жизнь обочиной прошла...
«Эх, неплохо б пролетели кони,
Если б так не рвали удила!»

Из забытой революционной песни.

И куда нам теперь деваться,
Где нам спрятаться, где спастись?
Мы — заложники атомных станций,
Равный рубль стоит наша жизнь.
Для чего нам теперь бороться?
Нету воли, нет веры, сил...
Нас бесшумный сапожек горца
Равнодушно к земле придавил.
И поэтому, может статься,
Даже лучше для нас, что мы
Лишь заложники атомных станций,
Дети ядерной Колымы...

“СЕРАДЬЕ ЧЬЯ-ТО БОЛЬ ОЖГЛА”

Юлия ДРУНИНА

«Там было легче!» —
Как ни странно,
Я понимаю тех ребят,
Что, возвратившись из Афгана,
«Там было легче», — говорят.

«Там было легче,—
Одноглазый
Слопойко повторил земляк,—
Поскольку ясно было сразу:
Вот это — друг.
А это — враг».

Я так вас понимаю, дети,—
На бэтэрах колесить
Сподручней все ж,
Чем в райсовете
Благоденния просить.

А этих сытых военкомов,
Что оскорбить посмели вас...
Боль в сердце.
В горле ярость комом.
И не поднять тяжелых глаз.

Но не теряйте гордость, дети.
В житейской темноте всегда
Пускай до старости вам светит
Солдатской верности звезда.

А больше вас утешить нечем...
И так понятно слышать мне:
«Там было легче, было легче,
Да, было легче на войне!»

Рисунок Александра КЛИЩЕНКО

СВАДЬБА

Только-только четвертовали...
Хоть валялся еще во рву,
За опричника выдавали
Молодую его жену.
Щеки чем-то натерли алым,
Чтоб казалась не так синя.
И под ручки, чтоб не упала,
Все поддерживала родня.
Полумертвой, не прекословя —
Где уж? — в божий влачилась
храм.
Даже новой ее свекрови
Не по сердцу был этот срам.
Лишь опричник-жених —
павлином,
Хоть росточком не вышел — мал:
«Вот строптивый боярин
гинул,
Я жену его обломал».
...Обломал ли? Не знаю, право —
Есть, опричник, кинжал,
отрава.
И еще есть худая слава,
В морду бьющая наповал.
Эй, опричник!
Зря смотришь браво:
Род твой проклят
отныне стал.

СЛАВА ТЕМ, КТО ДРАЛСЯ В ОКРУЖЕНИИ!

Вот уже и внука
бабка женит —
Без вести пропавшего
вдовы.
Слава тем, кто дрался
в окружении,
Перед кем Россия не права.
Не права уже десятилетья,
Лишь сейчас вину осознает —
Без «пропавших» никогда
не встретил
И никто бы сорок пятый год...

Оно, наверное, смешно:
На склоне лет — стихи.
Но можно новое вино
Влить в старые межи.

Гляжу, задумавшись, в окно —
На морось, слякоть, стынь...
Не может сладким быть вино,
Коль наша жизнь — полынь.

Все поколению моему,
Все ясно было мне...
Как я завидую тому,
Кто сгинул на войне!

Кто верил, верил до конца
В «Любимого Отца»,
Был счастлив тот солдат...

Живых разбитые сердца
Недолго простучат...

ДОБРЫЙ ДЕДУШКА

Трудно верить, но это было:
Всякий раз, когда шли на смерть,
Тупо целился нам в затылок
«Ангел смерти» — агент из СМЕРШ*.

Здесь бессилен мой бедный разум:
Ведь на мушке держали нас
Наши братья — рабы приказа,
А преступен был тот приказ**.

Разве были виновны роты,
Что бросали их на убой,
В лоб — с винтовкой!
— на пулепеты?..

Это бойня, отнюдь не бой...
Все же в СМЕРШе тогда, поверьте,
Были те, кто в своих — не мог.
От греха откупались смертью:
Слали пулю себе в висок...

Я не знала тогда об этом,
Но сегодня не подая
Руку «другу»,
Что с пистолетом

Из укрытия следил в бою
За тобою, солдат, за мною:
Чуть замедлили б шаг — хана...
Страшно вспомнить,

какой ценой
«СМЕРШ» оплачивал ордена!..
После, в органах,

снова в лучших
«Друг» наш целился,
как в войну...
А когда разогнали тучи —
Позабыли его вину.

Дочка, пенсия — все законно.
Чтоб без «стука» не заскучать,

В карцер черного телефона
Заключил он жену и мать.
Все прокручивает кассеты,
Сладко жмурясь, как сыйтый кот.

Вновь при деле.
Сомнений нету:
Он — сверхпламенный патриот.
И кому это нынче надо:
Слушать женскую трескотню?

Но без ада нет жизни гаду,
Оправдания нету дню,
Дню, когда не подловят друга,
Не прищучит подругу он...
И шипит, и хрюпит с испуга
Бедолага-магнитофон.

* Сокращенно от «Смерть шпионам» — контразведка НКО, непосредственно подчинявшаяся Сталину.

** Приказ Сталина № 227 о заградотрядах.

И есть ли смысл в том, что ты
В постель из вечной мерзлоты
Упал? — Догнал свинцовый
вод...

Нет, это вовсе был не бой,
И сотни падали с тобой...
Какой тут смысл? —
Да никакого!

В тебя стрелял в Гулаге брат
И вроде был не виноват —
Он делал по приказу это...
Но как нам дальше жить тогда?
Где Справедливости звезда?
Легло на смысл жизни вето.

Что ж, дать в забвеньи утонуть
Прошедших этот адский путь? —
Тогда он снова повторится.
Листайте Прошлого страницы,
Переплавляя в Правду боль.

Моя страна была рабой,
Теперь ей надо стать собой.
Как это трудно —
Распрямиться...

ХУДОЖНИКИ XX ВЕКА

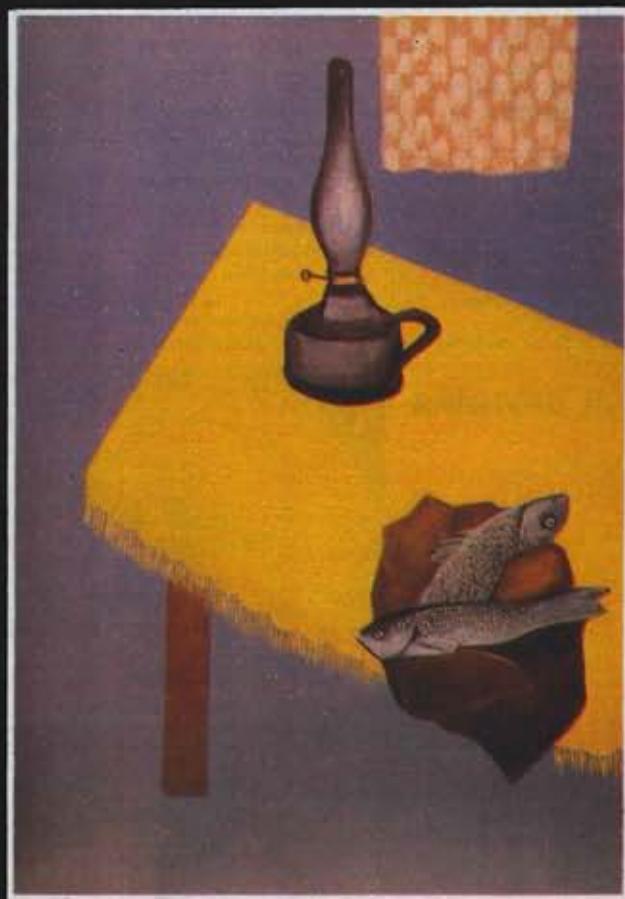
Предлагая читателю изобразительную часть начатой в предыдущем номере анкеты, а именно натюрморт, мы должны признать, что оказываемся в довольно затруднительном положении. Заключается оно в том, что издавна и по сей день общественное мнение склонно рассматривать натюрморт как наиболее камерный жанр живописи. В самом деле, если портрет требует психологической глубины образа, изображения социальной принадлежности портретируемого, а тематическая картина должна выражать многогранность и сложность события, которому она посвящена, то что же остается на долю натюрморта? Изображение предметов окружающего нас быта, и только? Давайте все-таки попробуем поставить под сомнение распространенный тезис об исключительной камерности этого жанра живописи, но сделаем это не с помощью теоретических выкладок, а на живых примерах.

Вспомним два известных натюрморта Винсента Ван Гога, изображающих обыденные из обыденнейших вещей, — «Кресло Гогена» и «Стул Винсента». Здесь нет и намека на живую натуру, но одного взгляда достаточно, чтобы почувствовать, насколько глубоко проникают эти натюрморты в область портрета и автопортрета.

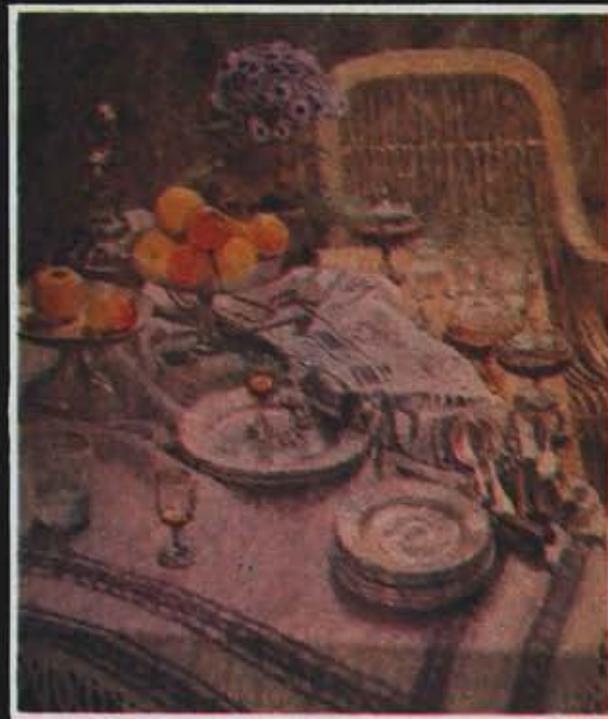
Примеры, свидетельствующие

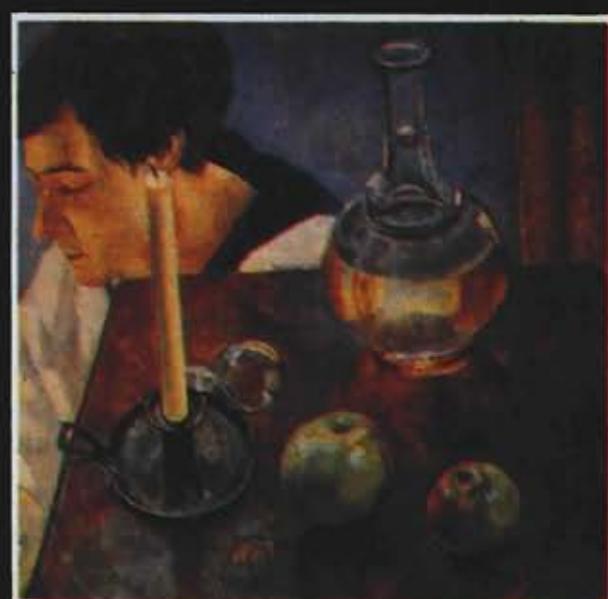
1

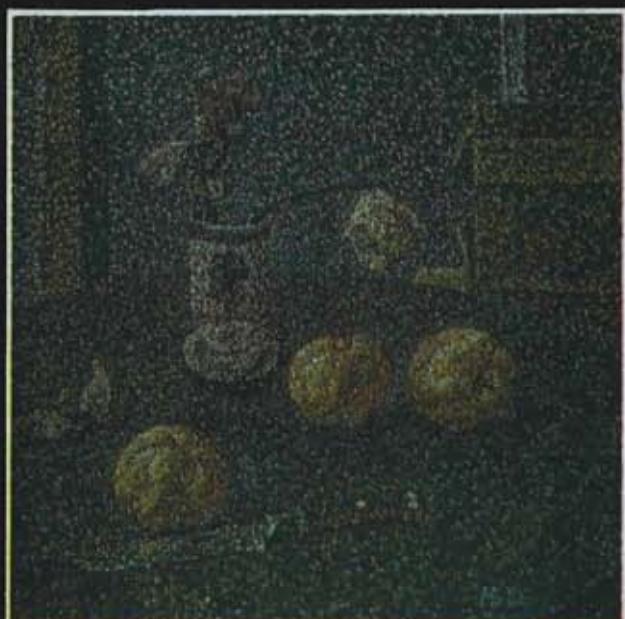
2

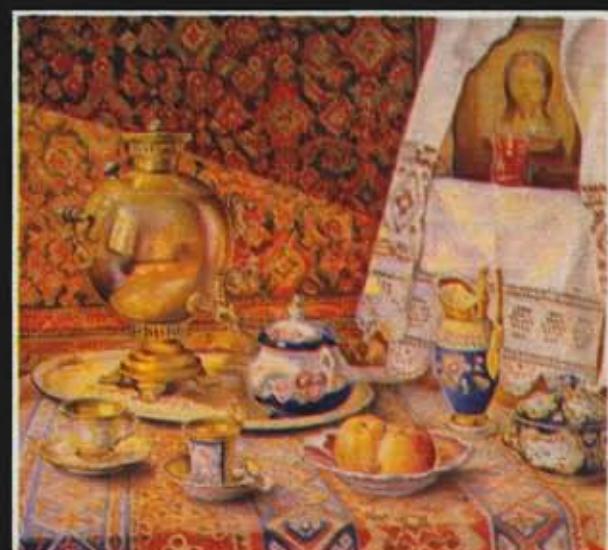
4

5

3

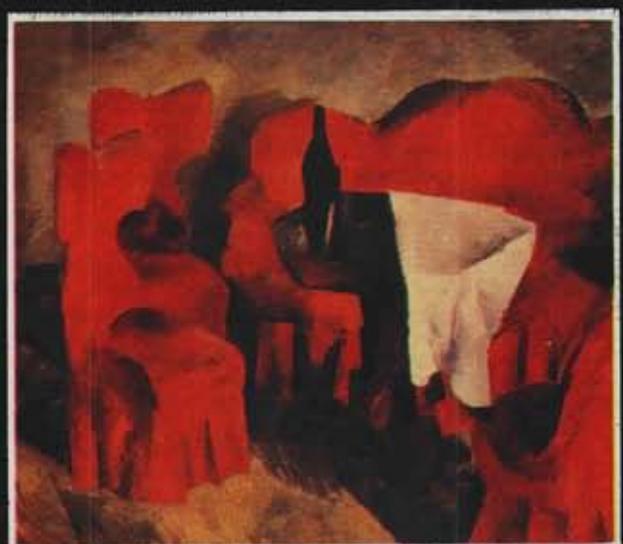
6

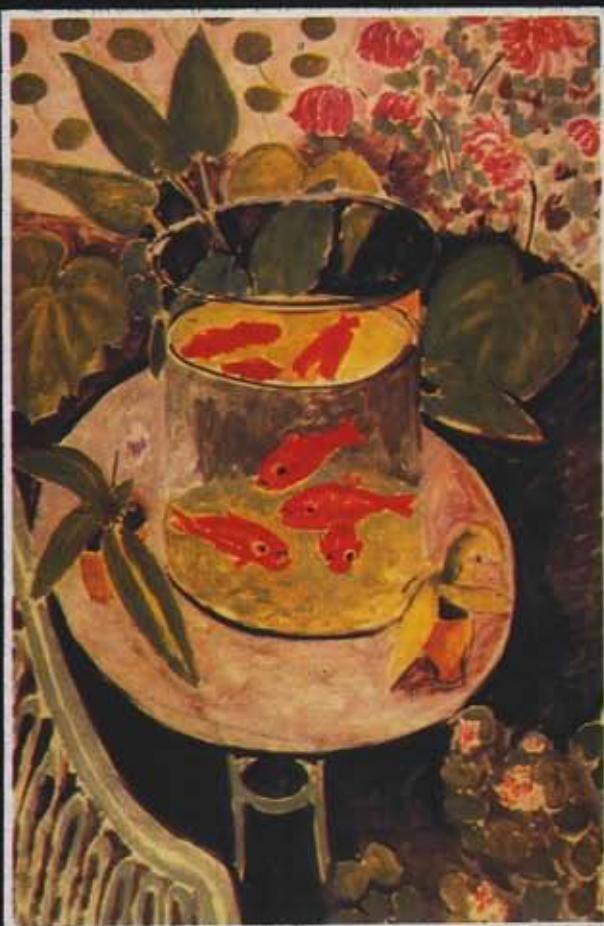
7

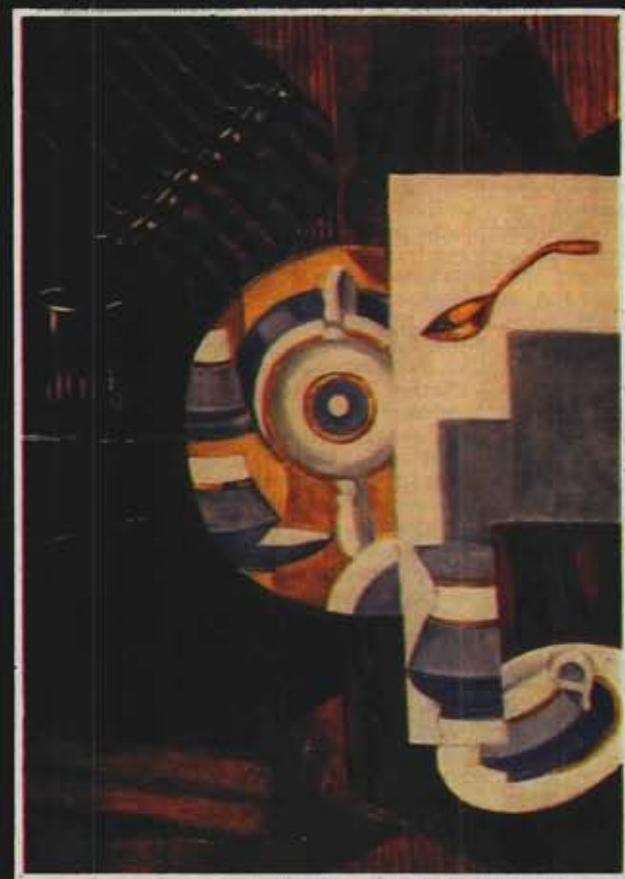
10

8

11

9

12

о возможностях этого, как оказывается, далеко не камерного жанра, можно продолжить, а продолжив, признать, что созданный большим мастером натюрморт следует воспринимать, подобно айсбергу, девять десятых которого под водой. От зрителя требуется умение за изображением мертвых натуры прочесть «подтекст».

Придерживаясь, однако, главной цели нашей анкеты, мы должны сегодня сказать прежде всего о специфике и меняющемся изобразительном языке этого жанра живописи. Представленные здесь работы русских и западноевропейских художников XX века говорят именно об этом. Предварим только нашу «безымянную галерею» одним немаловажным замечанием: живописные открытия импрессионизма, кубизма, фовизма, многих других течений проникают едва ли не в каждую представленную здесь картину, независимо от того, к какому творческому объединению принадлежит тот или иной автор, ибо многообразие художественных средств находится в зависимости от многообразия окружающего нас мира, а индивидуальность художника ищет собственные тому созвучия.

Вот почему хотелось бы просить нашего читателя-зрителя всмотреться в помещенные здесь репродукции свободным и непредвзятым взглядом. Тогда можно увидеть, например, что художников «Мира искусства» роднит любовь ко всему изящному, утонченному, сочетающемуся с изысканностью формы, а мастерам объединения «Голубая роза» свойственно увлечение искусством Востока, где главное составляет подчеркнутая условность формы, декоративная контрастность цвета, в то время как участники группы «Бубновый валет» противопоставляют тем и другим свое видение мира, в котором их жизненные ощущения сочетаются с освоением традиций русского народного искусства, пубком, вывеской... И быть может, к последним нелишним будет отзыв признанного знатока — Александра Бенуа: «Я не знаю в современной западной живописи чего-либо более здорового, свежего, простого и в то же время декоративного, нежели их натюрморты...»

Подобными отзывами можно, конечно, продолжить подступы к разговору о натюрморте и его мастерах, что мы и сделаем в последующих материалах после обработки ваших, читатель, ответов на продолжаемую в этом номере анкету.

Пожалуйста, ответьте: какие работы понравились вам больше, какие меньше, что вы принимаете, с чем не согласны и почему. Прежде чем ответить на каждый вопрос, прочтите все варианты предлагаемых ответов.

В каждом вопросе подчеркните один вариант ответа.

Мы сознательно опустили названия работ, имена авторов (они будут опубликованы позже), потому что, надеемся, среди вас найдутся знатоки, которые сами поставят подписи под репродукциями. Подчеркиваем, это отдельное задание. При заполнении анкеты не обязательно указывать названия работ. Тех, кто правильно назовет наибольшее число представленных в этом номере картин и их авторов, ждут специальные призы «Смены».

Заполненную анкету аккуратно вырежьте, вложите в конверт и отправьте по адресу: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, редакция журнала «Смена».

Учитываются анкеты, отправленные не позднее 1 июня.

Ждем ваших писем!

1) Какие из представленных произведений вам нравятся больше, какие — меньше? Расставьте все работы по номерам в порядке предпочтения от большего к меньшему.

1. _____ 7. _____
2. _____ 8. _____
3. _____ 9. _____
4. _____ 10. _____
5. _____ 11. _____
6. _____ 12. _____

2) Объясните причины выбора трех наиболее понравившихся.

- _____

3) Назовите имена трех современных художников (советских или зарубежных), чье творчество привлекает вас.

4) Считаете ли вы себя достаточно эстетически подготовленным зрителем? Да. Нет.

5) Когда вы последний раз были в картинной галерее (музее)?

- никогда не был;
- лет десять назад;
- несколько лет назад;
- приблизительно год назад;
- месяц назад или меньше.

6) Возникло ли у вас желание приобрести современные произведения?

- никогда не задумывался об этом;
- не знал, что это возможно;
- то, что я бы купил, должно висеть в музее;
- не знаю, сколько может стоить понравившееся произведение, смогу ли я заплатить за него;
- мне редко что нравится;
- есть много произведений, которые бы я непременно купил, но я не знаю, как это сделать;
- на приобретение произведений искусства не хватает денег.

Сообщите некоторые сведения о себе, подчеркнув необходимое.

7) Ваш пол?

- мужской;
- женский.

8) Возраст

- до 16
17—20
21—25
26—30
31—35
36—60
61 и старше.

9) Где вы живете?

- В Москве, Ленинграде;
- в городе с населением свыше 1 млн.;
- в городе с населением от 500 тыс. до 1 млн.;
- в городе с населением от 100 тыс. до 500 тыс.;
- в городе с населением от 10 до 100 тыс.;
- в сельской местности.

10) Мнения художников и искусствоведов о современном искусстве часто расходятся с оценками зрителей. Чем вы это объясняете?

- зрители недостаточно эстетически подготовлены;
- в нашем веке художники утеряли необходимые для подлинного искусства реализм, пространственную глубину и четкость очертаний;
- зрители больше интересуются сюжетом произведений, а художники и искусствоведы — образным языком;
- искусство во все времена опережало ожидание публики;
- истинное искусство понятно всем;
- зрители большей частью судят по законам классического искусства, а художники постоянно стремятся выдвигать новые критерии.

Заранее благодарим вас!

ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛОЖЬ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ

Окончание. Начало на 2-й стр.

Грустно, что в одурачивании граждан принимают участие врачи. А я холодаю от сознания, что мой ребенок может родиться без ушных раковин...

Интересно, на какой планете живет тов. Касьяновенко, утверждающий, что «...с послевоенного периода уровень загрязнения атмосферы воздуха и водомёров не возросли, а наоборот, снизились в десятки раз» (выделено мной). — А. П. ...

Впрочем, что я пристал к Касьяновенко? Ведь он отвечает: «...позволило снизить содержание пыли в небе Запорожья в 2—2,5 раза». Ответ постороннего. Он видит за своими словами не мальчика с лягушачьей лапкой вместо ручонки, не трагедию жителей индустриального центра, а редакцию, которой положено давать ответ. Однако, прежде чем простишись с главным санитарным врачом УССР, обратим внимание на последний абзац его письма. Прочли? Вот ведь как: его заместитель А. Мухарский предстает перед нами дисциплинированным исполнителем, здаким «солдатом при исполнении», благодаря усилиям которого «указанные данные о состоянии здоровья трудающихся своевременно отправлялись в директивные органы».

Винтики, как положено, ввинчивались и развинчивались отдельно от сути происходящего. «А если что не так, не наше дело, как говорится, Родина велела». Булат Окуджава написал эти слова к песенке солдата-наемника. Увы, существуют наемники всех профессий. Ложь — их эпопея.

И еще я подумал, что письмо А. Касьяновенко содержит элементы социальной программы. Так вот, лично я за такого кандидата в народные депутаты голоса бы не отдал. Разумеется, если бы дело дошло до выборов. Зато за женщину, бросившуюся под гусеницы бульдозера на окраине Екатериновки, голосовал бы с охотой. Давайте поможем ей подняться с земли. Тракторист вырубил движок. Светит осенне солнце. Ниточки паутины цепляются за длинноногие асты. Войны нет. Танки из-за поворота на Царичанку не появляются. Что же заставило женщину рисковать жизнью? До какого немыслимого предела отчаяния нужно было дойти, чтобы поступить подобным образом?

— Та хиба можна пид викна моих онуків сортир ставити!

«Сортир» — это очистные сооружения, которые благодаря стараниям директора птицефабрики И. Василенко спланировали впритык с хатами. Задумаемся, чем отличается скромный сельский «сортир» от восемнадцати тысяч труб промышленных предприятий Запорожья, которые гадят в миллиардном городе? В принципе разницы нет. Лишь масштаб разный. Можно поставить вопрос иначе: чем отличается смердящая заводская труба от камерной парашки? Только размерами. Индустрия, строившаяся по принципу совмещения удобств, имеет четко выраженный гулаговский оттенок: как и социализм, осуществленный Сталиным.

Фундамент индустрии — черная металлургия. Заместитель министра Л. Радюкович прав, когда пишет: «...начиная с первых пятилеток, черная металлургия, да и вся тяжелая индустрия в г. Запорожье, развивалась без учета экологических последствий, и это привело к тому, что промышленные пред-

приятия оказались рядом с жилыми массивами, а уровень загрязнения воздушного бассейна значительно превышает санитарные нормы».

Тезисы замминистра приемлемы как перекресток, на котором нас застала перестройка. Так куда же идти дальше? От руководителя такого ранга, как Л. Радюкович, мне хотелось бы получить ясный ответ на принципиальный вопрос, насколько необходимо стране метал «Запорожстали»? В статье он был задан не случайно. Не случайно, думается, и обойден ответом.

Диктат производителя привел ведомства к самодовлеющему их развитию, оттесняя государственные интересы на второй план. Так сложились звенья дефицитной экономики, которая производит большое количество излишней продукции из того же металла. Мы выпускаем в 4,3 раза больше тракторов, чем США, при меньших объемах продукции растениеводства. В то же время в расчете на каждый трактор производится в два раза меньше навесных и прицепных орудий, от которых зависит судьба урожая. Вроде бы понятно, что такое количество железных коней не нужно. И тем не менее их производят и навязывают хозяйствам! Подобная картина — и с выпуском комбайнов, станков, грузовых автомобилей... А все это метал и много металла «Запорожстали».

Но вот агропромышленные объединения перешли на хозрасчет и самофинансирование. Теперь они покупают средства производства за свои кровные. Картина обнаружилась впечатляющая. В минувшем году, например, колхозы и совхозы заказали сельскохозяйственной техники на сотни миллионов рублей меньше, чем им распределялось раньше. Аналогичные изменения и в промышленности. Заводы и фабрики тоже освобождаются от ненужной им техники, учатся считать. Между тем черная металлургия продолжает лить металлы.

Меня, в частности, интересует место реконструкции «Запорожстали» в перестройке всего хозяйственного механизма. Куда потечет река металла: в сторону его омертвления, где и так уже ежегодно образуется море из миллионов тонн стали, или гипертрофированное развитие черной металлургии, на конец, прекратится? (А ведь США производят стали вдвое меньше при куда как большем объеме конечной продукции!) И не только мне это важно — любому металлургу. Важно знать: какому делу служишь — обновлению или застою, прикрывающемуся революционной фразой.

Допустим, я рабочий-металлург. Понимаю, что выходки Минчермета во многом определяются моим положением на производстве. Лишь на словах я его хозяин. Моя экономическая свобода равна нулю, поскольку средства производства мне не принадлежат, ими распоряжаются верха, это их собственность, я напрямую в прибылях неучаствую. Мое положение прекрасно выражает афоризм: «Тенденция осуждать прибыль присстает из средневекового взгляния, согласно которому прибыль одного человека означает убыток для другого». Так вот, если я стараюсь заработать себе копейку, то мой начальник из министерства полагает, что я это делаю за его счет. Там, где нет личной заинтересованности, о хозяине говорить трудно, равно как и о заинтересованности хорошо трудиться.

Отчего же все так нелепо получается? Может быть, причины в том, что товарно-денежные отношения в обществе только начали набирать силу? Или в том, что мой труд оценивается не рынок, а опять-таки вышестоящий начальник? «Запорожсталь» — предприятие прибыльное. Но мне от прибыли остаются рожки да ножки. Ее забирает министерство. Оттого и тысячи очереди на жилье, и плохонький соцкультбыт, и ничтожные очистные сооружения. Посмотрите, после того как общественность забила тревогу, товарищ замминистра отстегнул от своих щедростей более ста миллионов. Красиво? Но ведь те миллионы мною и моими

товарищами заработаны, нам бы сажим и распорядиться прибылью. Вроде и закон о социалистическом предприятии существует, да он пока как дышло: куда повернешь, туда и выйдет.

Слов нет, перестройка — процесс сложнейший, но мне представляется, что успех ее будет тем значительнее и необратимей, чем быстрее утвердится на заводе хозяин, на земле — крестьянин. Только с ним, а не с наемными рабочими можно решать все проблемы.

А мы подзабыли Любовь Григорьевну, что из Екатериновки. Вернемся в ее хату. Я был там зимой. Падал пушистый снег, пахло сосновой, яблоками-семиренками, щебетали внуки. Пришла и Александра Ивановна Шумейко. Это она, надев на кофточку два ордена Ленина, поднялась на трибуну колхозного собрания и, несмотря на ярое противодействие президиума, зачитала меморandum, требовавший прекратить строительство очистных сооружений подле хат. Случилось то, что и должно было случиться — президиум из местного и областного начальства опешил: столько лет безоронные, жители вдруг взбунтовались. Причем дебаты шли по самому главному вопросу: решение правления, а точнее — председателя колхоза И. Шеремета о выделении колхозной земли под очистные сооружения считать незаконным. Что там было, вам и представить трудно. Милицейский чин даже карами грозил. Однако Екатериновка сплотилась воедино, защищая свое право хозяина распоряжаться землей, разумея, что можно, а чего нельзя на ней строить. Собравшиеся на посиделки у Любови Григорьевны односельчане спешили поделиться со мной деталими собрания.

— Петро, ты про того, який нас страшав разправой.

— Та ни, як вони з нас знувались...

— Та ни, як мы их перебороли...

Я слушал и думал, а ведь на самом деле перебороли бабушки и дедушки. Исполком местного Совета принял решение прекратить строить «сортир». Так бы и Запорожскому горисполку стоять на своем.

...Дорога вела меня обратно в Днепропетровск. На той дороге надеждой стояли гнезда аистов. Они сюда, конечно же, прилетят в марте. Дети, аисты, прозрачный лед речки Орели. Ради этого я и сам бросился под бульдозер. Но разве от этого легче?

Минчерметовский социализм, сконструировавшийся с химическим, оборонным, минводхозовским, госатомэнерговским и еще добрым сотней ведомственных социализмов, засел в тылу перестройки, управляя заговором заводских труб. Заговором, направленным на грабеж всенародного достояния — здоровья нации.

О РЕДАКЦИИ. Мы до сих пор не получили ответ на публикацию статьи «Ложь на душу населения» от Академии наук СССР. Хотя, как вы помните, журнал обращался лично к Г. И. Марчуку, учитывая важность и актуальность проблемы. Но, видимо, уважаемый президент Академии считает ее настолько мелкой (подумаешь, всего миллион жителей в Запорожье!), что не счел возможным ответить редакции. Похоже, в Академии наук действительно считают, что экологические проблемы в Запорожье не существует. Иначе чем объяснить молчание Академии, несмотря на наши неоднократные обращения к помощникам Г. И. Марчука?

Первый секретарь Запорожского ГК КП Украины П. Ванат проинформировал нас о том, что город готов выделить средства на научную экспертизу «Проекта экологии» Александра Нагорного, город ждет... Дело за Академией наук. Не исключено, что перспективность проекта не подтвердится. Что ж, отрицательный результат — тоже результат.

Так в чем же причины молчания академика Марчука?

БРЕЖНЕВ

Продолжение. Начало на 6-й стр.

оценку. Приведенные им цитаты не нуждались в комментариях, и при повторном голосовании кандидатура Трапезникова была вновь проповедана большинством голосов. Вся эта история получила огласку, и некоторые из членов Политбюро предложили освободить Трапезникова от должности заведующего отделом ЦК. Обсуждался даже вопрос о назначении Трапезникова министром просвещения, но против этого решительно высказался Косыгин. Вопрос был отложен, и в конце концов Брежневу удалось отстоять своего любимца. Трапезников, правда, уже не смог продвинуться вперед в своей карьере, но он оставался заведующим отделом до 1983 г., и только Ю. В. Андропов отправил этого графомана на пенсию.

Уже на XXIII съезде чувствовалось, что дирижерская палочка находится в руках Суслова. Именно к нему обращались в конце 60-х годов работники аппарата для разрешения спорных вопросов. Так же и Брежнев не предпринимал никаких инициатив, не согласовав их прежде всего с Сусловым. Это обстоятельство раздражало окружение Брежнева, которое состояло в основном из его старых друзей, соратников по Днепропетровску и Молдавии, и некоторых вновьобретенных друзей и помощников. Они хотели придать Брежневу большую самостоятельность в решении идеологических, политических и внешнеполитических проблем. Но поскольку Брежнев по своей нерешительности и некомпетентности опасался принимать самостоятельные решения, это означало бы увеличение роли его аппарата. Перелом в отношениях между Брежневым и Сусловым наступил в декабре 1969 года. По традиции в конце каждого года собирался Пленум ЦК КПСС, который в преддверии сессии Верховного Совета СССР обсуждал итоги уходящего года и основные директивы к плану на предстоящий год. В качестве докладчика выступал обычно Председатель Совета Министров СССР, после чего происходили краткие прения. Но на декабристском Пленуме 1969 г. вскоре после доклада с большой речью по проблемам управления и развития народного хозяйства выступил Брежнев. Эта речь содержала крайне резкую критику в адрес органов хозяйственного управления, оратор очень откровенно говорил о плохом состоянии дел в советской экономике. Эта речь была подготовлена в личном секретариате Брежнева. Разумеется, Брежнев в данном случае не являлся докладчиком, он выступал в прениях и мог поэтому, казалось бы, свободно высказывать свое личное мнение. Однако он был не рядовым оратором, а лидером партии, и его речь, которая была на следующий день опубликована, воспринималась как директивная. Необычная самостоятельность Брежнева не только удивила, но и обеспокоила многих членов Политбюро, которые опасались, что увеличение влияния и власти Брежнева не только уменьшит их влияние, но и нарушит ту «стабильность» в кадрах, к которой все начинали привыкать. Естественно, что больше других был недоволен Суслов, с которым Брежнев не нашел нужным проконсультироваться. Выступить в одиночку против Брежнева Суслов не решился. Он подготовил специальную «записку» для членов Политбюро и ЦК, которую подписали также А. Шелепин и К. Мазуров. В этой записке подвергалась критике речь Брежнева как политически ошибочное выступление, в котором все внимание было якобы сосредоточено на негативных явлениях и в котором оратор ничего почти не сказал о тех

путях, с помощью которых можно и нужно исправить недостатки и пороки в народном хозяйстве. Возникший спор предполагалось обсудить на предстоящем мартовском Пленуме ЦК КПСС в 1970 г. Брежнев был также обеспокоен возникшей в кругах ЦК оппозицией и не желал доводить дело до обсуждения на Пленуме ЦК. По совету своих помощников он предпринял необычный по тем временам шаг: отложил на неопределенный срок Пленум ЦК КПСС и выехал в Белоруссию, где в это время проводились большие маневры Советской Армии, которыми руководил лично министр обороны А. Гречко. Никто из членов Политбюро не сопровождал Брежнева, с ним в Белоруссию отправились только некоторые наиболее доверенные помощники. В Белоруссии Брежнев провел несколько дней, совещаясь не только с Гречко, но и с другими маршалами и генералами. Этот независимый и неожиданный визит Брежнева на военные маневры произвел неизменное впечатление на членов Политбюро. Они видели теперь нового, более самостоятельного и независимого Брежнева. Никто не знал содержания бесед Брежнева с Гречко и маршалами, да и Брежнев не был обязан в данном случае отчитываться перед членами Политбюро, не входившими в Совет Обороны. Однако было очевидно, что военные лидеры обещали Брежневу полную поддержку в случае возможных осложнений. Вскоре стало известно, что Суслов, Шелепин и Мазуров «отозвали» свою записку и она нигде не обсуждалась. По возвращении Брежнева в Москву Суслов первым выразил ему свою полную лояльность. Весь аппарат печатной и устной пропаганды, а также весь подведомственный Суслову идеологический аппарат быстро перестроился на восхваление «великого ленинца» и «выдающегося борца за мир» Брежнева, который становился отныне не только руководителем, но и первым среди равных, но и неоспоримым лидером, «вождем» партии и фактически главой государства. Перед праздниками и некоторыми крупными торжествами на площадях и главных улицах Москвы и других городов вывешивались обычно портреты всех членов Политбюро. Так было и перед 1 Мая 1970 г. Но теперь повсюду появлялись огромные портреты и одного Брежнева, большие плакаты с цитатами из его речей и докладов. Изображение Брежнева давалось во многих случаях более крупным, чем других членов Политбюро. Газеты почти ежедневно публиковали его фотографии. Передовые статьи в газетах и журналах по общественным наукам почти всегда включали цитаты из «произведений» Брежнева. Масштабы всей этой начавшейся с весны 1970 г. пропагандистской кампании по укреплению и утверждению авторитета «вождя» партии намного превосходили все то, что делалось во времена Хрущева.

Поведение Брежнева после 1970 г. изменилось, что было сразу замечено западными политиками. Вспоминая о своих первых встречах с Брежневым, В. Брандт писал: «Существует ряд взаимоотношений, из которых я почувствовал, какие изменения произошли в положении моего визави. Прежде всего вряд ли можно было более наглядно продемонстрировать его статус в качестве доминирующего члена советского руководства, ...он обнаруживал величайшую самоуверенность, когда обсуждал международные дела».

Речь идет о начале 70-х годов, когда Брежнев на самом деле обнаруживал «величайшую самоуверенность» при обсуждении международных проблем и, не будучи еще формальным главой государства, ставил свою подпись на важнейших договорах с западными

странами, хотя это и не отвечало общепринятым протокольным нормам. Но быть самоуверенным — это еще не значит быть мудрым или даже обладать сильным характером. Еще в те годы Брежнев нередко терялся, встречая не менее самоуверенного, но более умелого и опытного политика. При таких встречах Брежнев постоянно испытывал чувство неполноценности, так как он потом расспрашивал своих помощников — какое он, Брежнев, производил впечатление. Весьма сомнительно, что он получал от них правдивые и точные ответы. Когда один из референтов Брежнева в 1972 г. в осторожной форме высказал своему шефу некоторые критические замечания и советы, Брежнев был явно раздосадован и вскоре удалил этого референта из своего окружения. К тому же первый инсульт зимой 1976 г. отразился не только на координации движений, на речи, но и на интеллекте Брежнева. В этом могли убедиться как Гельмут Шмидт, так и Джимми Картер. Когда в 1979 г. в рамках венских переговоров по ОСВ-2 должна была состояться встреча двух президентов с глазу на глаз, то есть в присутствии лишь переводчиков, Картер не мог вести с Брежневым серьезного политического разговора и должен был обращаться с ним не как с «самоуверенным» политиком, а, скорее, как с вызывающим сочувствие больным ребенком.

ОТНОШЕНИЕ К РАБОТЕ

Из политического темперамента Брежнева вытекал и его стиль работы в качестве главы партии и государства. Брежnev вполне добросовестно относился к своим обязанностям, но он не очень любил перегружать себя работой. Конечно, временами ему приходилось работать очень напряженно, но как только он стал главной фигурой в Политбюро, его рабочий день не увеличивался, но, напротив, стал уменьшаться. Он никогда не стремился держать в своих руках все нити управления даже самыми важными делами и тем более не брался решать такие дела, которые могли и должны были решать работники более низкого ранга. Он не вникал в детали конструкции новых танков или самолетов, артиллерийских орудий или проектов плотин, как это делал Сталин. Он не вмешивался в агрономические вопросы сельскохозяйственного производства или типового проектирования жилых домов, как это делал Хрущев. Он отказался принять Шолохова, чтобы выслушать претензии писателя к газете «Правда». По мнению Брежнева, каждый руководитель должен в своей сфере нести всю долю ответственности. Можно сказать, что это было совершенно правильным отношением к обязанностям главы партии и государства. Недостаток Брежнева состоял, однако, в том, что он при этом не слишком тщательно контролировал своих помощников и подчиненных, передавая им нередко и те дела, которые эффективно может выполнить только лично глава партии и государства. Обычно склонного и даже нерешительного Брежнева не боялись не только его коллеги из Политбюро, но и рядовые работники аппарата. При Брежневе каждый из секретарей обкомов или министерств был более самостоятелен в своих действиях, чем при Хрущеве или Сталине. В сочетании с курсом на «стабильность» кадров это давало им большую власть в своих учреждениях или на подведомственных территориях. Можно сказать поэтому, что в эпоху Брежнева ослабла слишком жесткая централизация партийного и государственного аппарата. Иногда это шло только на пользу, но часто и во вред государству и народу. Мы имеем в виду не только рост местнических или ведомственных настроений, но также прямое злоупотребление властью и коррупцию.

Некоторая децентрализация сочеталась в последние 15—20 лет с ростом

численности и полномочий различного рода центральных учреждений. Бюрократическая машина не уменьшалась, а возрастала при Брежневе, работая при этом не лучше, а хуже, чем ранее. Руководимый Брежневым партийный аппарат старался скорее воспрепятствовать, чем помогать развитию разумной самостоятельности хозяйственных органов. Это в первую очередь свело на нет начатую Косыгина экономическую реформу.

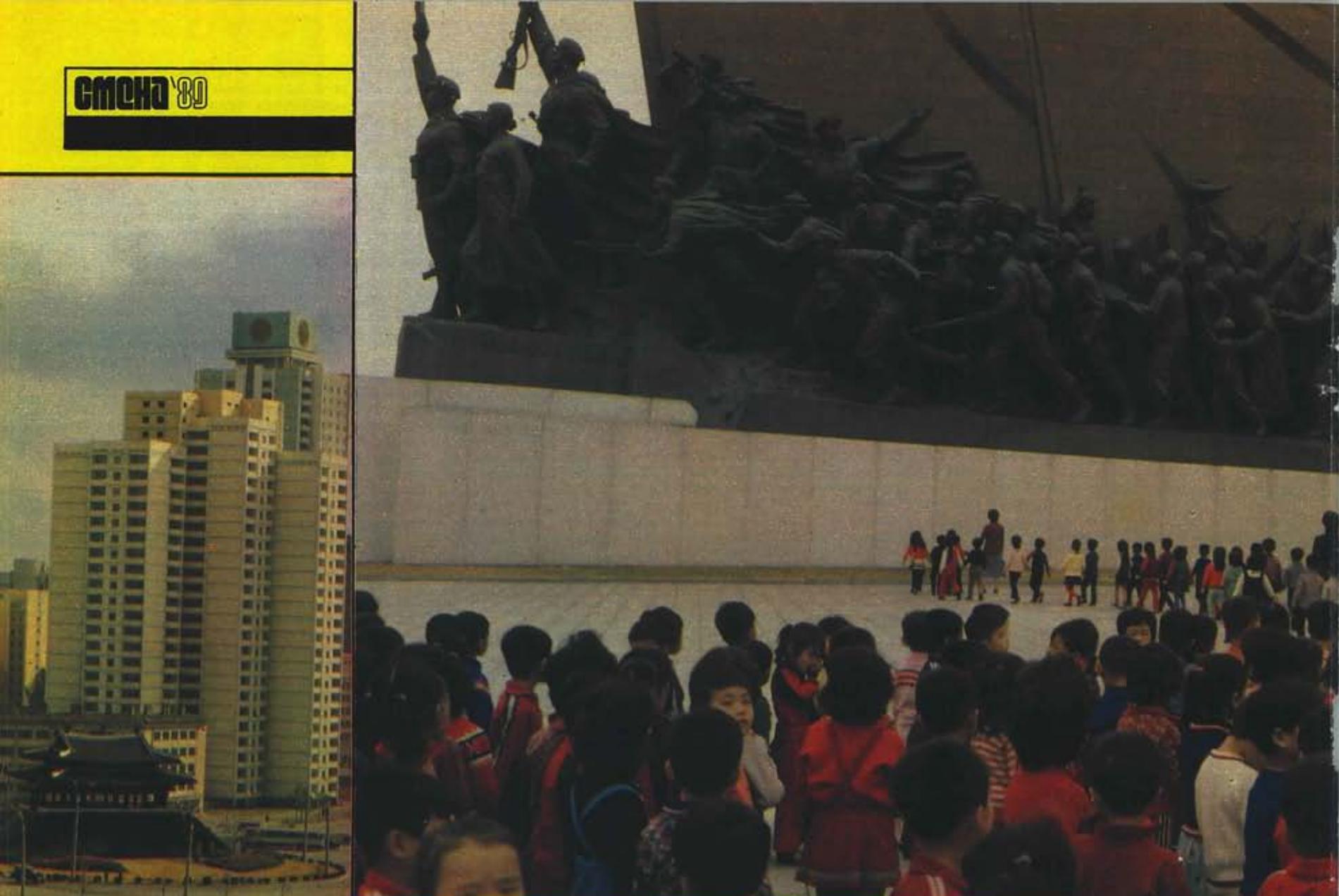
Из-за недостаточной активности и работоспособности Брежнева постоянно увеличивалась и штат его личных помощников, секретарей, референтов, который постепенно превратился в большой и влиятельный аппарат, получивший официальное название Секретариата при Генеральном секретаре ЦК КПСС. Этот Секретариат действовал параллельно обычному рабочему аппарату ЦК, что только запутывало систему партийного руководства и рождало бюрократизм. Брежнев привык слишком полагаться на своих помощников и подчиненных и поэтому попадал в чрезмерную зависимость от своего собственного окружения, состоящего из людей, далеко не одинаковых по своим деловым и моральным качествам. В результате Брежнев постепенно начал жить в мире как созданных им самим, так и навязанных ему иллюзий. Практически он не общался с простыми людьми, не знал их жалоб и настроений. «Ходоки» из народа, которых часто принимал Ленин, не допускались к Брежневу. Правда, он регулярно посещал собрания ветеранов 18-й армии, в которой провел большую часть войны. Но здесь не было слишком откровенных бесед. «Как хорошо стали теперь жить советские люди!» — сказал Брежнев во время одной из последних встреч группы ветеранов, многие из которых приехали из городов, где в магазинах уже давно не было ни мяса, ни масла, ни сыра. Но ветераны не стали разуждаться Брежнева.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ БРЕЖНЕВА ДО 1964 ГОДА

На свой первый ответственный пост в Днепропетровском обкоме партии Брежнев был выдвинут в 1938 г., когда ему было около 32 лет. По тем временем карьера Брежнева была не из самых быстрых. Брежнев не был карьеристом, который пробивается вверх, раскачивая локтями других претендентов и предавая своих друзей. Он отличался уже тогда спокойствием, лояльностью к коллегам и начальству и не столько пробивался вперед сам, сколько его продвигали вперед другие. На самом первом этапе Брежнева продвигал вперед его друг по Днепропетровскому металлургическому институту Грушевский, который был первым секретарем ДнепроЗЭРЖинского горкома партии. После войны Грушевский остался на политической работе в армии. Он умер в 1982 г. в чине генерал-полковника. Брежнев, присутствовавший на этих похоронах, неожиданно упал перед гробом своего друга, разразившись рыданиями. Этот эпизод для многих остался непонятным.

В годы войны у Брежнева не было сильной протекции, и он продвинул мало. В начале войны ему было присвоено звание полковника, в конце войны он был генерал-майором, продвинувшись всего на один чин. Не баловали его и по части наград. К концу войны он имел два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, орден Богдана Хмельницкого и две медали. По тем временем для генерала это было мало. Во время Парада Победы на Красной площади, где генерал-майор Брежнев шел вместе с командующим во главе сводной колонны своего фронта, на его груди было гораздо меньше наград, чем у других генералов.

Продолжение в № 8.

О, БЛАГОУЖАНОЕ!

Нина ЧУГУНОВА
Фото Евгения СТЕЦКО

В октябре воздух по утрам был колючим и сильно пахло неизвестными цветами. Закат несравним ни с каким закатом, и то же было с восходом, будто поднесли огонь к натянутому тугому шелку.

На закате мы пытались снять монумент идеям Чучхе. Днем не получалось. Днем это было всего лишь грандиозное сооружение с искус-

ственным факелом на вершине. Поднявшись лифтом, устроенным внутри монумента, вместе с нарядной девушкой, назубок знающей, сколько символического смысла заключено в количестве камней, использованных при строительстве, и как это связано со знаменательными датами, мы увидели гигантский стеклянный кулак над нашими головами и мертвых птиц на парапете.

Ночью пламя факела могуче плескалось над городом.

(«Я сам!» — вот смысл, вот пламя идеи Чучхе. Развитие, опирающееся исключительно на собственные силы, на собственные ресурсы, собственный разум, — эта задача одновременно благородна и трагична.)

Микрорайон Кванбок — главный строительный объект XIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов — в те дни работал здесь начинялась, а можно сказать, была в самом разгаре, ибо для того, чтобы завершить такое строительство, требовалось взять сразу невиданный темп.

Юноши и девушки, гости фестиваля, вы увидите новенький микрорайон, разместившийся на гигантской площади. Здесь, на юго-западе Пхеньяна, вас примут спортивная деревня, спортивные дворцы, модернизированный Дворец школьников и новый, тоже модернизированный цирк. Вы поселиетесь в очень хорошей молодежной гостинице, а в парковой зоне на острове Янгак международный кинотеатр распахнет перед

вами двери. В восточном Пхеньяне откроется Молодежный театр и Восточнохенянский Большой театр. По обе стороны шестикилометровой главной магистрали шириной в сто метров протягивается ряд жилых домов высотой от восьми до сорока двух этажей... Всего на два года была рассчитана эта работа, причем одновременно осваивались солончики, велось строительство Сучхонского виналового объединения и Тхэхонской электростанции.

Это вы увидите въявь и по телевизору, в газетах и журналах.

А вот что увидели мы.

На поворотах автострады то и дело встречались, как громадные открытки, красочные панно, изображающие руководителя народа, окруженного радостной толпой людей. Мы оставляли город, щедро украшенный статуями руководителя. В отутюженном костюме полу военного покрова, бронзовый, улыбающийся, он как бы шагал по городу. Два гигантских ребенка обычно лынули к нему...

Кванбок выскоцил из-за поворота, смяв открытку, и открыточное небо благоуханного утра забилось пылью.

Мы увидели стройку — торжество энтузиазма и ручного труда. Людей чрезвычайно много. Они облепили высотные здания от фундамента до крыши. Они кажутся крошечными сравнительно с домами и особенно рядом с плакатами.

— Что там написано? — спрашивала я нашего гида и переводчика Пака.

ФЕСТИВАЛЬ

спешно катит машина с громкоговорителем, льется сладкая, нежная мелодия, слегка напоминающая наши лирические мелодии пятидесятых годов. Пак объяснил, что влияние музыки на работоспособность человека замечено не так давно при следующих обстоятельствах. Годовой план оказался под угрозой срыва. Тогда были срочно созданы группы пропагандистов, снабженные машинами с громкоговорителями. Не потребовалось никаких иных действий и затрат — план года был перевыполнен. Пак повторяет: идея принадлежит любимому руководителю корейского народа товарищу Ким Чен Иру, сыну великого вождя.

Восемнадцать миллионов квадратных метров — такова строительная площадка Кванбока. Люди строят день и ночь, приезжают сюда после своего рабочего дня. Студенты сформированы в ударные отряды. Так было не раз в истории республики: «группы трех революций» строили дорогу в Рёнсон и «осуществляли требования чучхейских методов земледелия», строили Тэнонсанскую парковую зону. Еще раньше, в 1957 году, студентов университета мобилизовали на строительство столицы...

Заведующий сектором международного отдела Корейского Национального подготовительного комитета Хван Сок Мин при встрече с нами затруднился назвать число участников в строительстве фестивальных объектов. Я думаю, что в этом случае известное и у нас выражение «строить вся страна» следует понимать буквально.

Мы вошли в легкоатлетический манеж. Монтажники работали под куполом. Девушка в зеленом пиджачке

УТРО!...

Разноэтажный Пхеньян.

Фестиваль — всенароднаястройка.

Учиться у революции...

Здесь снимается кино.

Образцовая деревня Намли.

Плантации женьшеня в Кэсоне.

— Написано, что человек выполнял и перевыполнял план тайком.

Это было непонятно, странно. Пак объяснил, что плакат призывает к бесконтрольному ударному труду. «Надо быть скромным».

Толпы молодых людей работали лопатами. Похоже было, что они собирались разровнять холм, оказавшийся на пути улицы. Разравнивают так: на троих одна лопата, один колпакет, двое других, взявшись за веревки, помогают, подтягивают. Лица улыбающиеся, бодрые. Мимо не-

стояла у плаката с кистью и баночкой краски. Мы подошли к ней, несмотря на явное замешательство Пака. Она улыбнулась, слушая перевод Пака, кивнула головой. Да, она готова рассказать о себе. Она приехала из провинции, услышав призыв к молодежи поработать на строительстве фестивальных объектов. Тогда был январь, холодно. Ее спросили, что она может делать. Она перечислила, добавив: «еще рисую». С того дня она пишет плакаты. Это не просто. В день надо изготовить

пять-шесть плакатов. Плакат не должен висеть долго, он заменяет газеты для тех, кому некогда читать их. Она живет в общежитии, жизнь прекрасна...

Я запомнила озябшие руки, зеленый пиджак и легкие тапочки на маленьких ступнях. В грохоте великой стройки эта судьба не слышна, незаметна. Что будет с ней потом? Что с ней сегодня?

Снова утро. Едем в Мангендэ. Это крохотная деревушка, где родился и провел детство, «вынашивал великий замысел о революции» Ким Ир Сен. Едем по дороге ухоженной, как парковая дорожка. Деревни не видим. Видим глиняный домик, похожий на макет, настолько он вычищен, настолько гладка глина недавнего ремонта, настолько... кажется, здесь не ступала нога человека. Между тем группы людей идут и идут. Мы видим орудия труда, которыми пользовался дедушка Ким Ир Сена. В маленьких комнатах над циновками — семейные портреты. Тишина благоговейная, несмотря на открытое пространство, полное деревьев и самого чистого на свете воздуха, на котором хочется петь и смеяться... — тишина прищуривает к молчанию. Так же, как все, мы при выходе за калитку фотографируемся. Мы ни с кем не перекинулись ни словом. Деталь великой истории: когда революция победила, великий вождь прибыл в Мангендэ, чтобы привлечь дедушку отныне жить в достойных условиях. Дедушка отказался.

Как всегда в подобных местах, возникает ощущение нехватки воздуха... много благоговения, много тишины. Воздух врывается в легкие, когда мы отъезжаем от Мангендэ. Мы мчимся по парковой дороге, как вдруг перед нами на обочине возникает деревня, которую можно сравнить с бонбоньеркой, с фарфоровой статуэткой. Это Намли, образцовая деревня. Разумеется, просим остановить, да это, кажется, предусмотрено программой.

Аккуратнейшие домики в национальном духе. Чистота, которой мы уже здесь привыкли. Чистота, лишенная запаха жилья. Сверкающие стекла венцов.

Ни звука.

Мы входим в деревню. Ближайший дом красуется красной табличкой. Мы знаем, что это за табличка. Великий вождь корейского народа товарищ Ким Ир Сен посетил этот дом (в других случаях: завод, международный вагон, библиотеку, плотину... что еще? Все, чем гордится народ) и дал ценные указания, число которых иногда доходит до пятидесяти.

Несмотря на отсутствие хозяев, нам разрешено войти в дом. При входе красивейший аквариум, вода в нем кристально чиста. В комнатах все блестит. За стеклянными дверцами шкафа — столики ярких полотенец и простыней. Швейная машинка накрыта вышитой салфеткой. В кухне ряд расписных кувшинов. Чистота здесь воспринимается уже как немыслимая. В эмалированном тазу — свежая рыба. Сняв обувь, босиком мы путешествуем по выставочному дому.

Вдруг входит человек, с ним сопровождающий. Сопровождающий объявляет: вот хозяин дома. Хозяин ступает в дом, как бы стесняясь своей одежды. Он и улыбается застенчиво. Он говорит: здесь живу с октября восемидесят пятого года, раньше вся семья из восьми человек жила в бараке. Я записываю имя: Ким Мен Пу, бригадир овцеводов. Босиком мы стоим друг перед другом, испытывая странную неловкость... Мыходим из дома, я слышу какой-то звук, оборачиваюсь: у соседнего дома две женщины трясут яркими, на вид новохонькими ковриками. Они обе смотрят на нас. У них встревоженные лица. Ким Мен Пу продолжает стоять около собственного дома. Отъехав от деревни, оглядываемся. Ким Мен Пу смотрит нам вслед. Женщины с ковриком смотрят нам вслед.

Пак говорит: великий вождь корейского народа товарищ Ким Ир Сен лично пожелал, чтобы деревня Намли была построена недалеко от того ме-

ста, где стоит домик его дедушки, также он дал ценное указание насчет внешнего облика Намли, образцовой корейской деревни.

Намли не миновать тому, кто посещает Мангендэ. Как фарфоровая статуэтка, Намли возникает на обочине шоссе, ухоженного, как дорожка в парке.

Утро в Кэсоне. Кэсон — это город, недалеко от которого проходит демаркационная линия, разделяющая страну на Север и Юг. Это город-символ расколотой родины, но это еще и старинный город, древний город, столица первого единого государства Кореи.

Здесь, как и всюду, к небу возносится самое высокое, самое грандиозное сооружение современного города — статуя вождя. В Кэсоне эта статуя венчает гору Чанам. Вождь стоит спокойно, заложив правую руку за спину. Он смотрит вперед и немного вверх. К подножию статуи ведут лестничные марши...

Мы поехали к демаркационной линии. Это бетонная полоса, строгая, как линейка. С этой стороны — корейские военнослужащие, с той — солдаты в голубых касках войск ООН. Нам предложили подняться на наблюдательный пункт. Мы поднялись. На той стороне показался автобус с экскурсантами. Экскурсанты, большей частью старики-одуванчики, прогулялись по-над бетонной полосой, вернувшись в автобус и уехали. Тишина и покой обманчивы. Так сказали здесь.

В Кэсоне есть обширные плантации культурного женьшеня, который называется «инсам». Инсам выращивают, чтобы изготовить множество различных продуктов, большей частью отправляемых на экспорт.

Здесь есть и буддийский монастырь, сохранившийся с древности. Пока монахи в золотой парчовой одежде молятся, нам разрешили присутствовать, сидя на полу у двери. Несколько человек сидели перед монахом, молясь. Когда служба была закончена, он пригласил нас подойти ближе. Это был черноволосый человек лет пятидесяти, спокойный, с ясным взглядом, худой, немного утомленный. Он сказал, что сегодня в стране всего семь буддийских монастырей. Уверенность в своей вере и в своей жизни исходила от него, как свежий ветер...

Но и печаль!

...Утро в Кэсоне создано, чтобы на рассвете в полной тишине, на виду гор и деревьев проехал одинокий велосипедист, — и через минуту тишина пропала, нарушенная детскими голосами. Мы вышли из красивой гостиницы, чтобы увидеть, как просыпается древний город. Мы увидели ребятишек в школьной форме, собирающихся группами на улице. Пак сказал: приятно, чтобы дети шли в школу строем, поэтому ждут оставшихся товарищей. Дети построились и двинулись, запевая песню. На пути к гостинице мы встретили человека, чем-то неуловимо напоминающего буддийского монаха. Пак познакомил нас — оказалось, что перед нами учёный-исследователь древних «Канонов». История расшифровки этого интереснейшего памятника письменности весьма драматична. К переводу приступали и на Западе, и в Южной Корее, но, сказал учёный, это были неправильные, ошибочные попытки. На верном пути оказались учёные Севера.

— Что помогает вам в столь сложной работе? — спросила я.

— Указания великого вождя корейского народа товарища Ким Ир Сена, — был ответ.

— До освобождения нашей родины эти бесценные книги, эти сокровища оставались вне внимания, — сказал учёный.

— Где же они находились?

— Валялись в храме, — был ответ.

...Мимо нас прошли школьники со знаменем, они шествовали строем. Знамя было слишком тяжелым, большим для мальчугана, возглавлявшего строй.

Новое утро было чуть пасмурным. Мы пришли в Народный дом учебы. В сентябре восемидесят первого года вели-

кий вождь корейского народа посетил его и, давая ценные указания, в частности, заметил, что Народный дом не просто библиотека...

Он был построен в самом лучшем месте Пхеньяна, на возвышенности, что обеспечивает самый чистый воздух. В нем шестьсот комнат, занимающих сто тысяч квадратных метров. Хранилище вмещает тридцать миллионов книг.

— Довольны ли вы оборудованием залов? — спросила я.

— Да, — сказала сопровождающая нас сотрудница. — Это японское оборудование... реконструированное нашими техниками.

Мы подошли к справочному отделу. Я попросила узнать, какие новейшие поступления советских изданий. Через минуту мне сказали:

— «Теория гидростатических устройств», 1964 год, издательство «Судостроение».

Медленно мы обходили этот дворец. Здесь были лингафонные кабинеты, читальные залы, лекционные залы. Всюду были люди. В музыкальном отделе обучали игре на тянзо, это дудочка, и на янгуне, это барабан, а также на аккордеоне, пианино, гитаре. Оборудование напоминает лингафонный кабинет. Я надела наушники. Ведущий занятия улыбнулся, что-то набрал на своем пульте. В ушах заорал знакомый голос: «Встреча была короткая!..»

— Товарищ Ким Ир Сен, посетив Дом, когда он уже был введен в строй, дал такое ценное указание: не следует готовить в столовой блюда, имеющие запах.

— Почему же? — удивились мы.

— Блюда, имеющие запах, вызывают сильный аппетит.

Мы вышли из прекрасного Дома. Девушки в полуночной форме с книгами в руках шли строем по дорожке, направляясь на лекцию.

...Морское побережье. Утро. Дымка. Рыбак, стоя по колено в воде, забрасывает в воду большой сачок. Я говорю Паку: можем ли подойти? Пак в нерешительности. Он говорит: старик сейчас одет в плохие одежду... Мы оставляемся на берегу. Наконец рыбак, собрав счастье, идет, приподняв над водой небогатый улов. Это старик с лицом, которое, кажется, лепило одно лишь величие терпение. Мы подходим, знакомимся. Он слегка улыбается. Слушает, потом говорит. Пак переводит:

— Он прожил здесь всю жизнь. Ему нечего больше рассказать.

...Почти случайно мы являемся свидетелями большой манифестации, посвященной открытию очередной мемориальной доски в честь великого вождя корейского народа.

Люди в одинаковых одеждах с разноцветными знаменами. Мы хотим найти лучшее место для съемки, хотим подняться на крышу соседнего здания. Пак подходит к человеку в военной форме. Тот отрицательно машет головой. Мы просим Пака обратить внимание военного на то, что с крыши соседнего здания уже ведут съемку кинооператоры. Тот смотрит, потом просит Пака перевести: эти кинооператоры имеют специальное разрешение.

Мы довольствуемся зрелищем марширующей толпы.

Холст спадает. Взору открывается необыкновенно красивое панно. Великому вождю совсем немного лет, он юн, он радостно общается с народом. Народ, как это обычно на подобных картинах, представлен: рабочими, военными, женщинами с полными ногами в белых туниках, детьми, лысющими к вождю, жадно внимавшими; конечно, интеллигентом в очках.

Я думаю: утро — вот что поручено нам судьбой, утро благоуханное — дар судьбы, ее замысел, ее светлая цель и тайна. А день — это то, что получается в результате наших усилий. День занят работой. Порой она так тяжела, что заставляет забыть о благоуханном утре. И жизнь состоит из таких дней большей частью, из дней, не знающих пауз, необходимой для размышлений.

Эта страна зовется Страной утренней свежести...

До сих пор в этом умудренном жизненным опытом человеке со всеми его обычными, очень человеческими, добрыми увлечениями — книгами, путешествиями, космосом — осталась верность принципам, которые он сам для себя выработал и утвердил много лет назад. «Много» — в данном случае слово это, если его не расшифровать, звучит слишком аморфно, потому что вмещает оно как-никак 80 лет неутомимой жизни и работы Евгения Ивановича Рябчикова — писателя, журналиста, кинодокументалиста. Событий, очевидцем и участником которых довелось ему быть, хватит, пожалуй, не на одну человеческую жизнь. Об этом накануне юбилея мы и говорили с Евгением Ивановичем, долголетним членом редакции «Смены».

— Вы были близко знакомы и дружили со многими выдающимися людьми нашего века. Кто из них оставил особый след в вашей жизни, в вашей судьбе?

— Самое большое влияние на всю мою сознательную жизнь оказал, конечно, А. М. Горький. Мое детство и юность прошли в Нижнем Новгороде, где на каждом шагу все напоминало о нем. Я читал Горького, изучал его биографию, бродил по Миллионке, описанной Пешковым, и, находясь под сильнейшим впечатлением его книг и желая стать писателем, решил, что должен последовать его примеру. Я ушел из дома, оставил письмо любимым маме и папе, в котором написал, что должен изучать жизнь и знать ее, как Горький. По стране в ту пору бродили бесчисленные оравы беспризорников, время было трудное, я ушел на Миллионку, в ночлежку, описанную Горьким в пьесе «На дне», и сам опустился на дно жизни.

— Сколько же вам было лет?

— Я окончил школу, значит, 16—17 лет. Началась сугубая, романтическая, трудная и очень опасная жизнь. Попал я в молодую банду, которая хотела, чтобы я принял участие в деле. Но я сам себе сказал твердо, что ни на какие «мокрые» дела не пойду — нужно знать жизнь, а не сидеть в тюрьме. Отец мой работал в ЧК следователем по уголовным делам и дома часто рассказывал всякие страшные истории. Так что мир преступный был мне знаком, и потому я опался попасть под его влияние. С этой оравой я путешествовал по Волге, нас саживали с пароходов, гнали, мы ехали в Донбасс под вагонами, на крыши. Там, в Донбассе, мы разошлись — ребятам хотелось заниматься своим делом, а я понял, что мне надо поработать на шахте. Пошел на биржу труда, и меня определили на шахту имени Крупской. Парень я молодой, меня поставили сначала разгребать штабы, потом коногоном в шахту. Вот-там я и принял участие в стенной газете, где поднял, как мне казалось, очень важный для шахты вопрос...

ОБЕЖДАЮТ ГЕРОИ.

о том, что в зобах нет бачков для воды. Администрация была в бешенстве, но бачки поставили.

— Евгений Иванович, видимо, эти юношеские путешествия и явились толчком к более серьезным путешествиям, когда вы стали уже штатным журналистом? И вообще как началась ваша журналистская деятельность?

— После того как я сбежал с шахты, чтобы со мной не расправились за те критические выступления, я еще помотался в одиночку по разным городам, а потом вернулся домой и пошел учиться в пединститут. Окончил литературно-лингвистический факультет, преподавал в школе в Богородске обществоведение и русский язык, но половина времени уходила на то, что я писал какие-то бесконечные заметки в газеты, короче, меня «прорвало». Однажды меня вызвали телеграммой в Нижний Новгород в крайком партии, и там я от самого Жданова узнал, что назначен заведующим отделом информации газеты «Ленинская смена». Править рукописи, конечно, я не умел, но у меня хватило ума пойти в типографию и посмотреть, как это делается. Став штатным журналистом, развел бурную деятельность, мне было все интересно, и я таскался по области пешком, на лошадях, на лодках. Вскоре судьба распорядилась, чтобы я стал редактором первой в стране динамовской газеты «Динамовец начеку». Это был 1932 год, автозавод начинали строить.

— А когда вы познакомились с Горьким?

— Вот как раз в это время. Приближалась юбилей Горького, и мы в газете решили отметить это событие. Я пошел к руководству, сказал, что поскольку за Горьким охотилась охранка, значит, в архивах можно найти его «дела», и тогда я поехал бы к нему в Москву с этими «делами» и попросил бы статью. Разрешение дали, я отправился в острог и там получил кипу папок — «дела» на Горького. Я их все просмотрел, облился слезами и отправился с ними к Горькому. Был я молод, не очень умен. Горький мне все «вы» да «вы», а я ему — «ты, наш земляк». Он только улыбался. Потом говорил ему: «Алексей Максимович, вот какая штука: ты нам написи статью, а я тебе привез подарок». Он прищурился, взял длинный мундштук, вставил папиросу, закурил и спрашивал: «А какой подарок?» Я полез в портфель, вынул одну папку, вторую. И Горький изменился в лице. Потом говорит: «Это же наблюдательные дела». Открыл папку — а там были перехваченные письма, записки, короче, вся его жизнь в тот период. Он перелистывал их, читал, и вдруг у него стали мокрые глаза. Он был потрясен таким подарком и сказал: «Конечно, я напишу для вас статью». Каждый день я ходил к нему, и это дало мне возможность видеть, как приезжали Бухарин, Зиновьев, Сталин, «странные люди», которые приходили

девятками к Горькому и несли ему ту самую «сермяжную правду» обо всем, что происходило в стране.

Алексей Максимович, конечно, написал статью, мы ее напечатали с моим предисловием о том, как я был у Горького, и потом это имело для меня последствия. Я пришел в «Правду», меня встретил Кольцов и сказал: «Слушай, ты настоящий парень, давай переходим в «Правду».

— Но ваша журналистская юность, я знаю, была долгое время связана с «Комсомолкой»...

— Да, в газете я занился авиацией. Это была моя любимая тема. Я познакомился с А. С. Яковлевым, начинающим конструктором Андреем Туполевым, заладил ездить в Долгопрудное в воздухоплавательный отряд, где летал на воздушных шарах, на дирижаблях...

— Летали и писали об этом?

— Конечно. Был на стартах первых наших стратостатов, а среди многих имен, о которых писал, особое место тогда занимали Громов, Чкалов и Коккинаки. Первая моя книжка так и называлась «Громов».

— А всего сколько вы написали?

— Книг 28, а еще сценарии к 59 кинофильмам — научно-популярным и документальным.

— В чем была незаурядность этих людей?

— Громов произвел на меня впечатление выдержанной, организованностью, точностью. А Чкалов потряс своей русской удалой: любил плясать так плясать, летать так летать. Когда он брал меня на испытания самолетов, я, стоя на летном поле, поражался, что он оставался жив после очередного пикования. Еще один человек оставил в моей жизни глубокий след — Евгений Федоров, папанинец, впоследствии академик, Герой Советского Союза. В школе мы сидели с ним на одной парте, и это он заразил меня любовью к странствиям, стремлением познать неведомое: а что там, за горизонтом, во льдах, в небе?

— Евгений Иванович, все знают, что именно вы «открыли» знаменитого героя-пограничника Никиту Карапузу. Это было трудно?

— Меня «навел» на Карапузу маршал Блюхер, который командовал Дальневосточным округом. Это он посоветовал мне поехать на заставу, послужить там, и после этого я написал большой очерк о Карапузе в «Комсомолке», а потом и книгу. Это был действительно герой: ведь он задержал четыреста шестьдесят четыре нарушителя границы и уничтожил сто двадцать одного. Для журналистики и литературы произошло нечто удивительное: «в Карапузу» стали играть дети, его именем называли пионерские отряды. Он стал народным героем. Почему? Потому что это был не выдуманный герой, а реальный. Вот что имело значение.

Потрясла меня встреча с К. Э. Циол-

ковским. Я, мальчишка из «Комсомолки», приехал к нему, и он мне рассказывал о космосе, о будущих летательных аппаратах, рассказывал, понимая, что агитирует и вовлекает в звездное небо нашу молодежь. По записке Циолковского я попал в ГИРД, куда не заглядывали журналисты, и там впервые увидел С. П. Королева. Это мне потом дорого обошлось, но, пожалуй, сегодня об этом не стоит вспоминать.

— Евгений Иванович, в ваших словах ощущается зловещая тайна. А так как мы ведем речь о 35—37-х годах, то могу предположить, что и вы хлебнули сталинских репрессий...

— Да, 5 сентября 1937 года прямо на домашнем вечере, на котором были А. С. Яковлев и многие известные журналисты, меня арестовали.

— Что же вам инкриминировали — то, что вы писали о героях?

— Арестовали по элементарному доносу. Кому-то в редакции было видно, что молоденький журналист пишет о знаменитых людях, что в редакцию к нему приезжают Чкалов, Громов, Коккинаки. Поначалу мне пытались доказать, что я японский шпион — ведь я был на Дальнем Востоке у Блюхера. Потом, что я американский шпион, но тоже отпал — в Америке не был, языка английского не знаю. Тогда повезли в Суханово на расстрел: мол, сволочь, не признаешься, получай. Это так иногда тогда пугали.

— А что же редакция — не вступилась за вас?

— Полредакции тогда уже тоже сидели. «Тройка» дала мне 5 лет, с Лубянки отправили на Беломорканал, оттуда перебросили в Воркуту, затем в Ухту, на Крутую, где я и встретился со своей будущей супругой. Она была там главным инженером завода — это и решило впоследствии мою судьбу.

— Вы были у нее на заводе зеком?

— Нет, я уже заканчивал свой срок и работал диспетчером. Как-то она поехала в Москву, зашла к Яковлеву, сказала ему обо мне, и он, встретившись в кабинете у Сталина с Завенягиным, тогда заместителем наркома внутренних дел, замолвил обо мне словечко. Сталин, слышавший их разговор, обронил: «Посмотрите», — и этого было достаточно, чтобы я вернулся в Москву.

— Есть у вас какое-то дело, которое вы мечтали осуществить, но так и не осуществили?

— Мне очень хотелось полететь в космос. Не удалось, нереально. Мне хотелось стать поэтом — я писал какие-то детские дурацкие стихи, не получилось. Хотелось стать летчиком, я окончил аэроклуб, получил пилотские права, стал парашютистом, но летчиком так и не стал. Думаю, это и хорошо — вряд ли из меня вышел бы замечательный летчик. Но то, что я летал, прыгал с парашютом, дало мне право на равных разговаривать с летчиками. И они это ценили.

— Что вы особенно цените в людях?

— Меня всю жизнь завораживали люди необыкновенной героической судьбы. И потому я интересовался такими областями человеческой деятельности, как космос, авиация, вулканология, подводная среда. И всегда я стремился первым об этом рассказать, именно первым. Полетел реактивный самолет — я стал добиваться, чтобы полететь на нем, и был первым пишущим человеком, которому довелось подняться в небо на ЯК-15. Затем был первый вертолет — я добился разрешения у Василия Сталина и первым из журналистов поднялся по веревочному трапу в вертолет, зависший над летным полем, и так же спустился. Потом был первый спутник, а вскоре в космос отправился Гагарин.

— Вы были лично знакомы с Юрием. Какое впечатление он на вас произвел, что вы особенно цените в нем?

— Гагарин — уникальный человек. Умный, скромный, с феноменальной памятью, простой, находчивый, очень доброжелательный человек, который до последних дней не утрачивал любопытства, всем интересовался — вот что очень важно.

— Огорчает вас нынешняя молодежь?

— Я много думаю о том, что собой представляет молодежь сегодня, вижу отрицательные ее черты — неверие, слабость души, стремление поклоняться року, сексу, вину. Но я вижу и ребят смелых, решительных, знающих, ищущих. Их, на мой взгляд, больше, чем первых. Короче говоря, налицо резкое расслоение молодежи. Огорчает и то, что пресса мало пишет о героическом в нашей жизни. А ведь Ленин еще во вторую годовщину Советской власти говорил, что мы накопили много героических людей. Так почему же «героями» наших сегодняшних публикаций стали рокеры, проститутки, наркоманы и всякая другая дрянь? Очень мало говорим и пишем о людях, у которых надо учиться, за которыми следует идти. Ведь это они — будущее страны, им стоять во главе перестройки и тех демократических процессов, которые сегодня происходят в нашем обществе.

— Ваш девиз?

— Искать, верить, постоянно думать, что там, за горизонтом, и знать, что побеждают и творят жизнь герои. Знать, верить и доказывать, что люди одержимы, люди героические, люди неистового труда, — они делают жизнь, а не нытики, не те, кто поклоняется богу горя и богу неверия.

— Евгений Иванович, спасибо за откровенную беседу. «Смена» горячо поздравляет Вас с 80-летним юбилеем и желает крепкого здоровья, неувядаемой молодости и кипучей энергии!

С юбилем беседовал
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ

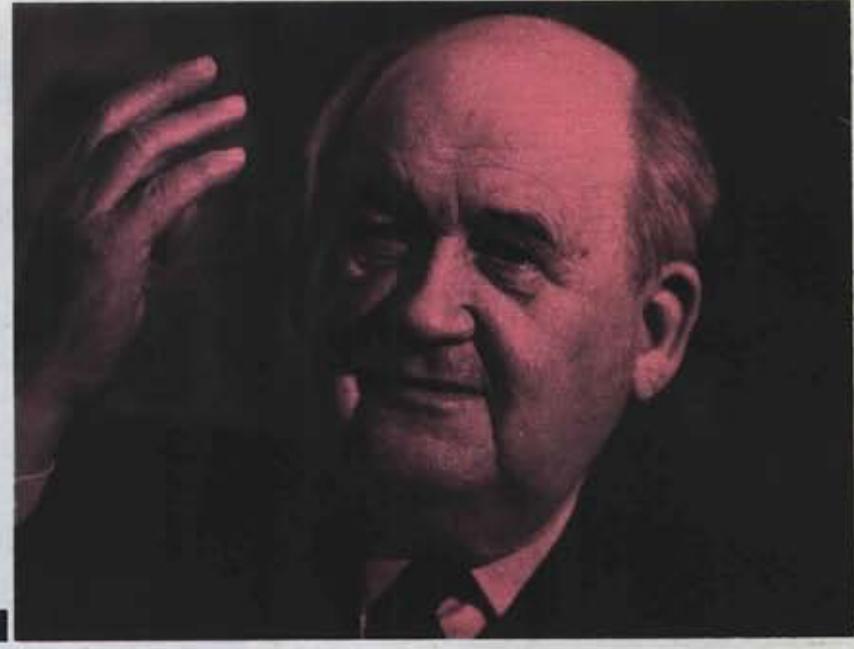

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Вроде бы совсем недавно дребезжали стекла в маленьких клубах от электрогитар, в школах шла усиленная борьба против «битловских» причесок, а в подворотнях неумелые пальцы тысяч мальчишек осваивали на гитарных грифах рок-н-ролльные «квадраты». Накопившиеся в нестриженых головах мысли вырывались на свободу в песенных манифестах новых глашатаев поколения — рок-певцов. Но даже в этом многоголосии всегда выделялось творчество «Машин времени», которой в этом году исполняется двадцать лет.

КОРРЕСПОНДЕНТ «Смены» Евгений ФЕДОРОВ беседует с руководителем «Машин времени» Андреем МАКАРЕВИЧЕМ.

— ...Какой смысл вы вкладываете в понятие «плохая группа»?

— Моя оценка сугубо субъективная, поэтому я не имею права судить тех или иных музыкантов с «высокой трибуны»... Но меня удивляет, когда, скажем, какая-нибудь телевизионная редакция вставляет в интересную передачу, трансляция которой идет на весь Союз, музыкальные номера очень слабых, неинтересных команд только потому, что у создателей программы либо нет музыкального материала, либо совсем плохо со вкусом.

— Есть мнение, что сегодня только «разоблачительные» песни могут быть популярными...

— Думаю, они уже не очень популярны, потому что все обились «разоблачительной сатирой». У нас малярник общественного интереса никак не останавливается в точке равновесия: его заносит то в одну сторону, то в другую. Очень верно по этому поводу сказал один мой старый приятель: «Сейчас подобное творчество напоминает бросание грудью на

амброзию, в которой давно уже нет пулемета».

— В таком случае вопрос: отразились ли гласность и демократизация на творчестве и жизни группы?

— На творчество — нет, на жизни — безусловно: поездки за рубеж, телевидение, пластинки... Несколько увеличилась плата за работу. Но это я считаю частичной компенсацией за долгие годы унижений, которые испытывали артисты — и профессионалы, и непрофессионалы.

— Я знаю, что многих людей до боли волнуют заработка рок-музыкантов: они уверены, что даже в «застойные годы» рокеры сладко ели, вкусно пили, мягко спали. А теперь и вовсе миллионеры...

— Андрей, я знаю, что «Машина времени» гастролировала в США. Какие впечатления вы привезли?

— Встречали нас хорошо. Но это отдельный разговор. Дело в том, что участники многих музыкальных коллективов, которые туда ездили выступать, довольно честно рассказывали о гастролях, за исключением одного: на какой, грубо говоря, уровне проходили их гастроли. Представьте себе американскую группу, которая приехала в Москву и дала два концерта — один, скажем, в красном уголке ДЭЗа № 1, другой — в красном уголке ДЭЗа № 2 — и с очень хорошими воспоминаниями о приеме вернулась в США. Вот с нашими группами происходит в Америке то же самое. Я не верю в триумфальное шествие советского рока по Штатам. Сейчас в свете американской эйфории по поводу перестройки мы можем там выступать в качестве экзотических музыкальных «блюд» — это очень интересно для американцев, тем более что для них вообще характерен восторженный прием, особенно если они за это уже заплатили, — они просто не будут платить себе настроение.

— «Машина времени» пережила немало трудных времен: группу громили в прессе, запрещали концерты... Не посещала ли вас в те лихие годы мысль переселиться за океан, как это сделали некоторые рок-музыканты?

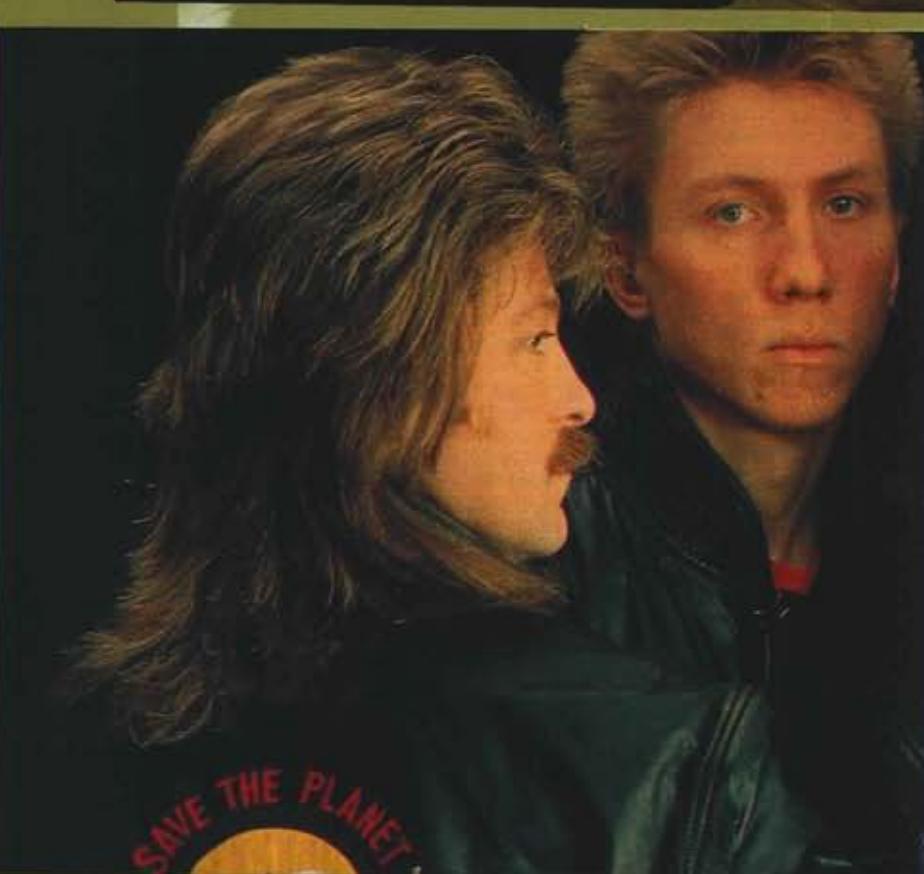
— Я не хочу разыгрывать из себя мученика эпохи застоя, тем более что это не будет полновесной правдой. Просто в конце семидесятых меня постоянно наталкивали на мысли об отъезде. Я видел, что вокруг творится, уезжали мои друзья...

— Я как-то прочитал в «Советской России» письмо возмущенной читательницы из Тюменской области, которая перечисляет высокие гонорары музыкантов. Не знаю, где она взяла эти цифры... Даже не буду говорить о том, что пора бы отучиться считать чужие деньги, — пора начинать подсчет своих. Но могу с полной ответственностью сказать: меньше, чем в Советском Союзе, музыканты не получают ни в одной стране...

Действительно, несколько лет назад считалось, что «средний музыкант» не должен получать больше, чем «средний слесарь». (Может быть, поэтому у нас так много средних музыкантов и слесарей.) Но все дело в том, что сколько бы музыкант ни зарабатывал, он эти деньги зарабатывает, а не получает... У меня лично язык не повернулся спросить у артиста, который способен поднять настроение сразу 10 тысячам зрителей, сколько денег он за это имеет.

Что касается прошлых времен, то о деньгах говорить просто смешно: на протяжении 9 лет — где-то до 1987 года — музыканты из «Машин времени» и многих других ансамблей, собирая дворцы спорта и принося государству ежегодную прибыль в несколько миллионов, имели ставку за концерт 9—10 рублей. Причем эта ставка платится «за выход» — вне зависимости от того, работает ли артист на сцене полтора часа (как мы) или две минуты...

"Машинा"

SAVE THE PLANET
Hard Rock
CAFE

LONDON NEW YORK
DALLAS

И я понимал, что нахожусь в такой же ситуации, что и они.

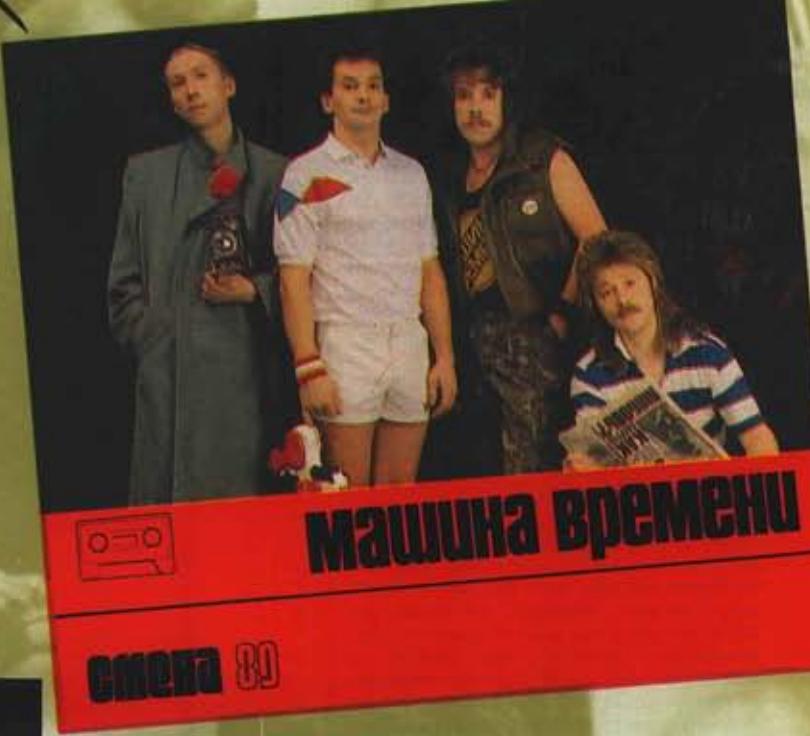
Масса людей, которые туда уехали в годы застоя и к родственникам, и просто так — я их видел, — нашли свое счастье, и оно заключалось в хорошем доме, хорошем автомобиле, красивой одежде, магазине, где круглый год клубника... Если это и есть счастье, то, наверное, надо ехать туда, тогда там лучше. Вся разница в том, что у них не хватило терпения, у меня, видимо, хватило. Так как то, чем я занимаюсь, для меня на первом месте, а все остальное на втором... А переделывать себя, то есть писать на английском языке об американских проблемах или развлекать эмигрантов, я не мог и не хотел. Да и просто есть масса любимых людей, любимых мест — почему я должен с этим навсегда прощаться? Другое дело — попробовать свои силы на новой территории и вернуться. Да и то все это для меня сомнительно. Я не считаю

себя универсальным музыкантом с какими-то данными, которые могут заинтересовать мировую аудиторию.

— Как вы относитесь к новым группам из Москвы, Ленинграда, Свердловска, которые завоевали во времена перестройки огромную популярность? Ведь существует мнение, что, скажем, «ДДТ», «Алиса», «Наутилус» и даже с ними — настоящий рок, а «Машине времени», «Динамик», «Секрет» и так далее — «попса»...

— Я отношусь ко всем рок-музыкантам хорошо, потому что они мои друзья и коллеги. А как я отношусь к тому, что они делают, — об этом я могу сказать им в личной беседе, но никак не с трибуны журнала — иначе это будет дурно пахнуть.

Что касается «внутренних противоречий» в рок-музыке, то, по-моему, это глупость, которую насаждают журналисты, искусственно разжигая страсти. Если, например, взять ситуацию пятнадцатилетней давности,

машина времени

спектр 89

то тогда существовала огромная пропасть между подпольными рок-группами и ВИА, и пойти поработать в вокально-инструментальный ансамбль называлось «продаться в рабство». (Но без отрицательных, презрительных интонаций.) Но даже тогда не было неприязни, конфронтации между музыкантами из двух «лагерей». Поэтому я считаю нынешний антагонизм искусственным и никому не нужным.

— В вашем репертуаре практически нет песен о любви. Почему?

— Мне всегда казалось, что если я что-то хочу сказать большой аудитории, то это гораздо серьезнее, нежели мои отношения с какой-то женщиной или несколькими женщинами. Мне непонятно, как можно с надрывом вещать о каких-то своих чувствах случайной аудитории. Это же очень личное...

— Не ощущаете ли вы некоторого снижения интереса к творчеству «Машине времени»?

— Как ни странно, но нашего слушателя вообще раздражает, когда кто-то долго привлекает к себе внимание. В других странах постоянный интерес вызывает только уважение. У нас же только и ждут, чтобы артисты ушли с большой сцены. Это можно сказать про многих творческих

Фото Евгения МАТВЕЕВА

«ВРЕМЯНИ»

длгожителей. Отношусь я к этому феномену спокойно, ибо никогда специально «на интерес» мы не работали, а старались сами оценить, насколько нам самим нравится то, что мы сделали. Пока что я имею право делать так, как считаю нужным. Так мне кажется. Если кому-то это не близко — ради бога, не принимайте.

— На мой взгляд, ваши последние песни — песни человека, живущего в гармонии с окружающим его миром и самим собой. Возможно, это некое проявление самоуспокоенности? Сытости?

— Насчет самоуспокоенности — модный вопрос. Но я никогда не разыгрывал из себя «мятущуюся личность», а «изображать» скандал только потому, что сейчас все можно, не хочу и не буду.

Лично я не вижу, что последние песни стали спокойней, чем прежние. Может быть, они стали серьезнее. Некоторые из них мне нравятся больше, другие — меньше, но было бы странно, если бы мы исполняли произведения, которые нам самим не нравятся вовсе... Все дело, видимо, в том, что от нас постоянно кто-то чего-то хочет: Министерство культуры — чтобы мы пели песни советских композиторов, журналисты — чтобы мы говорили то, что им нужно, а не то, что мы думаем, старые фаны — чтобы мы играли старые песни, «металлисты» — чтобы «металл». Но мы не хотим угодывать... Мы никогда не метили в «звезды», не гнались за музыкальной модой. (Кто гонится — непременно отстает.) Поэтому мы были то позади моды, то впереди нее. Нужно просто делать свое дело, а когда работаешь специально на успех — тут он обычно и кончается.

— Какие метаморфозы претерпела «Машина времени» за последние два десятилетия?

— Кто-то когда-то написал, что в «Машине времени» часто менялся состав, — многие это «тонкое наблюдение» подхватили, не проверив... На самом деле — очень редко: за последние десять лет у нас сменился один музыкант (вместо Петра Подгородецкого за «клавиши» встал Александр Зайцев).

В 70-е годы мы много экспериментировали с духовым инструментами, скрипкой, синтезаторами. Во многом это было вызвано тем, что электронные инструменты тех лет не могли дать нам тот звук, в котором мы нуждались... Что касается духовных метаморфоз, то, право, не знаю... Если бы у группы была некая «основная идея», то я бы ее быстро сформулировал, и «Машина времени» прекратила бы свое существование. Но мы просто поем о том, что видим, о чем думаем.

— Что вы могли бы пожелать молодым ребятам, которые сегодня взяли в руки гитары и решили посвятить себя рок-н-роллу?

— Еще раз как следует подумать. Ко мне обращаются многие молодые люди, которые просто требуют помощи. Они глубоко убеждены, что без поддержки наверх не вылезти, — и это сейчас, когда выходи и играй! Я готов помогать, но есть помощь и помощь. Я не могу научить их играть лучше на гитарах или писать лучше песни — все это в их руках. Если группа действительно интересна, то ее непременно заметят и «раскрутят»... Это не идеализм — действительно очень мало хороших музыкантов. И еще хочу пожелать тем начинающим рокерам, которые чувствуют за собой силу и талант и готовы идти до конца, несмотря ни на что, — чтобы это желание не иссякло у них никогда.

— Как у «Машины времени»?

— Да, хотя бы как у нас. Я очень рад, что и через двадцать лет еще столько осталось несказанного и несделанного. Это, по-моему, самое главное...

● Кто ответит за судьбу Елабуги? ● Как вырастить детей здоровыми? ● На БАМе все в порядке? ● Конкурс красоты: радость или оскорбление?

С удовлетворением прочитал статью В. Анисимова «Автогонка» (№ 21, 1988 год) и полностью согласен с автором. В свое время я с удовлетворением встретил весть о том, что в Елабуге остановлено строительство тракторного гиганта. Но теперь меня тревожит другое — объявлено строительство очередного, еще большего гиганта — автомобильного.

Посмотрите на карту Татарии: города Елабуга, Менделеевск, Набережные Челны — они расположены совсем рядом, я вижу их из своего окна. На этом небольшом пятаке уже расположены три гиганта: КамАЗ, «Нижнекамскина», «Нижнекамскнефтехим», не считая множества других крупных предприятий. Теперь здесь хотят разместить четвертый гигант — ЕлАЗ. Нас что, решили задавить гигантами? Почему за четыре года строительства никто не удосужился спросить обо всем этом мнения елабужан, членников, нижнекамцев? Ведь нам, нашим детям и внукам придется расплачиваться за все последствия необдуманных решений. Перспектива строительства очередного гиганта не вызвала восторга елабужан. О том, что мы против, ясно было из материала газеты «Правда» «Пять дней в Елабуге». Только молодые сотрудники «Правды» сделали то, в чем елабужанам до сих пор отказывает наше городское руководство, — провели частичное анкетирование. Результаты — более 70 процентов опрошенных против.

Почему? Главным образом по экологическим соображениям. Совсем недавно проходил митинг, на котором специалисты говорили о том, что экологическая обстановка в регионе очень напряженная и без ЕлАЗа, что окружающие нас леса на грани гибели. Кому не известны картины И. И. Шишкина, уроженца здешних мест? Так вот, под угрозой тот самый шишкинский бор.

В декабре проходило обсуждение генплана города, где наконец-то сказана часть правды о будущем лесов и лугов, которую местные власти тщательно скрывали от нас все эти годы.

Жизнь доказывает, что регион уже сейчас перенаселен, да еще при наших беднейших песчаных почвах. Выселяемые гиганты давно опустошили село, работать там сейчас некому — мы это видим своими глазами. Вот о чем должна болеть голова у нашего руководства! Не надо поражать воображение общественности очередным гигантом.

Мы надеялись, что дальнейшую судьбу стройки всесторонне изучат, разместят здесь в пределах построенного хотя бы производство бытовой техники, которой так не хватает. Да и наши предприятия легкой промышленности ются в допотопных помещениях. Не поздно еще изменить решения и исправить ошибку.

в ясли, то сразу же начались наши муки. Я работала пять-шесть дней в месяц, а все остальное время сидела на больничных. Как только родился второй ребенок, немедленно забрала старшего из сада. И опять история повторяется. Полтора года, пока дети находились дома, они почти не болели. Но как только они пошли в садик, я постоянно на больничном. На заводе, где работаю технологом, даже стали забывать, как я выгляжу.

Оклад у меня 115 рублей. Плюс прогрессивка. А по больничному листу получаю 100 процентов. Дети в садике на бесплатном обеспечении. Интересно знать, подсчитывал ли кто-нибудь, сколько же денег тратит государство на меня? И таких, как я, очень и очень много. Почти у всех моих подруг, имеющих маленьких детей, точно такая история.

Возникает вопрос: а не выгодней ли государству просто прибавить моему мужу к зарплате, ну, скажем, рублей 70, а мне разрешить воспитывать детей самой, в домашних условиях, лет до пяти-шести? И дети будут меньше болеть. Значит, вырастут из них нормальные, здоровые люди. Ведь не секрет, что ребенок в полтора года очень тяжело переносит разлуку с мамой. Так зачем же травмировать нервную систему ребенка? Да и питание, согласитесь, дома лучше. Есть и еще один немаловажный момент. Сейчас очень много говорят о роли семьи в воспитании ребенка. О каком воспитании может идти речь, если я вижу своих детей три часа в день (когда не на больничном).

А в выходные дни не знаешь, за что раньше взяться: надо и убрать, и постирать, и сварить, и погладить, и прешить, и помыть. Тут не то что в кино детей сводить или в кукольный театр, некогда даже почитать им книжки. А была бы я дома, и домашнюю работу всю бы переделаила, и с детьми на все мультфильмы, и в зоопарк, и в цирк, и в театр бы ходила, и книги бы читала. А главное, росли бы они у меня здоровыми, спокойными, воспитанными. И, уверяю вас, не менее развитыми, чем в садике. Я думаю, что если вы опубликуете мое письмо, то все матери, имеющие маленьких детей, со мной согласятся и поддержат мое предложение.

Елена ПОГРЕБИНСКАЯ,
Киев

Статья «Мертвые и живые» («Смена» № 1, 1989) хорошо написана о мертвых, а вот о живых... плохо. Была такая возможность показать лицо бюрократов и нашу милицию! Почему в зарубежной печати появляются фотоснимки полицейских, унижающих человеческое достоинство трудающихся, а снимков нашей милиции — почти нет. Конечно, понятно, что она выполняет приказ, но и те, за границей, — тоже по приказу...

Если уж начали статью на эту тему, то не обрывайте ее на спине милиецкого чиновника...

Н. СКОРОХОД,
Ворошиловград

Мне двадцать пять лет, у меня двое детей, пяти и трех лет. Живем мы с мужем и детьми без помощи бабушек и дедушек. Когда у меня родился первый ребенок, то, как и положено, я до полутора лет сидела с ним дома. За все это время мой ребенок болел всего два-три раза. Но как только он пошел

на БАМе знаю не по рассказам — сам служил там. Поэтому никак не могу согласиться с Александром Левинтовым — автором статьи «Дорога... куда?» (№ 19 за 1988 г.). В ней Александр Евгеньевич, в частности, говорит о том, что у военных железнодорожников «низкий уровень качества строительства». Тут, видимо, автор сгущает краски.

Да, были случаи, когда не все получалось сразу, когда приходилось устраивать недоделки. Но ведь вчерашие школьники, выпускники профтехучилищ, призванные на службу в армию, в первое время не могут соперничать в мастерстве с профессиональными транспортными строителями. Тем не менее через год-полтора они становятся опытными специалистами. И напрасно утверждает А. Левинтов, что «железнодорожные войска имеют не самое лучшее пополнение». В большинстве своем в войска приходят добросовестные, честные, трудолюбивые парни, чьими руками и построены 1470 километров восточного участка БАМа. Качество молодого пополнения доказано всем ходом строительства БАМа.

И еще об одном. Непонятно, о какой «доходящей до бессмыслицы жесто-

кости отношения к природе» со стороны воинов-железнодорожников ведет речь автор? За все годы строительства воины сохраняли природу края, красоту тайги, тушили многочисленные лесные пожары, проявляя при этом мужество и самотверженность. И сами военные городки становятся сегодня другими, уходит в прошлое презентовая палатка.

Капитан В. ЛЕЩИШИН,
начальник отдела
комсомольской работы,
помощник начальника
политического управления
железнодорожных войск
по комсомольской работе

ОТ РЕДАКЦИИ: А что думаете вы, рядовые солдаты-железнодорожники, работающие сейчас на БАМе? Что думают те, кто недавно демобилизовался?

Олежек! Прочитала во втором номере «Смены» твое письмо. Я верю, что ты найдешь своих сестренку и брата. А вот, сынок, если после армии тебе поехать некуда, приезжай к нам. Устроишься на работу, если захочешь, будешь учиться, а в нашей семье тебе место найдется. Будем рады. Желаем тебе успешной службы, доброго здоровья и счастья. Наш адрес: 390000, Рязань, улица Каширина, дом 4, квартира 7.

Лариса Анатольевна ИЛЮШИНА

Наша страна первенствует по количеству абортов. С этим надо бороться. Вопрос: какими методами?

...Моя невестка решила сделать аборт. Основная причина — плохие жилищные условия: как жить в шестером в двухкомнатной проходной квартирке? Дали ей направление. Домой она пришла в слезах и протянула мужу такой листок:

«Акушерско-гинекологическое объединение
городом № 1
Базовая женская консультация
НАПРАВЛЕНИЕ
Прошу прервать беременность гражданина _____ по ее собственному желанию
Срок беременности 6,7,8,9,10,11,12 недель
Врач _____
198 г.

Глубокоуважаемая женщина!
Прочтите и еще раз подумайте!
Опусти секиру, мама, не руби!
Мое крохотное тело не губи!
Я — дыханье! Я — пушинка. Я — роса.
Я — твоя грустинка, мама. Я — слеза.
Седину твою погляжу в час ночной,
Принесу в подарок розы без шипов,
На твои страданья, мама, отзовусь!
Я Данилкой, я Наташенькой зовусь!»
Извините, разве это нравственно?
Разве человечно? Неужели нельзя по-другому «агитировать» против абортов??

**О. Б.,
Кривой Рог**

Никогда я не писала писем в газеты, журналы, на телевидение. Но сейчас мне надо выговориться. Слишком тяжело носить в себе все это. Я никогда никому не рассказывала о своей жизни, поэтому никто не знает, что мой отец

алкоголик. Как раз сейчас у него двухнедельный «заплы», и мы просто в отчаянии. Я понимаю, что до этого вам нет дела. Я только хотела сказать, что по-черному завидую всем вашим читателям — они думают о перестройке, говорят о сталинских репрессиях, о «девдовщине» в армии, об одиноких стариках и несчастных инвалидах. Они спорят о том, должны ли у нас показывать эротические фильмы или нет. Ах, как бы мне хотелось тоже хоть немножко с кем-нибудь поговорить, но я должна думать о деньгах, о том, как бы их побольше заработать. Мы с матерью зарабатываем, папаша пропивает. Жуткая жизнь. Извините, что поплакалась.

**Ольга,
Новосибирск**

Статья «Путы красоты» (№ 18, 1988 г.) очень взволновала меня. После просмотром «конкурсов красоты» у меня возникло чувство сильного унижения. Обида и протест — чем я хуже! Внешность моя «отвечает запросам», только меня не обзывают в купальнике и не взглядываются тщательно и эротически в мои «выступы» и «впадины». Что же, думаю, неужели то, что я не пошла бы на это из скромности и стыдливости, а они решились — определяет судьбу женщины? Зачем нужна моя скромность, если она не позволяет ощущать себя достойной женщиной, а наоборот, унижает? Неужели «умение продать себя» — критерий качества женщины (видите, я перешла на товарный язык)? Чем лучше «преподнесешь себя», тем выше оценка. Да знают ли устроители конкурсов душу женщины, если их нравственные нормы позволяют им культивировать преклонение перед нами, как перед выбором сексуальных стимуляторов?!

Конкурс женщин, конкурс собак, конкурс марок машин... Давайте устроим конкурс мужчин, разделен, заставим делать нужные телодвижения и носить (кто лучше?) элегантные брюки.

Да, тело женщины красиво. Но не оно определяет женщину как человека. Пусть каждая несет и дарит свою красоту только единственному любимому мужчине. Пусть сама жизнь будет для каждой из нас возможность найти светлое счастье, а не бойней за место под солнцем. Хорошо, если бы для всех была заповедью фраза Стендоля «Стыдливость — мать истинной любви» (и хочется добавить: «женственности»). Обращаюсь к вашим рыцарским чувствам: сделайте что-нибудь, чтобы прекратить эти регулярные оскорблении женского достоинства! Нам, русским, это чести не делает.

**Светлана В.,
Тихвин**

Статья «Непроправимость» (№ 17 за 1988 год) кричит о проблеме неполноценных детей — жертвах алкоголизма. Статья интересная, полемичная и в то же время потрясает своей безысходностью. И как облегчение, как единственное реальное решение вопроса звучит предложение специалистов «исключить смерть таких детей из понятия "детская смертность"». Действительно, эти существа (людьми, простите за откровенность, их называть языком не поворачивается) нежизнеспособны.

Мы много говорим о гуманности. Возвращение этих существ к жизни считается гуманным и обязательным. Но где же здесь гуманность, если мы своими руками обрекаем на мучения ни в чем не повинных человекоподобных и их родителей? Вопрос пора ставить жестко и серьезно. Стоит ли обществу

затрачивать столько сил и средств и при этом не только не получать для себя ничего полезного, а наоборот — приносить множество мучений и себе, и этим существам? Кому нужна такая гуманность?

Лечение таких малышей дорогостоящее и сложное, к тому же зачастую безрезультатное. Не лучше ли нам средства и силы, бесполезно затрачиваемые на это, применить там, где их не хватает, — в детских домах, в детских больницах, в тех же домах ребёнка, чтобы дать все, что в наших силах, детям, которые обделены судьбой. Но детям, а не живым напоминаниям нашей преступной безвольности...

**КРАЙНОВ, НИКМЕТЗЯНОВ,
ЧИОДАЕВ, ШЕР,
КОПАЛЫГИН,
военнослужащие**

Прочитала статью Виктора Антонова «Непроправимость». Предложение «исключить смерть неполноценных детей из понятия "детская смертность"» я считаю неприемлемым для цивилизованного общества. Страшно, что сказано это доктором медицинских наук.

Разве кто-нибудь, пусть даже самый гениальный врач, имеет право решать: жить человеку или нет? Следует его лечить или нет? Врач обязан сделать все возможное для спасения жизни (если он, конечно, Человек), а не раздумывать: достоин ли ее ребенок. И если сейчас позволить врачам решать вопрос жизни и смерти неполноценных детей, то где гарантия, что через некоторое время жизнь нормального, но просто ослабленного малыша не будет зависеть от желания или нежелания врача делать свое дело.

В страданиях этих беззащитных и слабых детей виноваты мы, взрослые и сильные. Малыш расплачиваются за наши ошибки и нашу безграмотность. И вместо того чтобы хладнокровно раздумывать, стоит ли спасать этого ребенка, лучше подумать над тем, что же делать с женщинами, которые бросают своих детей, с матерями — алкоголиками и наркоманками. Почему им мы оставляем шанс родить еще одного ребенка, а их детей хотим лишить шанса жить?

**М. МАТКОВСКАЯ,
Подольск**

Мне, в отличие от многих инвалидов, повезло: удалось устроиться на работу, пусть и временную. Четыре месяца отдавал жене не только пенсию, но и зарплату. Вернее, 87 ее процентов. Подумалось тогда, неужели у нас так много работающих инвалидов первой группы, что Минфин «не может поступиться принципами» и освободить их от подоходного налога? Казна проглатывает эту незначительную сумму, взятую от семей, где каждый рубль на особом счету, не заметив ее.

Инвалидам необходимы автомашины с ручным управлением. Нравственно ли вообще иметь очереди на получение таких автомобилей? Да и «получение» — слово некстати, ведь лишь инвалиды войны получают «Запорожцы» бесплатно. А намного большая часть других «обезноженных» выкладывает по 2800 рублей. Уверяю вас, не так просто из наших пенсий делать сбережения, чтобы скопить даже такую сумму. Интересно, что тема «продажа автомобилей инвалидам в кредит» не обсуждается. А почему?

Льготы инвалидам зачастую не срабатывают. Скажем, билеты на все виды транспорта продаются мне со скидкой

50 процентов. Но только зимой. Зимой, когда гололед, тяжелая одежда делает путешествия затруднительными, конечно, в дальнюю дорогу я не отправлюсь. А летом ни Аэрофлот, ни МПС не уступят и копейки. Могу ли я хоть изредка пройти рекомендуемые врачами морские процедуры?..

Нет, не желание пожаловаться заставило написать это письмо. Благодаря семье и друзьям часто забываю о своем недуге. Но общество, вставшее на путь коренных перемен, о каждой своей болезни забывает не вправе.

**В. КРАСНОПЕРОВ,
инвалид первой группы,
34 года**

«В этом году у меня юбилей своего рода. Дело в том, что с 1979 года я являюсь подписчиком вашего журнала. Хороший же подарок вы мне подготовили, нечего сказать. Согласитесь, что даже в руках держать ваш журнал и то не очень приятно. Не говоря уже о том, что храниться он теперь долго не сможет — не позволит обложка журнала. Журнал превратился в двухнедельную газету, только богаче иллюстрированную. Если бы вы заранее анонсировали об изменении объема журнала, уверена, что не 870 тысяч подписчиков у вас прибавилось, а постоянных столько бы убыло. Ну, что же, обманывают ведь только раз, на будущий год исправим ошибку. Вот вы пишете, что машина не успевает печатать обложки, так тогда и цена, естественно, должна измениться. А нет, цена-то как раз осталась прежней, хотя журнал уже на журнал не похож. Ответьте, пожалуйста, до каких пор потребитель будет из своего кармана оплачивать чье-то разгильдяйство?

**О. ОВСЕЕВА,
п. Н. Ликеево, Горьковская область**

«Уважаемые товарищи! Много лет я являюсь подписчиком вашего журнала. Нахожу в нем для себя много интересного и полезного. Но в этом году первого номера я не получила. В отделе доставки мне сказали, что первый номер недослали и пришли ли, неизвестно. В чем дело?

И. КИРЕЕВА, Астрахань

Письма такого примерно содержания приходят в этом году в редакцию ежедневно со всех концов страны. Подписчики жалуются, что не получили вовремя первый номер, второй, а уж не получившие третий номер в конце февраля просто раскалили редакционные телефоны — видимо, терпение кончились (№ 3 из экспедиции издательства «Правда» ушел не 25 января, а 14 февраля). И мы понимаем их состояние. Конечно, успокаиваем, что журнал непременно придет, объясняем, что редакция не занимается доставкой, что экспедиция издательства «Правда» не справляется с увеличившимися в этом году тиражами, что транспорта не хватает, почтальонов... Но почему мы должны оправдываться за других? И какое дело читателям до внутриведомственных проблем, ведь они-то уплатили не только за журнал, но и за его доставку.

Наши устные обращения к руководству издательства «Правда» не дают результатов. Поэтому мы вынуждены со страниц журнала от лица наших читателей обратиться к дирекции издательства «Правда» с просьбой наладить своевременную отправку тиража подписчикам. Обращаемся также к Министерству связи СССР: когда же будет наведен порядок с доставкой «Смены»?

ВРЕМЯ И МЫ

Дорогие друзья! Под таким девизом проходит наш традиционный конкурс одного стихотворения. Мы ждем от вас интересных стихов о событиях, происходящих в нашей бурно меняющейся жизни, о проблемах перестройки и демократизации общества, об огромной роли человека в преобразованиях, происходящих в стране. Все, что волнует, заставляет нас с вами задуматься, удивляет, может стать предметом обсуждения на поэтической странице «Смены».

Напоминаем условия конкурса: в нем могут принимать участие все, кто пишет стихи (кроме членов Союза писателей СССР). Необходимо указывать профессию, имя, отчество, фамилию, возраст, домашний адрес. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премиями «Смены». Но самой приятной, мы надеемся, наградой победителям станет публикация подборок их стихов.

Желаем успехов! Ждем ваших писем!

Лидия ПАЛАМАРЧУК,
медсестра, Москва

ЛЮБОВЬ И ПЕРЕСТРОЙКА

Мне говорят: «Брось о любви писать,
Не до любовной нам сейчас
парадности,
Пора другие темы выбирать —
О перестройке, о труде, о гласности!
Ведь в наш ракетный, беспокойный
век
Любозная настала деградация.
Спешит все перестроить человек
Об этом и нес стихи в редакцию.
Тогда в печать ты точно попадешь,
Знуждают все и скажут: «Ученица»,
И побежит толпою молодежь,
И будет брать автографы на улице.
Труд, перестройка,
перестройка, труд!
За все, за новое, душой болею
страстно я.
Что ж, без любви, пожалуй, не умрут,
Но без нее построят ли прекрасное?!

Алексей МАЛЬЦЕВ,
врач, Пермь

ВОЕННАЯ КАФЕДРА

Ты похожа была на иллюзию.
Мы расстались с тобой, не скорбя..
Эх, военная кафедра в вузе,
как держались мы все за тебя.
Мы, студенты, не знаяши срочной
на недолгом ученом пути,
рады были в душе, что заочно
нам пришлось эту школу пройти.
Что вот так: невредимым и целым
смог практически каждый из нас
вуз окончить и стать офицером
в отведененный для этого час.
Стал бы я вспоминать нюансы
в жестком ритме бегущего дня...
Но вчера хоронили «афганца»
лет на восемь моложе меня.
Подобрали солдата распятый
на столбах с обгоревшим лицом...
Я учился когда-то в десятом,
ну я он, сорванец, во втором.
В этой школе, стоящей напротив,
мы когда-то транжирили мел...
Говорят, самым сильным был в роте
и всех больше веснушек имел.
Да в придачу к ним пару контузий
вместо лекций и лагерей...
Эх, военная кафедра в вузе,
не понять тебе боли моей.

Лариса СОКОЛОВА,
библиотекарь, Брянск

Свои у времени расчеты,
а у меня свои.
Я в числах четных и нечетных
продляю срок любви.
Своей любви к всему живому,
что дышит и цветет...
Я на земле повсюду дома,
где дел невправорог.

Когда огнями полон город,
и каждый дом сгорят,
меня волнист звездный холод
и млечности скроет.

Окружена моя планета
глубокой синевой,
где жизнь в космических сюжетах
забыла про покой.

Ольга ФЕДОСЕЕВА,
служащая, Москва

В ожидании жизни
Он часто приходит с работы к обеду.
Ложится никем на кровать
И причитает беззвучно: «Я лучше уеду.
Уеду, чем здесь пропадать».

Он долго обаживал сонные двери,
Красил изумленным лицом.
Он не был написан, но все еще варил
В бессмыслии красный диплом.

Потом, переплавив и цену, и веру,
Заскисив, сплетничал, врал.
Он мог бы, наверное,
сделать карьеру,
Но нет, не об этом мечтал.

И снова безглазое, серое утро
На сердце давило тиски.
Он в зеркало смотрит,
бледнея, как будто
За ночь поседели виски.

Качнулся, пошел. Зазвенела посуда.
Вернулся, присел на кровать.
Привычно подумал: «Уеду отсюда...»
И тихо заплакала мать.

Виктор КОСЕНКОВ,
пенсионер, Москва

Был я никем
все сорок тысяч лет,
и все же — был,
чтоб стать потом собою.
Из тьмы веков за мною —
жизни след,
как из пещеры в утре голубое.
И пращуры, числа которым несть,
сошлись во мне,
как в древности на вача.
Держу ответ за все, что в сердце
есть,
за жизнь свою на свете человечью.
А срок настанет,
и уйду во тьму,
но с именем —
недобрый или добрым,
или таким, что станет камнем
проблем
для целой жизни внуку моему.

Магдалена ГРУЗИНОВА,
экономист, Москва

Мне с этой востью не ужиться...
Ты разлюбить меня бы мог!
А голова моя крунится,
Земля уходит из-под ног.
И сердце бьется невплодом,
Перекиная мыслей смуту,
И рвется каждую минуту.
Иammerить беспредельность взгляда —
К тебе, к тебе, хоть в рай, хоть в ад!

Сергей ЕРЕМЕЕВ,
журналист, Актюбинск

Прогулки синие костерят:
«Вот ты такой-сякой...
Вот я...»
А сын и говорит:
«Фальшишишь, дорогой!»
Ты сам учил меня поучить,
Ты сам щептал: «Крутись»,
А тут решил добру учить
На старости?

Умны!

Как жить, чтобы день не ускользал
За ложную строкой?
Чтоб сын потом мне не сказал:
«Фальшишишь, дорогой...»

Борис МАРТЫХИН,
служащий, Москва

ДЫХАНИЯ
Когда с толпой в морозный день
сольюсь,
пойду в потоке разнородных
судеб,—
по тающим дыханиям учусь
и понимать невысказанный
в людях.

Вот в чистой и промерзшей тишине
короткий выдох замер невесомо...
Быть может, это сказанное мне
в комочек обратившееся слово.
Протяжный выдох на кратчайший
миг
на ветерка встревоженно покружит,
быть может, чай-то человечий крик,
не удержанчивый, вырвался наружу!

Вадим СТЕПАНЦОВ
студент, Тула

ТРАГЕДИЯ ПЬЕРО

Аллергический запах цветущей
рябины
разливается около старого пруда.
Я сижу, вспоминая кудряшки
Мальвина.
Ах, мальшка Мальвина, «десертное»
блюдо!
Не блондинка она и совсем
не брюнетка —
нат, Мальвина особа особенной
масти.
Эй, откликнись, голубоволосая
детка,
твой несчастный Пьero умирает
от страсти.
Ты сбежала, Мальвина, ты скрылась,
Мальвина,
ты смоталась и адрес оставил
забыла.
Сколько слез по тебе я отплакал,
бамбино,—
никакая цистерна бы их не вместила.
Опустил в балаганчике нашем
тот угол,
угол, где, отыграв свои глупые роли,
мы с тобой задыхались в объятиях
друг друга,
погружаясь, вживаясь друг в друга
до боли.

Всю весну мы прошлялись
под флагом Эрота,
в когда забегала цветами рябина,
ты ремнила: «А ну таби, мальчик,
в болото».
Я не прав? Или прав? Эй,
откликнись, Мальвина!
Я на драках повстречал дурака
Буратино:
бедный малый свихнулся на поисках
кладов.
Только золото — мусор, не так ли,
Мальвина?
Без тебя никаких мое дублонов не
надо.
Надо мной в вышине пролетают
пингвины —
что за чудо!.. А, впрочем, плевал я на
чудо.
Аллергический запах цветущей
рябины
разливается около старого пруда.

Вадим ШУЛЯКОВСКИЙ,
рабочий, Москва

ПАМЯТЬ

Весь мир от дальней переправы
к вижу из конца в конец!
Сосняк прилег на берег правый,
как вода выплыvший беспещ.

В тумане там деревня стынет,
закатным тронута огнем...
А левый берег мой пустынен.
Ни сел, ни леса нет на нем.

Чего ж ты хочешь, край мой милый?
Мои боды, мои анны?
Здесь даже отчина могилы.
бульдозерами снесены.

Да, я тоскую. В сердце тяжесть.
Моя земля в отматах пней.
И если в эту землю пляжешь,
то никого не встретишь в ней.

Ни пращуров, зарытых прежде.
Ни «бывших», умерших во зле.
И ни отцов, в слепой надежде
идущих с факелом во мгле...

Корней огромных переходов
повысохли, и не поймешь —
куда с отходами заводов,
в какую бездну утечешь.

Oглушительно ревет пароходный гудок. На покачивающемся деревянном полу стоит стакан, по самые края наполненный виски. Вокруг валяются измятые купюры.

Рука мужчины, одетого в пятнистый комбинезон, держит над готовой перелиться через край жидкостью пятифранковую монету, потом осторожно, почти ласково, опускает монету в стакан.

Монета ложится на дно стакана на столбик себе подобных. Виски образует над краями стакана выпуклый купол, но, вопреки всякому ожиданию, не пропивается.

Рука неторопливо собирает купюры, а ее владелец издает торжествующий клич с явно выраженным американским акцентом:

— Иеа-а-а!

Внушительных размеров револьвер сорок пятого калибра с откинутым барабаном — в руке другого мужчины, одетого в офицерскую форму цвета хаки.

Видно, что из шести патронов в барабане один без пуль.

Резкое движение — и барабан со щелчком встает на место, ствол угрожающе нацеливается в невидимую точку. Вновь раздается торжествующий вопль:

— Иеа-а-а!

Пронзительный звук. На сей раз это гудок автомобиля, попавшего, по всей видимости, в затор, — на сигнал нажимает женская рука.

Кроме этой нетерпеливой руки, видны только часть рулевого колеса и загорелые стройные ноги, едва прикрытые короткой юбкой.

Наконец, правая нога нажимает на педаль газа, автомобиль трогается; одновременно с этим в третий раз раздается победный клич:

— Иеа-а-а...

На пристани Ля Жолье в Марселе идет разгрузка крупного военного транспорта.

Тут военные всех родов войск, самого различного возраста и цвета кожи, но всех объединяет выражение усталости и безразличия на лице.

Вся эта людская масса с оружием и амуницией стекает на пристань, минует пропускной пункт и рассаживается на грузовики, которые повезут одних в лагерь Св. Марты, других — в Карпиан или в казармы Мион. Волею случая в людском потоке рядом оказываются двое.

Один из них — Дино Барран, симпатичный парень лет тридцати, с агрессивным выражением хмурого лица. На нем форма и отличительные знаки военного медика и лейтенантские нашивки.

Второй — Франц Пропп. Вылинявший пятнистый комбинезон десантника, знаки Иностранного легиона. Он постарше, черты его лица грубее. На правом плече у него тяжелый вешмешок цвета хаки, в левой руке — стакан с виски. Безразличный ко всему на свете, он на ходу отхлебывает глоток за глоток.

Осушив стакан, он отшвыривает его в сторону моря и задевает при этом рукой вешмешок Баррана, из которого вываливается на землю тяжелый револьвер в полотняной кобуре.

Пропп подбирает револьвер, вытаскивает его из кобуры, вертит в руках. Потом отдает его медику. Все это происходит без слов.

Барран засовывает револьвер на прежнее место и продолжает путь. Толпа оттесняет его от легионера.

А вокруг — зимнее утро. В Алжире давно отремели последние залпы².

² Война Алжира за независимость завершилась в марте 1962 г. — Здесь и далее примечания переводчика.

ФРАНЦ ПРОПП

За решетчатой оградой причала, где разгружается прибывший транспорт, стоит «ситроэн-ДС». За рулем — молодая женщина.

Она явно кого-то встречает: через лобовое стекло нетерпеливо всматривается в толпу солдат, которых военные полицейские в белых касках распределяют по грузовикам.

Это Изабелла. Ей около тридцати, она одета в прекрасно сшитый костюм и наделена грацией дикого животного.

Глаза ее скрыты темными очками, но нетрудно угадать, что ее интерес привлекает то один, то другой военный из шагающих по ту сторону ограждения.

Почему-то все, на кого она смотрит, — медики. Первый из них — обильно потеющий толстяк, который поминутно утирает платком лоб. Второй, едва миновав пропускной пункт, устремляется в объятия подруги. Третий — Дино Барран.

Женщина снимает очки и выходит из машины. По тротуару она догоняет Баррана и идет рядом, отделенная от него оградой. Для этого ей приходится проридаться сквозь толпу встречающих.

Приблизившись, наконец, к Баррану, Изабелла просовывает руку через прутья ограды и дергает медика за рукав.

Барран, остановившись, смотрит вначале на вцепившуюся в него руку. Потом переводит взгляд на Изабеллу.

— Как вас зовут? — торопливо спрашивает она.

— Барран.

— Вас-то мне и надо.

Изабелла говорит это со страстной уверенностью, в глазах ее — мольба. Барран, похоже, видит ее впервые. В конце концов он пожимает плечами.

— Значит, мне повезло, — равнодушно роняет он.

И, как ни в чем не бывало, идет дальше. Изабелла старается не отставать. Лицо ее искажено тревогой, она пытается перекричать нестройный гомон толпы.

— Вы знали там одного моего друга! Он должен был вернуться!

— Кто? — не останавливаясь, коротко спрашивает Барран.

— Его зовут Моцарт! Как музыканта! Он медик! Как вы?

— Не знаю такого.

— Ну как же! Вспомните! Моцарт!.. Прошу вас, выслушайте меня!

В этот миг решетчатая ограда сменяется глухой стеной, которая отрезает молодую женщину от Баррана. Раздосадованная тем, что так внезапно лишилась собеседника, Изабелла бежит к воротам, где, как она надеется, ей удастся его перехватить. На тротуаре ей приходится протискиваться через плотную толпу людей, которых не пустили на причал.

Добрившись, наконец, до ворот, она вынуждена отпрянуть от выезжающего на полной скорости грузовика, набитого военными.

Грузовик поворачивает и проезжает мимо нее. В задней части кузова как раз устраивается Барран, который вскочил туда в самый последний момент. Изабеллу он не удостаивает даже взглядом.

Та застывает в неподвижности посреди обтекающей ее толпы, на лице ее — паническая растерянность.

Одна из казарм лагеря Св. Марты с рядами двухъярусных коек. Солдаты томятся ожиданием: одни играют в карты, другие пытаются заснуть.

Себастьен ЖАПРИЗО

ПРОШАЙ, ФРУНЗЕ

Только что вошедший Барран оглядывается вокруг в поисках свободного места и сгребает свою поклажу на одну из незанятых нижних койки. Усевшись на нее, он достает из вещмешка початую бутылку. Когда он подносит горлышико ко рту, собираясь выпасти пробку, появившаяся откуда-то сверху рука выхватывает у него бутылку.

Это легионер с причала Ла Жольет; он наполовину свесился с верхней койки, и на губах у него играет улыбка, одновременно дружелюбная и зловещая.

Барран невозмутим.

— Nice gun!¹ — произносит Пропп.

Он зубами откупоривает бутылку и припадает к горлышику. Потом широко улыбается.

— And nice girl!²

Барран принимается распаковывать свой вещмешок.

— Скажи-ка, док... что это было, а? — не отстает от него Пропп.

— «Смит-и-Вессон» сорок пятого калибра.

— Да я не про револьвер. Про девчонку!..

— Так, кого-то ищет...

— Все кого-то ищут, — глубокомысленно замечает Пропп.

— Лично я никого не знаю, — холодно отзыается Барран.

Пропп с презрительной миной растягивается на койке.

— Уж я бы для такой девчонки расстарался! Я бы сказал ей: «Мамзель, с вашим приятелем я играл в гольф в Дъенбъенфу...» Да что угодно!

— Ты американец? — привстав с койки, спрашивает Барран.

— Немного американец, немного немец — всего по-маленьку. Все зависит от того, кто платит. А ты? Француз?

— Нет, я пьяница. И вдбавок жаден до ужаса.

И медик стремительным движением выхватывает свою бутылку из рук легионера.

Лагерная канцелярия, полдень. Сидящий за стойкой военный писарь ставит печать на предписание Баррана и вручает ему пособие по демобилизации: тошную пачку новеньких купюр. Позади Баррана — длинная очередь демобилизованных с предписаниями в руках. Через открытую дверь очередь вытянулась в залитый солнцем двор.

— Счастливо, доктор, — привычно говорит писарь.

Барран уступает место у стойки следующему в очереди. По пути к двери его останавливает другой медик, один из тех, кто был утром на пристани: потеющий толстяк. Он и сейчас утирает лоб платком.

— Ну что, Барран?.. Вы больше не вернетесь? Конец?

Барран, не отвечая, порывается пройти мимо. Его собеседник дотрагивается пухлыми пальцами до пачки денег в руке Баррана.

— В армии есть и хорошие стороны, разве нет? — подмигивает толстяк.

Резким движением руки — той, в которой деньги, — Барран отстраняет его от себя и идет дальше.

Снаружи — большое негреющее солнце.

Когда Барран выходит из канцелярии, от стены отделяется человек и направляется вслед за ним.

Это Пропп в своем вылиннявшем комбинезоне. Следуя почти вплотную за Барраном по заполненному солдатами двору, он подбрасывает на ладони тяжелый цилиндрик, с которым никогда не расстается: завернутый в фольгу столбик пятифранковых монет.

— Решил сбросить лямку, док? И чем ты думаешь заняться? — лениво спрашивает Пропп.

Барран даже не оборачивается. Ничуть не обескураженный этим, легионер продолжает идти за ним.

— Я знаю ребят, которым нужен врач... — говорит Пропп. — Могу предложить тебе дельце.

Барран круто поворачивается. Внешне он спокоен, но во взгляде его пылает ярость.

— Послушай, папаша... Я не врач. Все, чем я занимался, — это наспех латал покалеченных, чтобы их снова отправили на бойню и там уж совсем уконосили. А теперь я ссыт всем этим по горло! Калеками, бойней и прилипалами вроде тебя. Уяснил, папаша? Гуляй!..

Пропп молчит. Барран делает несколько шагов, потом снова поворачивается.

— Помоги-ка лучше в другом. Где я могу спустить это?

Он помахивает пачкой купюр. Легионер, остановившийся было, с улыбкой подходит к Баррану.

— Что, деньгами ты тоже ссыт по горло?

— Да разве это деньги? Это жалованье, — пренебрежительно отвечает Барран.

Пятеро расхристанных мужчин, среди которых и Барран, играют в покер. Играют уже давно. Они

сидят за столом, который втащили в душевую. Вокруг — другие солдаты: кто моется, кто делает на полу гимнастику. Воздух горячий, прокуренный. Видно, что игроки знают друг друга не первый день. Это одна шайка. Только Барран тут чужак.

Он проигрывает.

Напротив него — голый человек с полотенцем цвета хаки вокруг бедер и с мокрым беретом десантника на голове. Похоже, это главарь. Один из прихлебателей осторожно льет ему на голову холодную воду из кувшина — освежает.

— Слово, — хрюплюет один из игроков.

— Одну, — говорит Барран.

И кладет на стол купюру. Голый повторяет его жест. Другие бросают карты.

— Одну, — говорит голый.

Сдающий протягивает каждому из них по карте. Барран смотрит, что ему пришло: это семерка. У него на руках еще семерка и три дамы. Он придвигает к кучке других купюр посреди стола все, что осталось от его жалованья.

— Открылся, — говорит Барран.

Голый, по телу которого струится вода, наблюдает за ним ироничным и внимательным взглядом, мусоля во рту мокрую тонкую сигару. Наконец, двигает к середине стола свою ставку.

— Я не такой красавчик, как ты, лейтенант, — заявляет голый. — Мне, чтобы поглядеть на бабу в натуре, приходится выкладывать денежки.

Вокруг подобострастно смеются. Барран открывает свою фуль. Голый швыряет на стол каре тузов, подгребает к себе банк и пристально смотрит на проигравшего, теребя в руках мокрый берет.

Барран встает, застегивает гимнастерку, забирает со стола свои сигареты.

— Ба! За лейтенанта я не беспокоюсь, — замечает голый, подсчитывая выигрыш. — Он всегда найдет вертолет, чтобы вернуться.

Барран, уже собравшийся было уходить, застывает на месте, не глядя на насмешника. Он смотрит на стол. В наполненной паром душевой вдруг воцаряется молчание.

— ...А после его наградят орденом, — заканчивает голый.

С неожиданной яростью Барран бросается вперед и хватает десантника за волосы. Голый даже не сопротивляется. Хоть Барран и прижимает его голову к столу, он не перестает ухмыляться.

Так же внезапно, как медик, реагируют остальные игроки. Вокруг Баррана возникают три лезвия: это опасные бритвы, еще более впечатляющие, чем ножи.

На какое-то время все застывают. Затем Барран отшвыривает голого на его стул. Выпрямляется и идет к двери. У выхода подпирает стену Пропп — неподвижный, в линялом пятнистом комбинезоне.

— У тебя еще есть что проиграть, док, — негромко роняет он.

Барран останавливается и смотрит на легионера. У того на губах его обычна улыбочка.

Обезлюдевшая казарма. За окнами уже ночь.

На столе — стакан, до краев наполненный виски. Сидя перед ним, Пропп опускает в стакан одну за одной четыре пятифранковые монеты, зорко следя за тем, чтобы жидкость не пролилась.

— Последняя, док, — предупреждает легионер.

Пятая монета скользит на дно стакана. Купол поднимается еще, но виски не проливается.

— Йеа-а-а! — торжествующе воплит Пропп и выдыхается.

Барран, не сводя с него глаз, застегивает на себе штатские брюки, натягивает свитер и куртку. Потом без единого слова достает из вещмешка револьвер в кобуре — тот, что выпадал утром на пристани, — и бросает его легионеру. Пропп с удовлетворением разглядывает оружие. Прокрутив барабан, он замечает, что один патрон пуст.

— Почему тут не хватает одной пули, док? — спрашивает он.

Ответа нет.

— Мой первый в жизни револьвер был даже здоровей этого, — говорит Пропп, продолжая вертеть оружие в руках. — Я был пацан, так что еле его поднимал.

Барран мельком поглядывает на легионера, но ничего не говорит.

— ...А это была моя первая проигранная война! — заявляет Пропп. — Когда я беру чью-нибудь сторону, можешь быть уверен, что победят другие.

Барран по-прежнему молчит.

— Но все равно, профессия у меня перспективная, — говорит Пропп, вкладывая револьвер назад в кобуре. — Впереди еще полно войн, которые надо проиграть.

Барран затягивает лямки вещмешка, собираясь уходить. Пропп внезапно оказывается перед ним.

— У меня есть путевочка в Конго, док, — говорит он уже совсем другим тоном. — Поехали со мной.

— Я тебе уже ответил, папаша.

Пропп торопливо продолжает:

— Едет пятнадцать человек — с рацией, врачом и прочим. Дележка в конце. (Усмехается.) А там — кто знает? Может, придется уже не на пятнацатый...

Вместо ответа Барран посыпает легионеру крюк в челюсть, от которого у того, кажется, должна оторваться голова. Пропп с грохотом приземляется подле металлического оружейного шкафа, изо рта у него текет струйка крови.

Барран уходит, на плече у него — вещмешок. Пропп даже не пытается подняться. Сидя на полу с револьвером в руках, он смотрит вслед медику со своей обычной насмешливой и зловещей ухмылкой.

В ночи вспыхивает пара нестерпимо ярких фар.

Барран, входивший в город безлюдной улочкой, ослепленный, отворачивается. Он медленно пятится, держа в руке вещмешок. Фары продолжают светить прямо на него. Позади — серые стены, ограды, запертые двери. Деваться некуда.

Барран резко отпрыгивает в сторону, к самосвалу, стоящему у стройплощадки. Прижавшись к его кабине, он видит, как гаснут фары, слышит звук открываемой дверцы и хруст шагов по гравию. Шаги приближаются. Обогнув самосвал, он бесшумно подходит к машине с незаглушенным двигателем, запускает свободную руку внутрь через открытую дверцу и внезапно включает фары.

Одетая в леопардовую шубку, подняв руку к глазам, чтобы защитить их от ослепляющего света, в нескольких шагах от Баррана стоит Изабелла — та самая молодая женщина, что пыталась заговорить с ним на пристани Ла Жольет.

— Что вам еще от меня нужно? — резким тоном спрашивает Барран.

Неподвижная, словно парализованная светом фар, Изабелла пытается что-то сказать, но тщетно. Вместо ответа она давится рыданиями. Барран созерцает ее несколько мгновений, потом подходит, хватает за руку, ведет к машине, бесцеремонно заталкивает внутрь и бросает свой вещмешок на заднее сиденье.

— Подвиньтесь, — командует Барран.

Он садится за руль рядом с молодой женщиной, все еще прячущей лицо в ладонях. Хлопает дверцей и трогается с места.

На Северной автостраде, при выезде из Марселя.

Под колеса «ДС» — машины Изабеллы — летят огромные буквы ЭКС и стрела, выведенные на асфальте желтой краской. На вершине холма машина съезжает с автострады и на полном ходу устремляется по поперечной дороге. Внезапно она резко тормозит на обочине.

Сидящий за рулем Барран выключает зажигание. Его лицо, как и лицо его спутницы, освещается теперь только движущимся светом автомобилей, поднимающихся на холм по автостраде. Легковые проносятся быстро, с шумом рассекая воздух, грузовики взирают вверх не так проворно, со скрежетом переключаясь между этими вспышками света — темные провалы.

Барран не глядит в сторону молодой женщины. После недолгого молчания он заговаривает с ней спокойным, доверительным тоном, по-прежнему не глядя на нее.

— Ваш Моцарт... я действительно его знал. Я играл с ним в гольф в Дъенбъенфу...

На лице Изабеллы еще не высохли слезы, и тем не менее она вдруг хохочет. Искренне, неудержимо. Когда она наконец отвечает, тон ее так же доверителен, как и у Баррана.

— Да он никогда не бывал в Дъенбъенфу.

Барран поворачивается к ней, придвигается и начинает невозмутимо расстегивать на ней костюм под леопардовой шубкой.

— Имя и фамилия, — требовательно спрашивает он.

— Изабелла... Изабелла Моро.

Одной рукой Изабелла пытается не дать Баррану расстегнуть пиджак ее костюма, другой же за шею привлекает его к себе. В конце концов руки ее опускаются, но Барран и не думает ее обнимать.

От света к тьме, от пуговицы к пуговице — допрос продолжается.

— Замужем?

— Нет.

— Профессия?

— Фотограф... В одной крупной компании.

— Что за компания?

— Нефтепродукты, искусственное волокно и прочая дребедень.

Под костюмом у нее ничего, кроме бюстгальтера.

— В Марселе?

— Нет. В Париже.

Тьма. Свет. Тьма. Свет.

— И такой путь вы проделали из любви к музыке? — ironически вопрошает Барран.

Руки Изабеллы безуспешно пытаются отвести настойчивые руки медика.

— Я не говорила, что люблю его.

¹ Шикарный револьвер!.. (англ.)

² И шикарная девчонка!.. (англ.)

— Тогда зачем же встречала?

Молчание. Теперь уже ее губы нетерпеливо ищут в темноте губы Баррана.

Утреннее солнце. Разматывается серая лента асфальта. Указательные щиты. «ДС» катит к Валансу.

Барран сидит за рулем в темных очках Изабеллы. Его спутница, забившись в угол, оправдывается, словно продолжая ночной разговор:

— ...Он был нужен мне, вот и все.

— Зачем?

— О-о... Вчера это казалось мне концом света, а теперь мне все равно.

— Зачем? — настойчиво повторяет свой вопрос Барран.

Изабелла привстает, поправляет юбку — должно быть, собирается с мыслями. Наконец, не отводя глаз от дороги, отвечает:

— Я договорилась, чтобы Моцарт провел медосмотр служащих нашей компании... Он мне обещал...

Молчание. Изабелла придвигается к Баррану и склоняет голову ему на плечо. Тот по-прежнему молчит, а глаза его скрыты темными стеклами. Барран дает длинный гудок и берет круто влево, чтобы обогнать другой автомобиль.

Изабелла прикуривает сигарету и протягивает ее Баррану, который ведет машину с замкнутым, сосредоточенным лицом.

— Неужели для медосмотра не нашлось гражданского врача? — спрашивает Барран.

Ответа нет.

Щелчком Барран раскачивает массивный брелок, висящий на ключе, вставленном в замок зажигания, потом продолжает:

— Ты берешь напрокат машину и, вся в слезах, едешь за тысячу километров — и все ради того, чтобы подрядить военного на работу, которую может выполнить любой врач!.. Интересно.

Ответа по-прежнему нет.

Барран срывается с себя черные очки и гневно восклицает:

— Ты что, смеешься надо мной?

Изабелла смотрит на него печальными глазами, губы ее дрожат.

— Медосмотр проводится в подземелье здания компании, перед самыми рождественскими каникулами, — говорит она, отворачиваясь.

И все. Она выпалила это одним духом — так бросается в воду.

— Ну и что из того? — не понимая, спрашивает Барран.

— Не всякий врач согласится дать себя запереть там в последний вечер.

Барран не успевает удивиться — «ДС» ныряет в один из туннелей на подъезде к Лиону. Машина бежит сквозь тьму, прорезаемую красными и желтыми огоньками и металлическими отблесками. Ни Баррана, ни Изабеллу не различить.

— Что там, в подземелье? — спрашивает Барран.

— Сейф, — коротко отвечает Изабелла.

— Что в сейфе? — наконец задает Барран следующий вопрос.

— Ничего.

— Тогда зачем тебе понадобилось его открыть?

Автомобиль выныривает из туннеля на яркое солнце. Барран смотрит на молодую женщину. Достав из сумочки толстую пачку зеленых акций на предъявителя, она с покаянным видом показывает их Баррану.

— Чтобы положить туда это... Акции, которые я ставила... Их тут на пять миллионов...

Ближе к вечеру, на плоскогорье Морван.

«ДС» с открытыми дверцами стоит у придорожного ресторана. Поодаль на стоянке — другие автомобили.

Устроившись на сиденье пассажира с тарелкой на коленях, Барран с аппетитом поглощает бутерброд с бифштексом и салатом. Изабелла, стоя возле машины, заканчивает рисовать губной помадой на лобовом стекле нечто вроде плана.

Закусывая, Барран поглядывает на эти красные линии, ветвящиеся будто в пустоте между ним и лицом склонившейся к нему молодой женщины.

— Здание тридцатистажное... — поясняет Изабелла. — Подземелье отведено службам рекламы... Это огромное помещение с множеством коридоров... Медосмотры проводятся здесь, в конференц-зале... А как раз рядом — хранилище с сейфом...

Она ставит помадой крестики, отмечая места, о которых говорит.

— И как бы он туда вошел, твой Моцарт? — спрашивает Барран.

— Дверь открывается электрически. У меня есть план цепей и выключателей.

— А сейф?

— Он отпирается комбинацией из семи цифр. Но мы с Моцартом придумали способ, как ее узнать.

— Кто это «мы»? Моцарт или ты?

— Мы оба.

Барран, покончивший с едой, отставляет тарелку и включает стеклоочистители. Делает он это, похоже, с некоторым раздражением. Что это: ревность из-за

слов «мы оба»? Или недоверие к истории, явно неподходящей на правду? Неизвестно. Никогда толком не известно, что скрывается за замкнутым лицом Баррана.

«Дворник» размазывает по стеклу помаду Изабеллы, стирая план подземелья.

Просвеченная дорога, глухая ночь.

В стоящем на обочине «ДС», салон которого освещен только приборной панелью, Барран и Изабелла устроились на ночлег на откинутых сиденьях. Сидящий в углу Барран курит сигарету, и все вокруг, когда он затягивается, проступает в красном свете. Он перебирает пачку акций.

Изабелла лежит рядом с ним голая, с распущенными волосами. Приглушенным голосом она заканчивает свой рассказ:

— ...И вот полгода назад я увидела акции в кабинете администратора, нездадолго до того, как их следовало положить в сейф... Я взяла самые маленькие купюры, их легче всего сбыть. Я и не представляла, во что это выльется...

Барран не отвечает, и она придвигается к нему, пытаясь разглядеть в красном свете сигареты выражение его лица.

— Понимаешь, с самого начала я твердила себе, что выкуплю эти проклятые акции. И еще, что Моцарт поможет мне положить их на место перед годовой проверкой... Я ему верила...

Барран поворачивается к Изабелле и разглядывает ее в полутире. Потом, с неожиданно усталым вздохом, он бросает сигарету и заключает молодую женщину в объятия.

Только что встало солнце.

Лежа в машине, Барран открывает глаза и с удивлением обнаруживает за боковым стеклом голову лошади — настоящей живой лошади, которая смотрит на него. Теперь видно, что «ДС» стоит на краю большого луга, на пригорке, довольно далеко от проселка, по которому они сюда приехали, и что их окружает с полдюжины великолепных лошадей.

Внутри «ДС» Изабелла тоже только что проснулась. Ночью она накинула на себя армейскую гимнастерку Баррана.

Прижалась друг к другу, любовники какое-то время созерцают лошадь за стеклом. Потом они обнимаются и смотрят один на другого.

Улыбка медленно сползает с лица Изабеллы — похоже, ее одолевают старые заботы.

— Сколько платят врачу за медосмотр? — деловито спрашивает Барран.

— Точно не знаю. Тысяч триста, а может, четыреста.

Барран покачивает головой, понуждая ее лечь.

— Ладно, спи. Я заменю тебе Моцарта.

Поначалу Изабелла кажется, что она ослышалась, но потом улыбка вновь расцветает у нее на губах, и она, поспешно притянув к себе руку Баррана, целует ее. Из них двоих она куда искренней в проявлении чувств. Изабелла доверчиво закрывает глаза.

Барран открывает дверцу, выходит из машины и потягивается в утренней свежести. Лошади при его появлении отошли в сторонку. Тогда он с волнением обнаруживает, что за полог спускающимся лугом, за ближней деревушкой, перед ним раскинулся весь Париж, еще далекий, но уже хорошо видимый.

Выхваченный из этой панорамы, более крупным планом виден квартал Пор-Руаяль и купол больницы Валь-де-Грас.

Еще ближе: окна одного из этажей больницы.

Наконец, одно из этих окон, широко распахнутое. Извне доносится женский голос:

— Но скажи, зачем тебе врач?

Внутри — раздевалка для медсестер с выбеленными стенами. Рядом с металлическим шкафом, где висят белые халаты, стоит молодая женщина: белокурая, миловидная, с серьезным лицом. Она в чересчур просторной для нее армейской гимнастерке и с голыми ногами — толь-в-точь как Изабелла в «ДС» с откинутыми сиденьями.

В комнате, кроме нее, есть кто-то еще: сначала видны лишь ноги в мокасинах на спинке стула. Мужчина отвечает с легко узнаваемым американским акцентом:

— Чтобы оплатить ему роскошное путешествие, моя куколка.

Женщина, явно огорченная, оборачивается к легионеру. Пропп сидит — или, вернее, полулежит — на стуле, закинув ноги на спинку другого. На нем костюм, белая рубашка, галстук. Он подбрасывает на ладони свой столбик пятифранковых монет и, как всегда, улыбается.

— Так ты снова уедешь? — расстроенно спрашивает молодая женщина.

— Ты задаешь слишком много вопросов... Все, что мне нужно, — это док, который их не задает.

Молодая женщина решительно снимает с себя гимнастерку, оставшись в трусиках и лифчике, и бросает ее на стол, где уже лежит груда военного обмундирования.

— На форму я тебе найду покупателя, — говорит она, вздыхая с затаенной грустью. — Знаешь, ты не изменился...

Широкая улыбка Проппа как бы говорит: «Да, не особенно». Женщина отворачивается к открытому шкафу, достает оттуда белый халат и одевается.

Пока она стоит к нему спиной, Пропп небрежно откладывает на стул и протягивает руку к сумочке, которую женщина оставила на столе. Открывает ее, не глядя вынимает оттуда несколько сложенных купюр и сует их в нагрудный карман пиджака. Потом с медлительной грацией животного встает. Все его движения — движения животного, ловкие и бесшумные. По пути к двери он на миг скимает плечо молодой женщины, которая застегивает последние пуговицы на халате.

— Я скоро тебя увижу? — робко спрашивает та.

— Когда найдешь мне врача.

Поцелуй в губы смягчает сухость ответа, и легионер выходит. Он идет по коридору, оборачивается вслед попавшейся навстречу другой медсестре и, подбрасывая на ладони столбик монет, спускается по лестнице, ведущей на первый этаж. На середине лестничного пролета он вдруг останавливается.

Внизу, у административного окошка, стоит Барран. Насколько видно легионеру с лестницы, тот отдает на регистрацию свои бумаги. На Барране отлично скроен нынешний костюм, и вообще выглядит он прекрасно.

Пропп, наблюдая за ним несколько секунд, поворачивается и поднимается по лестнице. У двери раздевалки он ставится со своей подружкой — та повязывает на ходу белую маску. На ее лице видны только недоумевающие глаза. Пропп легонько поворачивает ее и, заканчивая завязывать на ней маску, тихо произносит:

— Там, внизу, торчит один тип... Медик-лейтенант Барран. Мне нужен его адрес.

Медсестра вновь поворачивается к нему, и ее большие глаза пристально смотрят в глаза легионера.

— Я хочу знать, зачем он пришел сюда и что делал в армии, — втолковывает ей Пропп.

Не сказав ни слова, даже не кивнув в знак согласия, молодая женщина огибает Проппа и удаляется по коридору. Пропп глядит ей вслед, потом входит в раздевалку, дверь в которую осталась открытой.

Сумочка медсестры по-прежнему на столе. Пропп достает из кармана вынутые из нее недавно купюры, кладет их на место и закрывает сумочку.

Барран — он в рубашке — открывает дверь: к нему гость. И тотчас получает сокрушительный удар в лицо, от которого обрушивается навзничь.

Входит ухмыляющийся Пропп и затворяет за собой дверь. На правой ладони он подбрасывает свой столбик монет, который скжимал в кулаке, нанося удар.

Оба держатся так, словно произошло нечто само собой разумеющееся: просто один из них задолжал и пришел отдать долг, и теперь они квиты. Пока Барран поднимается, легионер осматривает квартиру, в которой очутился, и восхищенно присвистывает: ковер на полу, светлые стены, стильная мебель. Необыкновенное окно выходит на квартал Министерства обороны. В центре, посреди других современных сооружений, сверкает в лучах зимнего солнца тридцатистое здание, сплошь из стекла.

— Ну ты даешь, док! — замечает Пропп. — Далеко ушел после Марселя!

— Недостаточно далеко, раз ты здесь, — отзывает ся Барран.

Потирая лицо в том месте, куда пришелся удар, он смотрит на Проппа, который ходит взад и вперед по комнате.

— А вот я, знаешь, еще не нашел своей дороги, — с печалью в голосе заявляет Пропп.

— Не хочу навязывать тебе свое мнение, но Конго в противоположной стороне.

— Я не могу ехать один, док... — еще печальнее говорит Пропп. — А народ сейчас сам знаешь какой пошел: хотят быть как все... Чиновниками!.. В клетках...

Говоря это, он подходит к окну. Не отрывая глаз от тридцатистороннего здания, что высится прямо перед ним на том берегу Сены, он с тяжким вздохом продолжает:

— ...Или обделывают свои делишки втихую, ни слова не говоря друзьям... (С отвращением). Темните!

Безо всякого перехода он указывает Баррану пальцем на тридцатистороннее здание, которое так пристально разглядывал, и резко меняет тон.

— Так это там ты собираешься проводить медосмотр?

Молчание. Барран переваривает услышанное. Каким образом этот проныра сумел не только узнать его адрес, но и разнюхать его планы?

— Что тебе здесь нужно? — наконец спрашивает Барран.

Не отвечая, Пропп вытаскивает из внутреннего кармана пиджака «Смит-и-Вессон», который он выиграл в лагере св. Марти. Он держит его перед собой в поплотняной кобуре цвета хаки.

— Сколько? — отрывисто бросает Барран.

— Тебе виднее, — ухмыляясь, отвечает Пропп.
Барран открывает ящик комода и, стоя к Проппу спиной, достает оттуда деньги.

— Ты так и не сказал мне, док, почему в нем не хватает одной пули... — говорит Пропп.

Барран подходит к нему, отсчитывая несколько купюр.

— ...Но это я тоже раскопаю, — с недобром усмешкой заканчивает Пропп.

— В таком случае в нем будет не хватать двух, — заявляет Барран спокойно.

Массивная дверь лифта отползает в сторону перед Барраном — на нем белая рубашка, темный галстук, пальто — и мужчиной лет пятидесяти, вида строгого и значительного, одетого в серый костюм.

Мужчина пропускает Баррана в кабину, не прерывая начатый разговор — голос его сух и бесстрашен, как и подобает чиновнику:

— ...Я тут администратором четырнадцать лет. За это время мне довелось принимать здесь уже шестерых ваших коллег, доктор Барран. Вы самый молодой, кому я весьма рад...

Войдя за Барраном в лифт, он нажимает кнопку. Дверь закрывается, и кабина приходит в движение. По табло, указывающему этажи, вниз прыгает круглое пятно света. Не переводя дыхания, администратор продолжает:

— ...У мужчины самый продуктивный возраст — между тридцатью и сорока годами. Все ваши коллеги были чересчур медлительны, доктор Барран. В нашей компании около трехсот служащих. Осмотр каждого должен занимать пять минут, значит, шесть человек за полчаса, двенадцать — за час, девяносто шесть — за день, так что всего вам потребуется три дня... Мы и отвели три дня.

Барран слушает эту густо пересыпанную цифрами тираду с вежливым равнодушием. На лацкане пиджака у администратора — фирменный красный значок с надписью «СИНТЕКО».

Кабина лифта тем временем быстро скользит на тридцать этажей вниз и останавливается на уровне подземелья. Отдвигаясь в сторону, дверь на сей раз открывает взору девушку не старше двадцати лет, свежую, белокурую, в строгом белом халате со стоячим воротничком на пуговицах. Выходя из лифта, администратор представляет ее Баррану:

— Ваша ассистентка, доктор... Мадемуазель Аустерлиц, дочь нашего директора. Мадемуазель Аустерлиц — студентка медицины.

Они стоят в одном из длинных коридоров — этот выкрашен очень светлой, почти белой краской — обширного, роскошно отделанного подземелья, отведенного рекламной службе СИНТЕКО.

Девушка пожимает Баррану руку. В глаза ему она смотрит лишь краткое мгновение и тут же отводит взгляд. Трудно понять, что это: антипатия или робость.

На экране рентгеновского аппарата — грудная клетка со слегка размытыми очертаниями.

— Поближе, — командует Барран.

— Брр, холодно.

Изображение становится четче. Аппарат выключается, и в комнате зажигается свет. За экраном стоит служащая СИНТЕКО лет двадцати пяти, проходящая осмотр у Баррана, облаченного в белый халат. У нее подходящий для данной ситуации безразличный вид. Поднимаясь со стула, Барран говорит:

— Можете одеваться. Давно вам делали эту пробу на туберкулез?

— В прошлом году, — отвечает служащая.

Выходя из аппарата, она застегивает на груди верхнюю часть платья, которую перед тем опустила, — платья из оранжево-розового джерси. Это нечто вроде униформы. В рабочее время все служащие компании одеты одинаково: мужчины — в серое, женщины — в оранжево-розовое. И у всех на груди красная табличка с надписью «СИНТЕКО».

Осмотр проводится в конференц-зале, освещаемом сверху большим плоским подвесным плафоном. Вся ненужная сейчас мебель — стол и кресла — сдвинута к одной из стен, чтобы освободить место для необходимого Баррану медицинского оборудования.

Пока служащая заканчивает одеваться, Барран проходит в соседнюю комнату, поменьше. Его ассистентка, мадемуазель Аустерлиц, сидит там за металлическим столом и отбирает карточки проходящих обследование. Не глядя на Баррана, она протягивает ему одну из карточек. Тот наклоняется над столом — черкнуть несколько слов и расписаться.

— Пригласить следующего, доктор? — спрашивает мадемуазель Аустерлиц.

— Пока не надо. Я вам скажу.

Девушка встает. Она проходит мимо него, направляясь к ящику с карточками. Внезапно выпрямляясь, Барран хватает ее за предплечье и, испуганную, поворачивает к себе.

— Вы вообще-то умеете смотреть людям в глаза? — сухо спрашивает Барран.

Даже сейчас мадемуазель Аустерлиц отводит

взгляд в сторону. Губы ее подрагивают, как у обиженного ребенка.

— Вам не по вкусу моя физиономия? — продолжает Барран.

Ответа нет. Девушка упрямо смотрит в пустоту.

Неожиданно Барран берет ее за плечи, властно притягивает к себе и целует в губы. И тотчас — она не успевает сделать даже движения — отшвыривает ее от себя.

Вот теперь она смотрит прямо на него. В ее больших глазах читаются изумление, стыд и гнев, но она не отводит взгляда.

Такой Барран ее и оставляет. Он возвращается в конференц-зал и закрывает за собой дверь. Служащая, которую он обследовал, уже ушла через другую дверь, выходящую в коридор, и Барран проверяет, что эта дверь заперта надежно. Дальнейшее он совершает заранее выверенными движениями, не колеблясь и не теряя ни секунды.

Он берет на столе настольный фонарь, которым пользуется при осмотре. Закрепив его на голове, подходит к большому металлическому шкафу, стоящему у одной из стен, и отодвигает его с одной стороны. Ровно настолько, чтобы просунуть сзади стул и встать на него.

В стене, на уровне его глаз, — вентиляционное отверстие размерами примерно пятнадцать на пятнадцать сантиметров, надежно закрытое решеткой. За толстой стеной — темнота.

Барран включает фонарь. Луч света перемещается к левой стене и останавливается на вмурованном в стену сейфе. В центре стальной дверцы — маюков и семь оцифрованных ручек.

Барран гасит фонарь, и все погружается в темноту.

Ночь рвут прожектора, трезвонит колокол, беснуется толпа, запряженные кони широким аллюром мчатся по дорожке, видны разноцветные курточки жокеев: на ипподроме в Венсанском лесу заканчиваются скачки.

В то же самое время с ипподромной стоянки выезжает роскошный черный «роллс-ройс». Внутри едущего автомобиля, за стеклами которого проносится Венсанский лес, на одном из столиков сзади стоит доверху наполненный стакан. На дне его лежат пятифранковые монеты, и рука Проппа осторожно опускает еще одну такую же в готовую перелиться через край жидкость. Во время этой деликатной операции слышится очень спокойный голос легионера с ужасным американским акцентом:

— Франц Пропп... Меня зовут Франц Пропп.

Монета опускается на столик себе подобных, но из стакана не проливается ни капли.

— Иеа-а-а!.. — вопит Пропп.

В «роллс-ройсе» раздаются одобрительные смешки. Мужчины протягивают ему купюры. Пропп в темном костюме сидит на заднем сиденье с обычной своей непринужденной улыбкой на губах.

Рядом с ним сидит привлекательная молодая женщина в черной шубке. Она любовно сжимает ему руку, радуясь тому, что он выиграл.

Кроме шоффера в голубой ливрее, в машине трое других мужчин: двое сидят впереди, полуобернувшись к Проппу, а один сзади — колосс лет пятидесяти с огромным животом, колышущимся от смеха, этакий людоед с бородкой, источающий добродушие. Вся троица — в вечерних костюмах.

Под смех окружающих Пропп отпивает глоток виски, собирает купюры, которые ему протягивают, и кладет руку на колено молодой женщины.

— А это моя подружка Катрин, — объявляет он. — Катрин, скажи дядям «здрасте».

Катрин послушно твердит, кланяясь поочередно каждому:

— Здрасьте, здрасьте, здрасьте!

Толстяк указывает на стакан:

— И с этим триком у вас никогда не случается промашки, месье Пропп?

— Никогда, — вмешивается Катрин.

Толстяк обращается к ней:

— Вы давно принадлежите месье Проппу?

— С сегодняшнего вечера, — отвечает Катрин.

Мужчины пересмеиваются. Шоффер невозмутимо разглядывает лицо Катрин в зеркальце. Та сидит между Проппом и толстяком. Ее длинные белокурые волосы собраны в аккуратный пучок на макушке. Она со вздохом откладывается на спинку сиденья.

— Я хотела бы быть куклой, — говорит Катрин. — Франц дергал бы за веревочку у меня в спине, и я говорила бы знаете что? Я люблю вас, я люблю вас, я люблю вас!

Снова все смеются, и громче всех — шоффер. Толстяк снимает трубку телефона, установленного перед ним на столике. Он явно довolen сегодняшним вечером. Автомобиль катит по Парижу, украшенному рождественской иллюминацией.

— Марта?.. — говорит в трубку толстяк. — Марта, нас сегодня будет пятеро... И учти: я очень рассержусь, если дома к моему приезду не будет куклы... Да да, Марта, куклы...

Разговаривая по телефону, он не сводит с Катрин

тяжелого взгляда, одновременно робкого и полного вожделения. Под этим взглядом улыбка постепенно сползает с лица молодой женщины.

В резком свете — Катрин со спины. Спина оголена глубоким вырезом короткого белого вечернего платья. Под басовитое гудение мощного электромотора Катрин медленно разворачивается. Видно, что она напугана, но старается этого не показать. Направленный на нее свет режет ей глаза.

Все это происходит в просторном гараже дорогого частного особняка. Молодая женщина ненадвижно стоит босиком на поворотном круге для автомашин.

На равном удалении от поворотного круга стоят три «ДС» с включенными фарами, направленными на Катрин. Возле каждого автомобиля — мужчина в смокинге. Это те, что ехали в «роллс-ройсе». Они попиваются виски и посмеиваются. Держа в руках купюры, они разыгрывают своеобразную лотерею, приз в которой — Катрин.

У бетонного столба Пропп манипулирует рубильником, включающим вращение круга. Он делает это наугад, стоя к девушке спиной.

Круг останавливается. Неловкими движениями Катрин снимает чулок — на ней уже только один — и бросает его мужчине, перед которым она оказалась. Это один из сидевших на переднем сиденье «роллс-ройса». С торжествующим смехом он поднимает чулок с пола. Приемники во всех трех автомобилях работают на полную мощность, извергая лихорадочный ритм рок-н-ролла.

Пропп включает механизм и собирает по кругу деньги, которые ему протягивают, не обращая на него внимания: взгляды всех устремлены на молодую женщину.

У второго игрока в руках уже туфли и шубка Катрин. Толстяк с бородкой не выиграл ничего, кроме нейлонового чулка. Он удобно устроился в кресле стиля Людовика Тринадцатого, поставленном возле одного из «ДС». Он не пьет и молча пожирает глазами Катрин. На коленях у него большущая кукла, и он нервно теребит торчащую из ее спины леску с кольцом на конце — кукла говорящая. Сквозь смех и музыку то и дело раздается безжизненный механический голос игрушки:

— Папы нету?.. Папы нету?..

Женщина лет сорока с непроницаемым лицом, элегантная, в длинном платье, с бриллиантовым колье, вспыхивающим время от времени в контрастном освещении гаража, обходит всех с подносом, предлагая выпить. Это Марта, то ли экономка, то ли жена, то ли сестра толстяка — это так и остается неизвестным.

Круг останавливается. Катрин, все более и более напуганная, неловкими движениями принимается расстегивать платье. Толстяк, перед которым она остановилась, взрастает в кресле, вперив в нее тяжелый взгляд.

— Не надо платье! — восклицает толстяк. — Платье мы еще не разыгрывали.

Двое других кутил, тоже выкрикивая что-то, мигают фарами. Растревавшаяся Катрин безуспешно пытается разглядеть в ярких вспышках Проппа, но это ей не удается. В конце концов она запускает руки под платье, чтобы снять последнее, что под ним осталось.

Взгляд толстяка становится свинцовым. Рядом с ним Марта, держа руку на спинке его кресла, наблюдает за Катрин со смешанным выражением любопытства и презрения. Когда толстяку достается белый комочек, брошенный ему Катрин, круг вновь приходит в движение.

Плоский голос куклы повторяет свою дурацкую присказку:

— Папы нету?.. Папы нету?..

Круг останавливается. Поколебавшись, молодая женщина расстегивает платье сверху, и оно сползает по ее телу вниз. Как только одежда падает к ее ногам и взорам предстает обнаженная Катрин, стройная и длинноногая, воцаряется мертвая тишина. Умолкли приемники. Оборвали смех мужчины. В этой тишине голос Проппа объявляет:

— Главный выигрыш, brothers! Ставка удесятеряется!

Нагая Катрин начинает поворачиваться в гудении электромотора.

Пропп, по-прежнему не глядя в ее сторону, обходит участников развлечения, собирая протягиваемые ему купюры. После возвращается к рубильнику, на ходу непропливо подсчитывая выручку.

Катрин внезапно останавливается лицом к толстяку, жабой расплывшемуся в кресле с куклой на коленях. У него на лице снова та же странная улыбка, одновременно робкая и похотливая, какая была у него перед этим в «роллс-ройсе».

У куклы, одетой в красное платьице, волосы такие же белокурые, как и у молодой женщины на круге. Сосискообразные пальцы владельца особняка вдруг вырываются из них заколку, и те свободно рассыпаются.

С внутренним содроганием, пряча от толстяка глаза,

Катрин поднимает руки, распускает свой тяжелый шиньон и, легко тряхнув головой, дает волосам упасть ей на плечи.

Марта ворошит угли в камине, над которым висит огромное зеркало, потом выпрямляется и отходит в сторону. На ее черном платье сверкает бриллиантовое колье.

Катрин стоит перед огнем голая, спиной к трем мужчинам, которые развалились на диванах в просторной, роскошно обставленной гостиной, украшенной рождественской елкой. Она держится прямо, неподвижно, свесив руки вдоль бедер, и избегает собственного взгляда в зеркале.

Вокруг шеи у нее обмотана снятая с елки серебристая гирлянда. Толстяк, смеясь и попивая мяту, со льдом, держит конец гирлянды и судорожно дергает за него, как перед этим за шнурок говорящей куклы.

— ...Я родилась в Монпелье... Мне двадцать четыре года... Я хороша собой... — бубнит Катрин.

Толстяк внезапно раздражается:

— Да нет! Не то!..

— Ну, тогда я не знаю!.. — чуть не плача, говорит девушка.

— Дура! — рычит на нее толстяк и дергает за гирлянду куклы.

— ...Я родилась в Монпелье... Мне двадцать четыре года... Я хороша собой... — бубнит Катрин.

По комнате со стаканом в руке бродит Франц Пропп в своем помятом костюме, с виду вдребезги пыльный. Слегка спотыкаясь, он направляется к холлу. Вокруг, в тиши особняка, — хрустальные люстры и колоннады.

— Так что же? Я жду! — капризно восклицает толстяк и несколько раз подряд дергает за гирлянду.

— Папы нету?.. Папы нету?.. — жалобно пищит Катрин.

Трое мужчин смеются.

Тем временем Пропп уже в холле. Протрезвев на глазах, он быстро идет к широкой мраморной лестнице, ведущей в верхние этажи. Проходя мимо статуй, он ставит ей в руку стакан и треплет по щеке. Поднявшись на второй этаж, Пропп быстро обследует комнаты, с профессиональной сноровкой роется в ящиках столов.

Снизу доносятся крики Катрин: «Нет! Нет!.. Оставьте меня!»

Пропп прислушивается. Поколебавшись, он продолжает выдвигать ящики и наконец нападает на внушительную пачку купюр.

На первом этаже суматоха. Мужского смеха не слышно. Раздаются только вопли Катрин.

Пропп мчится к лестнице. Сбегая по ступенькам, он видит, как один из мужчин наседает на перепуганную Катрин, которая пытается накинуть на себя шубку.

Заметив Проппа, мужчина отбрасывает от себя молодую женщину и устремляется к нему. Когда он оказывается у подножия лестницы, легионер сокрушает его мощным ударом ноги в лицо. Из гостиной появляется второй мужчина и бросается на подмы приятеля. Пропп встречает его прямым в челюсть, хватает за воротник смокинга, не давая ему упасть, и вытаскивает из его кармана бумажник.

Он успевает обернуться как раз вовремя, чтобы другим ударом кулака, в котором зажат стакан пятифранковых монет, уложить первого, только что вставшего на ноги.

Завладев и вторым бумажником, легионер бросается в гостиную. Марта с бесстрастным лицом уже накрутила диск телефона, собираясь вызвать полицию. Пропп круто поворачивает назад в холл: Его подруга собирает свою одежду, обувается.

Толстяк с неподвижным, искаженным лицом сидит на стуле за створкой двери из гостиной в холл. Пропп, явно не ожидавший встретить его здесь, после секундного колебания лезет к нему во внутренний карман пиджака и забирает бумажник. Толстяк, не шевелясь, пристально смотрит на него без всякого выражения в глазах.

Катрин тем временем хватает стакан, поставленный Проппом в руку статуй, и жадно осушает его.

Несколько мгновений спустя, в гараже особняка, где недавно разыгрывалась лотерея, уже Катрин в шубке на голом теле орудует рубильником поворотного круга.

На круге — один из «ДС». За рулем — Пропп. Когда круг разворачивает «ДС» в направлении въездной двери, Катрин выключает рубильник и вскакивает в машину. Пропп трогается с места.

Перед ними автоматически поднимается тяжелая дверь гаража. На полном ходу они вылетают на улицу и стремительно удаляются.

Над Парижем — холодная предрассветная мгла. «ДС» останавливается на въезде в Булонский лес перед большим перекрестком заставы Майо.

Катрин рядом с Проппом заканчивает одеваться. Платье уже на ней, теперь она натягивает чулки. Ее спутник тем временем складывает в стопку добывшие купюры. Оба торопятся и не глядят друг на друга.

— Туго тебе пришлось? — спрашивает легионер.

— Ничего.

Они выходят из машины каждый со своей стороны, хлопают дверцами, уходят прочь от «ДС». На другой

¹ братья (англ.).

стороне перекрестка Пропп сажает молодую женщину в такси. Сам он остается на шоссе.

— На Монпарнас,— говорит Катрин водителю.

Она смотрит на Проппа, который делит на две равные части ночную выручку. Одну половину он протягивает ей, другую кладет в карман. Небрежный поцелуй.

— Счастливо,— мягко говорит Пропп.

Молодая женщина с легкой грустью качает головой:

— Я даже не знаю, где тебя найти.

— Считай, что тебе повезло,— усмехается легонько.

И уходит, подняв ворот пиджака и засунув руки в карманы. Сидя в отъезжающем такси, Катрин смотрит через заднее стекло, как исчезает из ее жизни этот одинокий волк.

Утро того же дня, пятницы, 22 декабря.

Барран входит в огромное помпезное подземелье СИНТЕКО, в котором гулко отдаются его шаги. В руке у него черный чемодан.

Охранник в черной форме, с кобурой на бедре, из которой высывается рукоять револьвера, оборачивается к нему при входе в лабиринт со стороны гаража для автомашин служащих:

— Здравствуйте, доктор.

Наконец Барран оказывается в знакомом белом коридоре. Сидя на скамейках и в креслах у двери в кабинет для медосмотра, несколько служащих ожидают своей очереди.

Среди них — Изабелла. Она ждет, меряя шагами коридор. Останавливается перед Барраном, когда тот подходит, но ее лицо ничего не выражает. Она только следит за ним взглядом.

В комнате, смежной с конференц-залом, — мадемузель Аустерлиц. Она еще в шубке и в красном шарфе в тон берету, держит в руке шикарный чемоданчик — видно, только что пришла. Она оборачивается к открываемой двери, и ее лицо освещается ясной, неподдельной улыбкой:

— Здравствуйте, доктор.

— Уик энд? — с улыбкой спрашивает Барран, кивая на чемоданчик в руке у девушки.

— Уик энд,— отвечает та.

Барран направляется в кабинет для медосмотра. Внезапно он оборачивается. Мадемузель Аустерлиц неотрывно смотрит на него своими большими глазами.

— Я не просил вас смотреть на меня все время... — добродушно ворчит Барран. — Вы можете заняться чем-нибудь другим.

Мадемузель Аустерлиц смущенно отворачивается.

Утро того же дня, некоторое время спустя.

Изабелла в белом комбинезоне стоит в кабинете для медосмотра вместе с Барраном. Медик в доверху застегнутом халате слушает под дверью в комнату мадемузель Аустерлиц. Замочной скважины в двери нет, но за ней, похоже, все тихо. Он делает подруге знак подойти вместе с ним к столу.

— Когда они будут отпирать сейф? — спрашивает Барран.

— Во второй половине дня... — отвечает Изабелла. — По пятницам они убирают в него бухгалтерские книги.

Из чемодана Барран с Изабеллой поочередно извлекают части какого-то необычного фотографического оборудования. Действуют они с явной согласованностью, экономя каждое движение, переговариваются тихо, но спокойно, нейтральным тоном.

Барран сдвигает на себя большой металлический шкаф, ставит позади него стул. Изабелла, встав на стул, устанавливает перед зарешеченным вентиляционным отверстием черную камеру, объективом в сторону хранилища. Смотрит в видоискатель, подбирает угол наклона.

— Аппарат настроен на три снимка в секунду, — говорит Изабелла. — Тебе остается только включить его, когда они войдут туда, и выключить, когда выйдут.

Барран разматывает провода и протягивает их до чемодана, где спрятана батарея, стараясь, чтобы они не бросались в глаза.

— Этую штуку не будет слышно? — спрашивает Барран.

Изабелла как раз прикрепляет изолентой на вентиляционное отверстие перед объективом кусок прозрачного оргстекла, чтобы в хранилище не было слышно шума двигателя камеры. Сама камера помещена в бесформенный самодельный футляр из нескольких слоев ткани.

— С той стороны — нет, — говорит Изабелла. — С этой — я сделала все, что могла.

Она спускается со стула. Барран ставит чемодан на стол, чтобы он всегда был под рукой.

— Как странно... — произносит Изабелла. — Сегодня первый вечер, когда мы не будем вместе... ты будешь скучать без меня?

— Нет, — отвечает Барран и закрывает чемодан.

На цифровых электрических часах в белом коридоре — 15.15.

Внезапно из динамиков, установленных на перекрестках подземного лабиринта, раздается женский голос, слышавший, как в аэропортах:

— Распоряжение дирекции: сотрудников, работаю-

щих в подземелье, просят покинуть коридоры... Сотрудников, работающих в подземелье, просят покинуть коридоры...

Служащие, ожидающие медосмотра, послушно встают. Мадемузель Аустерлиц приглашает их в свой кабинет и закрывает дверь. Голос в динамиках твердит уже с большей беспечеромонностью:

— Приказ: немедленно освободить коридоры.

От входа в подземелье со стороны лифтов по красному коридору идут несколько человек. Возглавляет процессию администратор. За ним — два охранника в черном, с револьверами в кобурах на правом бедре. Позади них — мужчина в сером, несущий два увесистых металлических ящичка. Замыкают шествие еще два вооруженных охранника.

Приоткрыв дверь из кабинета для медосмотра, Барран в халате смотрит на анфиладу опустившихся коридоров. Он видит, как на одном из перекрестков группа людей сворачивает в коридор и неторопливо приближается.

Его внимание привлекают более всего металлические ящички, которые несет человек в центре группы. Чепочками они прикреплены к его запястьям. Вдобавок все эти люди — в перчатках. Процессия останавливается в нескольких шагах от Баррана, напротив хранилища.

Один из охранников, заметив, что дверь в конференц-зал приоткрыта, подходит к ней и решительно, не говоря ни слова, закрывает. Барран возвращается к своей работе.

На операционном столе сидит совсем молоденькая пациентка. Молчаливая и безразличная, она ждет, что врач продолжит прерванное обследование. Верх ее платья на спине спущен, а лиф она руками прижимает к груди.

Барран неторопливо идет за белым платком, лежащим на столе, где стоит его черный чемодан. По пути он поглядывает в сторону металлического шкафа. Хотя тот и придвигнут назад к стене, на которой укреплена камера Изабеллы, между ним и стеной осталось пустое пространство. В этом пространстве внезапно появляется свет: осветилось вентиляционное отверстие, возвещая о появлении в хранилище администратора и охранников.

Барран запускает руку в чемодан и подключает батарею к камере. Тотчас же начинает раздаваться равномерное — трижды в секунду — щелканье.

Приложив белый платок к спине молоденькой пациентки, Барран наклоняется к ней, чтобы послушать дыхание.

— Зачем понадобилось освободить коридоры? — спрашивает он.

Непродолжительное молчание нарушается только тихим, но различимым щелканьем камеры. Девушка, темноволосая, с отсутствующим взглядом, терпеливо дождавшись конца прослушивания, отвечает, не поворачивая головы:

— Они несли рождественский подарок.

— Рождественский подарок?

— Ну да, жалованье, вознаграждение... Банки-то на праздники закрываются, — отвечает девушка.

Лифт СИНТЕКО. Барран и Изабелла одни в движущейся кабине. Он в белом халате, она в розовом форменном платье компании. Позади нее на табло поочередно зажигаются номера этажей.

У Баррана сухое, жесткое выражение лица. Изабелла же готова разрыдаться, как тогда, в Марселе.

— Почему ты мне не сказала? — отрывисто спрашивает Барран.

— Да я сама не знала! — жалобно восклицает Изабелла.

— И сколько же там?

Изабелла мнется, отвечает нехотя:

— Говорят, что-то около двухсот миллионов.

— Многовато для трехсот служащих!

— Там еще для выплаты на заводах... Я сейчас объясню.

Когда она приближается к Баррану, тот беззлобно, но сильно отбрасывает ее ладонью к стенке кабинки.

— Что ты мне собираешься объяснить? Что это легко заграбастать? Что ты с самого начала вела именно к этому?

Ошеломленная, Изабелла мотает головой, не в силах подобрать слов, чтобы выразить свое негодование.

В этот миг лифт прибывает на последний, тридцатый этаж. Двери раздвигаются, и в кабину входит макетист в сером, держа в руках большой рекламный плакат.

Лифт спускается.

Любовники, вынужденные молчать, даже не смотрят друг на друга. Макетист удостаивает их лишь беглым взглядом. Тремя этажами ниже — снова остановка. Макетист выходит.

Барран нажимает на кнопку «Подземелье», и номера этажей вновь принимаются мелькать на табло.

— Да ты рехнулся! — внезапно оживляясь, со слезами на глазах восклицает Изабелла. — Я прошу тебя открыть сейф, чтобы положить туда мои акции! Мои! Я не прошу у тебя ничего другого!.. Для меня ничего не изменилось!

Барран недоверчиво усмехается:

— А двести миллионов? К нам мне не прикасаться?

— Конечно, нет! Ты с ума сошел!

В ответе Изабеллы слышится такая убежденность, что в ее искренности сомневаться не приходится.

Лифт останавливается в подземелье. Двери раздвигаются. Барран задумчиво, пристально смотрит на свою подругу.

С тех пор, как Барран увидел людей с деньгами, направляющихся в хранилище, он держался так, словно никакого удивления не испытывал, словно он с самого начала ждал, что все сведется к заурядному ограблению. Удивлен он теперь. Если у Изабеллы есть какой-то тайный умысел, то не этот. Но какой же? В конце концов он выходит из лифта и достает из кармана пиджака рулон фотопленки.

— Сколько тебе понадобится времени, чтобы ее проявить? — уже деловито спрашивает Барран.

— К шести часам будет готово.

Кивнув, Барран кидает Изабелле пленку. Двери лифта, сдвигаясь, разделяют любовников.

Кафе отделано красным и позолотой, панели сверкают, лампы множатся в зеркалах.

Барран пересекает зал, отыскивая глазами Изабеллу. Та сидит перед бокалом поодаль от остальных посетителей. Еле дождавшись, пока он усядется напротив нее, Изабелла вполголоса воскликнет:

— Все к черту бросаем!

Барран смотрит на нее, онемев от удивления.

— Есть только три цифры из семи, — с отчаянием добавляет девушка.

Одну за другой она раскладывает перед медиком три большие черно-белые фотографии, лежавшие у нее в приоткрытой сумочке. На фотографиях с большой зернистостью из-за сильного увеличения изображены ручки сейфа после набора нужной комбинации.

— Третья... четвертая... и последняя, — говорит Изабелла, поочередно указывая на отпечатки.

Цифры, которые видит Барран, — это соответственны 6, 1 и 5.

— И все, — с горечью заключает Изабелла. — Остальное никуда не годится.

Она швыряет на стол другую пачку фотоснимков, которую Барран начинает машинально просматривать. Ручки сейфа загоражены на них то рукой администратора, то спиной попавшего в объектив охранника. Медик на секунду задумывается, потом протягивает над столом кулак, по одному разгибая четыре пальца:

— Десять... сто... тысяча... десять тысяч, — считает он.

— Недостает четырех цифр — это десять тысяч возможных сочетаний... У меня есть три дня и три ночи, чтобы их перебрать.

— Нет! — восклицает Изабелла.

— Да! Может, первая же окажется нужной!

— Нет, я не хочу! Я объясню им, я верну им акции! — Помолчав, Изабелла неуверенно добавляет: — Если я сама верну им акции, они не сделают мне ничего плохого!

Трудно понять, утверждение это или вопрос.

— Дай кому-нибудь хоть одну возможность сделать тебе плохо, — говорит Барран, — и можешь быть уверена: он тебе это сделает!

Он достает из кармана авторучку и, оторвав от бумажной салфетки уголок, быстро пишет на нем:

?61??5

— Тебе ведь надо будет есть, пить! — говорит Изабелла.

— Там полно автоматов, — дописав, отвечает Барран и смотрит на часы. — Они все были сегодня в перчатках.

— Я подумала об этом, — говорит Изабелла и бросается на стол пару перчаток. — В хранилище не должно быть ни одного отпечатка пальцев. Это святая святых.

Барран берет перчатки, сует их в карман, одновременно осушая стоявший на столе бокал. Встает. Во взгляде Изабеллы чувствуется недоверие. И еще желание его удержать.

— Если я не выберусь оттуда раньше, — говорит Барран, — встречаемся у меня во вторник утром.

Он пожимает подруге руку и собирается уходить. Изабелла в последний момент удерживает его за руки.

— Мы уже две недели вместе, а я до сих пор не знаю твоего имени, — печально говорит она.

— Дино, — помолчав, отвечает Барран.

Изабелла все еще не отпускает его. На ее лице к выражению беспокойства примешивается сомнение: теперь Барран решительнее, чем она сама, настроен на приключение. В ее глазах можно прочесть: «А вдруг ты сам собрался прикарманить жалованье персонала?»

— Ты, правда, не притронешься ни к чему в этом сейфе? — запинаясь, умоляющим тоном спрашивает Изабелла.

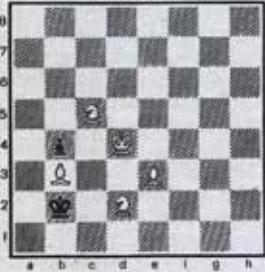
Не отвечая, Барран высвобождает руку и уходит. На часах шесть двадцать пять.

Продолжение следует.

Перевод с французского
Валерия ОРЛОВА.

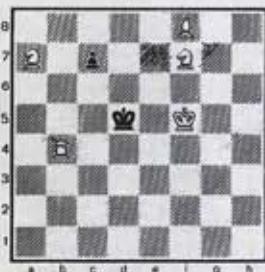
31-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГОПАРАД МИНИАТЮР
С. СТАМБУК
1952 г.

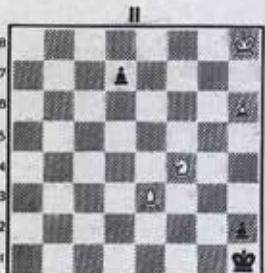
Мат в 2 хода

Чтобы подготовить мат на 1... Кра1, нужно освободить для слона занимаемое королем поле d4. Естественные отходы короля на поля с4 и d3 приводят к так называемым белым комбинациям. После 1. Крс4? черные спасаются путем 1... Кра3!, и нет 2. Кс4, так как собственный король заблокирован поле с4. Аналогично: 1. Кpd3? Крс1, и нет 2. Kd3. К цели ведет только 1. Кре4! Теперь у черного короля свободны все четыре диагональные поля (совокупность вариантов, объединенных игрой короля на эти поля, называется королевской звездочкой). 1... Кра1 2. Cd4x, 1... Кра3 2. Кс4x, 1... Крс3 2. Ка4x; 1... Крс1 2. Kd3x. Содержательная задача!

Пятый тур

Белые: Kpf5, Lb4, Cf8, Ka7, Kf7 (5)
Черные: Kpd5, п. с7 (2)

Мат в 3 хода (3 балла)

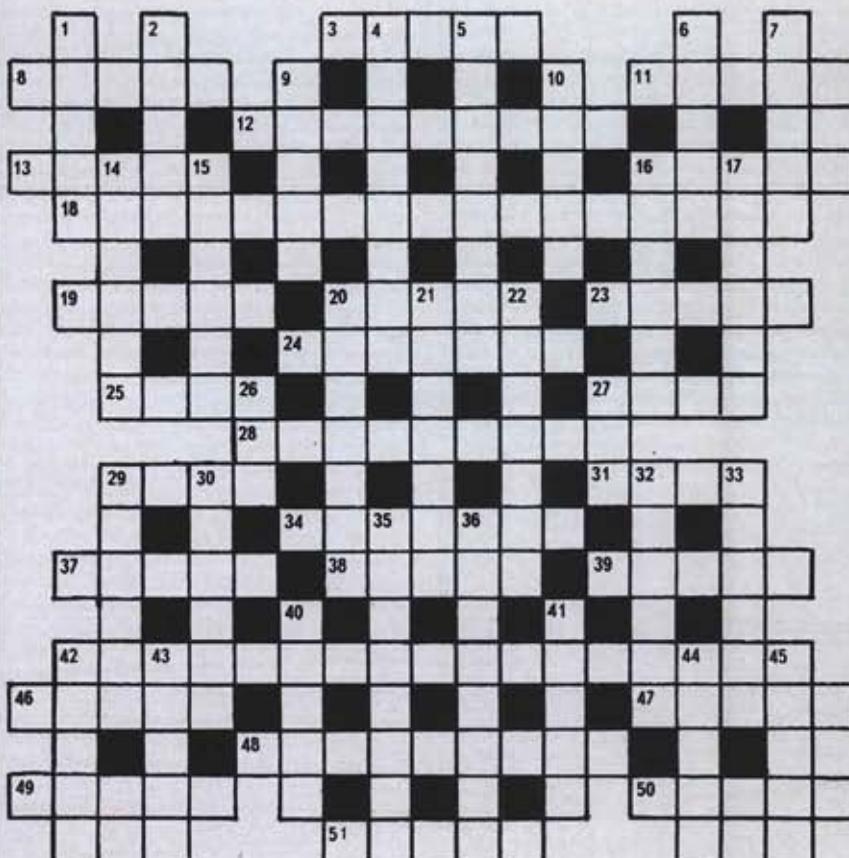
Белые: Kph8, Ce3, Kf4, п. h6 (4)
Черные: Kph1, пп. d7, h2 (3)

Мат в 4 хода (3 балла)

Ответы на задания прсылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «31-я шахматная олимпиада. V тур». Последний срок отправки писем (по почтовому штемплю) — 1 июля.

КРОССВОРД

Составил С. Уралов. Москва

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

3. Отдельное животное или растение. 8. Самый крупный, по мнению Томмазо Кампанеллы, итальянский писатель, в сравнении с которым все остальные не более «чем гондолы в сравнении с боевым кораблем». 11. Продукция для продажи. 12. Человек, парящий в воздухе, как птица. 13. Украинский актер, снимавшийся в фильме «Ночной извозчик». 16. В Англии XII века эпическая ... — для мужчин, роман — для женщин. 18. Не поддающееся пророчеству. 19. Часть бамбука, из которой бананы на юге Вьетнама добывают питьевую воду. 20. Африканский зверь, кричущий (карающий) только на деревьях. 23. Английский учений, получивший в 1898 году ждаки, а в следующем — твердый водород. 24. Государство с самым большим числом выдающихся произведений искусства на душу населения. 25. Птица, во время пахоты уничтожающая массу полезных

дождевых червей. 27. Обычный элемент одежды Лидии Руслановой на концертах. 28. Порт на острове Хонсю в Японии. 29. «Что нам в бледном утреннем обмане? И Павлин, и ... — чужие людям. Вот они разтайли в тумане, и мы больше видеть их не будем» (Н. Гумилев. «Рассвет»). 31. Вспился, как ... (о настырном человеке). 34. Дух в народных поверьях, который к добру гладит солнного мохнатой рукой. 37. «Геракл и ...» — скульптурная группа А. Поллайдо. 38. Представитель племени, покоренного Цезарем во время галльских походов. 39. Горная цепь. 42. Свечение живых организмов. 46. Недостаток. 47. Столица (субъ.). 48. Писатель, создавший первую трагедию на итальянском языке, герой которой — Орфей. 49. «... убившая Олоферна» — жутковатая картина Караваджо. 50. Наука, грозящая оружием не менее страшным, чем ядерное. 51. Птица, означающая в китайской живописи «гун би» («цветы и птицы») — пожелание удачной карьеры.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Отравляющее вещество. 2. Затертая мысль. 4. Древний азиатский язык, к которому, как в середине XIX века установил немецкий ученый А. Потт, близок цыганский. 5. Лес, от которого в русской душе становится светле. 6. Цветок, символ лета в Китае. 7. Язык, придуманный футуристами. 9. Багаж. 10. Удача. 14. Палата во дворце, замке. 15. Мера веса в странах Латинской Америки. 16. Танец, вопреки названию, родом из Чехии. 17. Звезда кино, театра, эстрады на Западе. 20. Артист, сыгравший Кондратьева в фильме «Рожденная революцией». 21. Южнофранцузский хоровод. 22. Кит, зуб у которого весит до 1,6 килограмма. 26. Тростниковое растение, из которого в Казахстане и Киргизии делали циновки для убранства юрт, причем каждый стебель мастерница оплетала цветной

шерстяной нитью. 27. Щегольство. 29. Советский хоккеист, чемпион Олимпиады 1968 года. 30. Произведение Т. Шевченко со вторым названием «Иван Гусь». 32. Австрийский зоолог, один из создателей этологии. 33. Русский пейзажист, который начал развиваться поздно, но быстро. «Он шел на тройной упряжке: дарования, трудолюбия и корыстя» (А. Эфрос). 35. Одна из наук, которые преподавал в Павии, Турине, Ферраре и других городах знаменитый итальянский новеллист Джамбаттиста Чинтио. 36. Первый этап цыганской свадьбы. 40. Французский ткач, ставший известным всему миру песенником. 41. Поприще актера. 42. Слинная страна у хризантемных рыб. 43. Американский шахматист, на чьих партиях, по мнению Р. Рети, шахматный мир научился современному пониманию открытой игры. 44. Металл, чье «свидание» с водой кончается взрывом и пожаром. 45. Неволыник, пленик, узник в стаину.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 6

По горизонтали:

1. Гладиатор. 8. Космодемьянская. 11. Задор. 12. Рангоут. 13. Щенок. 16. Фата. 17. Чукат. 18. Якорь. 19. Шлюп. 24. Константинов. 25. Лавочкин. 27. Ацетат. 28. Узечка. 29. Шапито. 32. Уэловия. 33. Амирранашвили. 35. Роза. 36. Лазер. 37. Егеря. 38. Чаща. 42. Дверь. 43. Чискова. 44. Штирик. 47. Металлокерамика. 48. «Гайдамаки».

По вертикали:

1. Гимн. 2. Анджапаридзе. 3. Измога. 4. Трясунка. 5. Рысь. 6. Ворот. 7. Налев. 9. Растениеводство. 10. Коллективизация. 14. Турне. 15. Орган. 16. Фиксатуар. 20. Пантомима. 21. Страбон. 22. Хорезми. 23. Бомарше. 26. Скороговорка. 30. Жираф. 31. Индра. 34. Бериллий. 39. Орфей. 40. Скикда. 41. Этика. 45. Чанг. 46. Ямки.

СМЕНА'89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 7 (1485) АПРЕЛЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ
(ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)

Художник
Александр КЛИЩЕНКО
Технический редактор
Елена НАЗАРОВА

Сдано в набор 20.02.89.
Подписано к печати 02.03.89.
А 00243. Формат 70×108/16.
Бумага для глубокой печати.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5.60.
Усл. кр.-отт. 19,60. Уч.-изд. л. 10.26.
Тираж 2 500 000 экз.
Заказ № 259.
Цена 35 коп.

101457. ГСП. Москва.
Бумажный проезд. 14

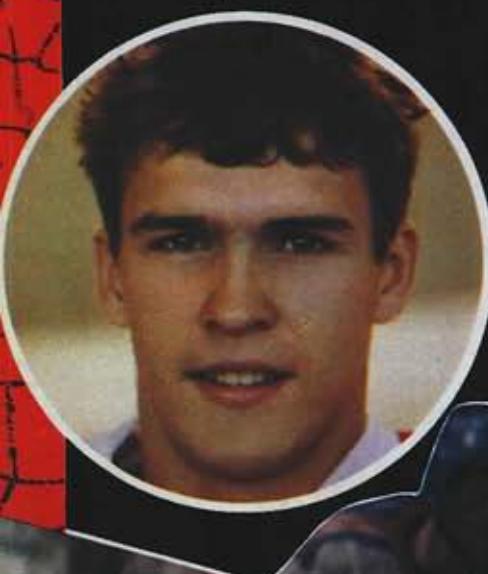

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки.
212-21-36 — коммунистического воспитания.
212-23-79 — фотоочерка.
251-32-84 — военно-спортивный.
251-32-84 — международной жизни.
251-04-10 — литературы и искусства.
212-11-27 — писем и массовой работы.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

*Своей игрой
я хочу доказать,
что и один
в поле вон.*

A. Ирбе.

Год назад хоккейный мир нескованно удивился — в команде рижского «Динамо» был посажен на скамейку запасных в кои-то веки воспитанный там олимпийский чемпион — вратарь Виталий Самоилов. Причем травмирован он не был и формы своей отнюдь не растерял. Просто его место в воротах занял невысокий, плотно сбитый 20-летний паренек, с первой игры в высшей лиге пронявшийся вдруг «все ловить».

С поистине прибалтийским хладнокровием гасил он валы атак форвардов, не раз заставлявших капитулировать лучших голкиперов по обе стороны океана. Этот невозмутимый волнорез, который, словно сдавая каждый раз тест на безошибочность, все делал вовремя, не поддаваясь на уловки нападавших, следя какую-то своей программе — выбрасывал ловушку, вытягивал щиток, фехтовал клюшкой. И рижане, ни разу за полтора десятка лет игры в высшей лиге не дотягивающие до медалей, резко пошли в гору. При измененной формуле чемпионата они сначала вошли в четверку команд, оспаривавших медали,

а затем вышли и в финал; пытающиеся противостоять им московские динамовцы лишь стучали с досады клюшками о лед, проигрывая дузлью за дузлью Ирбе. В борьбе с ЦСКА за «золото» рижанам одного Артура, правда, не хватило, но и уступили они весьма достойно, опять же во многом благодаря своему вратарю.

А еще через полгода у его ворот коршуном будет кружить сам Гретцки, долго и безуспешно пытающийся отличиться. Выйти против него на лед и не дать Гретцки, практически не уходящему с поля без гола, забить, было давней мечтой Артура. Мечтать, впрочем, можно о чем угодно, но в том, что «Лос-Анджелес Кингз» («Короли из Лос-Анджелеса») во главе с королем хоккея разгромят не имеющих опыта встреч с профессионалами динамовцев, мало кто сомневался. Да и европейские вратари всегда неуютно чувствовали себя за океаном на узких площадках «профи», где шайба так и норовит отскочить от борта на самый «пятачок» перед воротами.

Они разошлись, так сказать, миром — Уэзин Гретцки и Артур Ирбе. Суперзвезда профессионального хоккея и никому доселе не известный на американском континенте юный вратарь. Гретцки «свою» шайбу-таки забил. За две минуты до конца, когда она уже ничего не решала — рижане при бесподобной игре Ирбе не оставили надежд «королям».

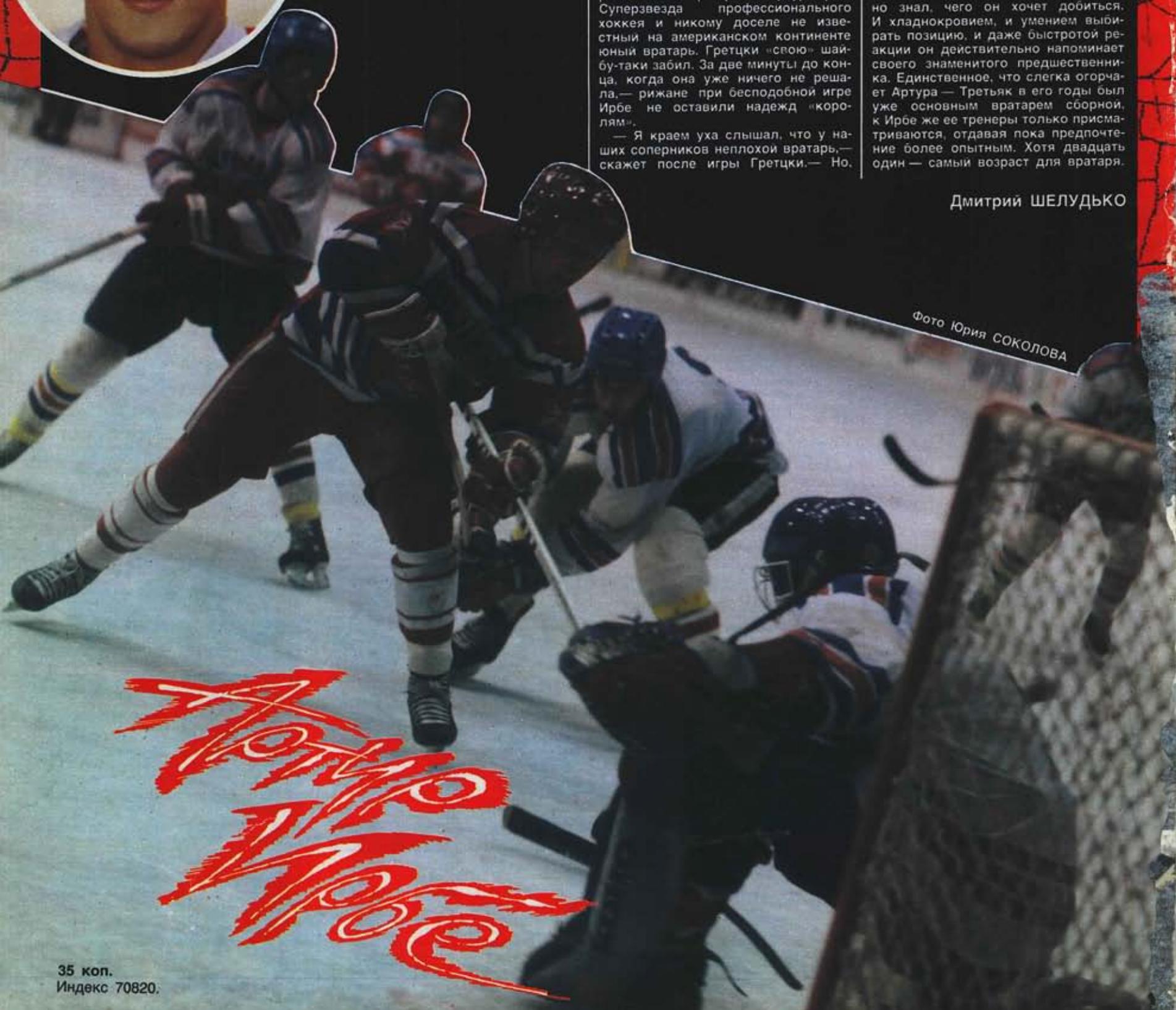
— Я краем уха слышал, что у наших соперников неплохой вратарь, — скажет после игры Гретцки. — Но,

признаюсь, не придал этому особого значения. Когда на чужого, тем более европейского голкипера, беспредельно и целенаправленно давят 20 тысяч наших неистовых болельщиков, тут не нервы — канаты надо иметь. Плюс наша тактика постоянного силового давления. Любая оборона рухнет, в том числе и ее последний рубеж. Но рижанин продемонстрировал такое хладнокровие, которое я последний раз встречал, пожалуй, разве что у Третьяка. Но тот был для меня легендой, а Ирбе — вратарем, которому я обязан забывать. А вместо этого мы всю игру тыкались словно в стену, почувствовав к концу чуть ли не полное свое бессилие. Думаю, ни одна из команд национальной хоккейной лиги не отказалась бы видеть в своих воротах вашего Артура.

Хоккейная интуиция Гретцки не раз приводила в восторг болельщиков всего мира. Не ошибся он и на сей раз. Именно Владислав Третьяк был кумиром Ирбе с тех самых пор. Как маленький Арчи встал в Риге на свои первые коньки. Впрочем, кумир — это, наверное, нечто недостижимое, тогда как Ирбе, похоже, точно знал, чего он хочет добиться. И хладнокровием, и умением выбирать позицию, и даже быстротой реакции он действительно напоминает своего знаменитого предшественника. Единственное, что слегка огорчает Артура — Третьяк в его годы был уже основным вратарем сборной, к Ирбе же ее тренеры только присматриваются, отдавая пока предпочтение более опытным. Хотя двадцать один — самый возраст для вратаря.

Дмитрий ШЕЛУДЬКО

Фото Юрия СОКОЛОВА

Артур Ирбе